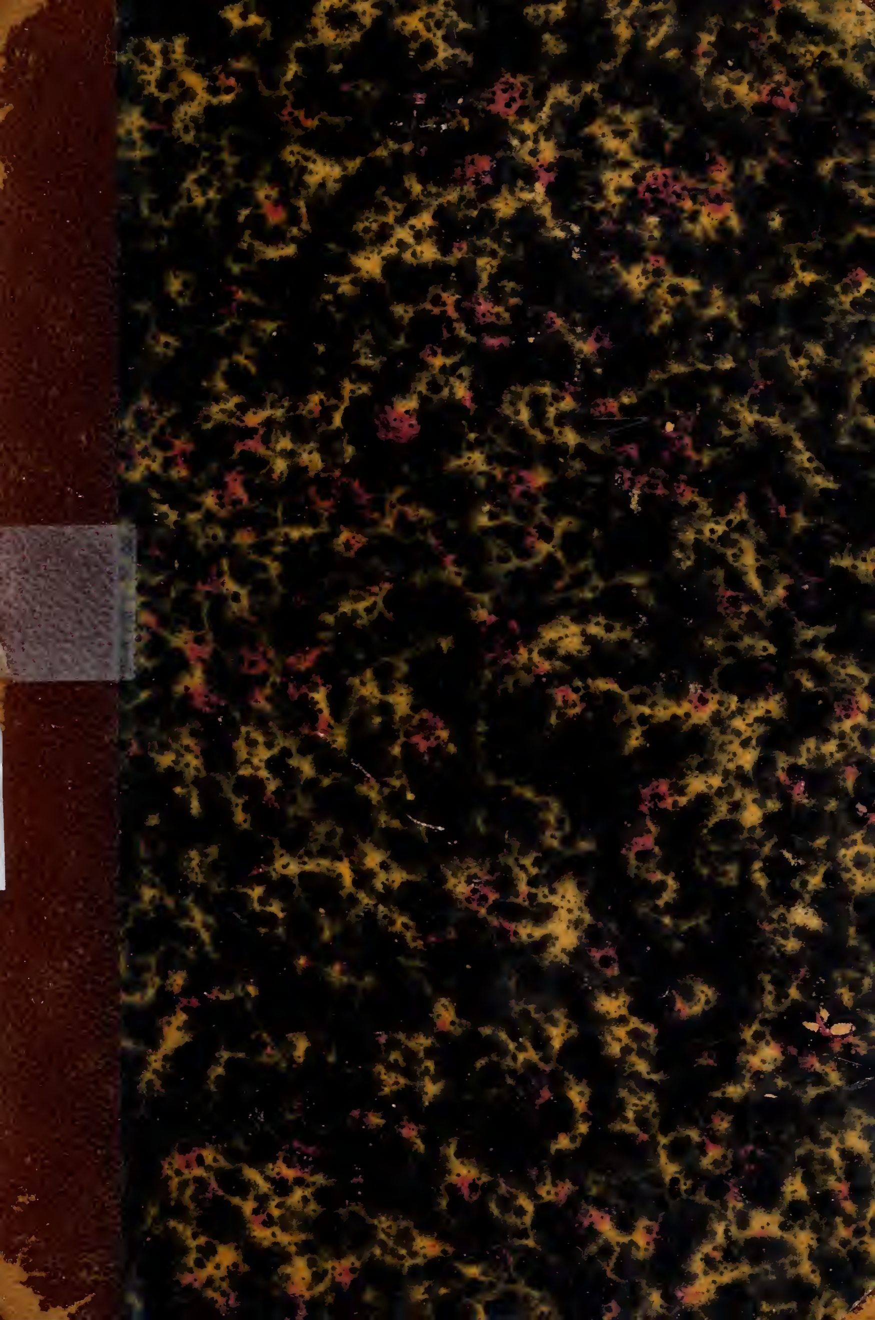

A.D.
1907
ДОМ
НА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИСТОРІЯ

КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

ИСТОРІЯ

КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

СОБРАЛЪ

И. Кс. Зеленецкій.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 30-го 1851 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ВЫСОЧАЙШЕ

УТВЕРЖДЕННОМУ

МОСКОВСКОМУ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

1837 года,

Учителя Русскаго языка, Ариѳметики, Русской Исторіи и Географіи, Срѣтенской школы, Ивана Зеленецкаго

усерднѣйшее приношеніе.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО!

Для Красной площади готово новое торжество; уже ея Мининъ и Пожарскій возобновлены и подножіе ихъ украшено.

Предки наши, при подобныхъ случаяхъ, въ ознаменованіе радости, любили дѣлать благотворенія.

Желая къ общей радости присовокупить и мою, приношу Вамъ сей слабый трудъ юнаго пера моего, да принесетъ онъ пользу школамъ, Рукою Державною покровительству Вашему ввѣреннымъ.

Примите на радость дѣтей, въ школахъ воспитывающихся, и во исполненіе желанія

покорнаго слуги

Вашего

Ивана Зеленецкаго.

Подъ именемъ Красной площади мы разумѣемъ здѣсь ту достопамятную Московскую площадь, на которую мы обыкновенно выходимъ изъ Кремля сквозь Спасскія ворота, или сквозь Никольскія. Площадь эта, составляющая теперь пространство длиною 135 саженъ и шириною 75, по видимому, ничего не представляетъ, кромѣ прекраснаго вида, но въ историческомъ отношеніи имѣетъ очень много замѣчательнаго. Исторія ея тѣсно связана не только съ исторіею Москвы, но и цѣлой Россіи, съ того времени, когда лучи народа Русскаго сосредоточились въ Москвѣ, и Москва стяжала достославное имя Кіева — матери городовъ Русскихъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ предметами, самыми замѣчательными, каковы: Кремль, Иверская часовня съ зданіями Присутственныхъ

мѣстъ, Казанскій соборъ, Торговые ряды, Лобное мѣсто и Покровскій соборъ, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ церкви Василья Блаженнаго,— Красная площадь есть такое мѣсто, которое служитъ памятникомъ множества событій.

Не знаю, приходитъ ли вамъ, любезные мои читатели и читательницы, что-нибудь на мысль во время проѣзда вашего, или прохода, чрезъ Красную площадь; но я не могу пройдти по ней равнодушно. По Красной площади я всегда хожу съ удовольствіемъ, и не рѣдко останавливаюсь передъ существующими около нея и на ней памятниками минувшаго. Почтенная древность, представляясь взорамъ моимъ, невольно принуждаетъ меня взглянуть въ прошедшее. Такъ напр., когда я прохожу сквозь Воскресенскія ворота, то вспоминаю, что ворота эти прежде назывались Куретными, и что нѣкогда Иверской часовни, мимо которой христіанинъ не проходитъ, не преклонивъ колѣна, не было. Припоминаю, что находящаяся въ часовнѣ Иверская икона Богоматери, которая теперь въ такомъ почтеніи, что нѣтъ въ цѣломъ году дня, въ который бы она съ утра до вечера не переходила изъ дома въ домъ, оставляя вездѣ радость и благоговѣніе въ сердцахъ вѣрующихъ, предназначена была не для часовни. Ревностный къ религіи

Патріархъ Никонъ, предположивъ, въ 1653 году, соорудить на Валдайскомъ озерѣ монастырь во имя чудотворной иконы Божіей Матери, находящейся въ Иверскомъ монастырѣ, что на Аѳонской горѣ, просилъ Царя Алексѣя Михаиловича послать обратно въ Иверскій монастырь пріѣхавшаго въ это время оттуда въ Москву Архимандрита Пахомія — снять точный списокъ съ означенной иконы, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поставить ее въ новосозидаемый монастырь. Государь, по просьбѣ его, послалъ Пахомія, — и въ 1666 году Пахомій привезъ требуемый списокъ; но какъ въ это время Никонъ былъ уже подъ гнѣвомъ Царя и жилъ въ Вологодскомъ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, то Царь не приказалъ ставить ее въ Никоновъ монастырь, а указалъ построить для нея у Куретныхъ воротъ часовню. Въ часовнѣ этой теперь двѣ копіи съ Чудотворной Иверской иконы Божіей Матери,—и я припоминаю, что вскорѣ послѣ того, какъ привезена была первая, приказано было списать и другую, для того, чтобы часовня не оставалась пустою. Вѣра жителей Москвы къ Иверской иконѣ была и тогда столь же велика, какъ и нынѣ: ее тогда же начали безпрестанно брать въ дома. 1791 года, когда первоначальная Иверская часовня пришла въ ветхость, Екатерина II приказала ее перестроить,— и мысль о блаженной памяти Екатерины II соединяет-

ся съ мыслію о ея достославномъ царствованіи и дѣяніяхъ. Съ памятью о драгоцѣнныхъ украшеніяхъ иконъ этихъ соединяется память Императрицы Елисаветы Петровны и Московскаго Митрополита Платона. Золотая риза первой, какъ видно изъ находящейся на ней надписи, сдѣлана при Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 1758 года, отъ вклада доброхотныхъ дателей, художникомъ Василіемъ Матвѣевымъ Кункинымъ, а второй, — также богатая, устроена усердною вкладою Г. Твердышева и стараніемъ Московскаго Митрополита Платона, 1790 года, что видно также изъ надписи на ней.

Въ зданіяхъ, между которыми находятся Воскресенскія ворота, со временъ царствованія Императрицы Екатерины II, помѣщаются извѣстныя Присутственныя мѣста; но я припоминаю, что до помѣщенія ихъ здѣсь, въ домахъ сихъ, обновленныхъ въ 1607 году, по повелѣнію Шуйскаго, а въ 1820 году, по повелѣнію Александра Благословеннаго, распространенныхъ, были: направо — монетный дворъ, памятникъ монетнаго дѣла въ Россіи, а налѣво—Университетъ — колыбель знаменитаго Московскаго Университета, воспитавшаго столько знаменитыхъ людей; среди зданія направо находится Временная тюрьма, извѣстная въ простомъ народѣ подъ именемъ Ямы,

по своему положенію, — это мѣсто, гдѣ содержатся преступники, еще не осужденные закономъ, и должники до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ долгу. Мѣсто это, которое во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія, наводитъ какой-то ужасъ; но воображеніе мое смягчаетъ его, представляя, что Цари наши, бояре и купцы не проводили ни одного праздника, не пославъ въ темницы подаянія. Сердобольная мать наша — Церковь, открывая разницу между порокомъ и порочнымъ, внушаетъ намъ и милость и состраданіе къ самымъ преступникамъ. Увлеченный такими мыслями, я припоминаю, что Царь Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ обыкновеніе, послѣ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія, ходить въ темницы, одѣлять заключенныхъ деньгами и освобождать всегда одного изъ важнѣйшихъ преступниковъ, осужденныхъ на казнь.

Взглянувъ на Кремль, я не могу не вспомнить заученныхъ мною въ Семинаріи словъ знаменитаго Исторіографа нашего, Николая Михайловича Карамзина, и Пѣвца на Кремлѣ:

«Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній; здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго возникла мысль спасительнаго единодержавія,

какъ жизнь среди могилъ истлѣнія; здѣсь, подъ звукомъ цѣпей Ханскихъ, воспылала ревность государственной независимости; здѣсь Донской развернулъ черное знамя Велико-Княжеское, чтобъ идти на Мамая; здѣсь Іоаннъ Васильевичъ растопталъ басму или образъ Хана; здѣсь началось, утвердилось самодержавіе не для особенной пользы Самодержцевъ, но для блага народнаго; отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Въ Спасскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Іоанновичъ Шуйскій, держа въ одной рукѣ Святый крестъ, а въ другой мечъ обнаженный, чтобы свергнуть Лжедимитрія; здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ лежалъ Самозванецъ, выскочивъ изъ окна заднихъ переходовъ Дворца; на паперти храма Успенскаго нововѣнчанный Царь, юный Михаилъ, лилъ горькія слезы, когда Россіяне лобызали ноги его также со слезами, но радостными.»

«Сія священная ограда бывала ѳеатромъ ужасовъ: тутъ кипѣли волны бунтовъ Стрѣлецкихъ, тутъ издыхалъ на копьяхъ знаменитый Матвѣевъ; мысленно видимъ коварную улыбку торжествующей Софіи; видимъ 10-лѣтняго Петра уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей Великій Государь прославилъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть все-

гдашнимъ жилищемъ Царей; но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени являются они предъ нами въ важныя, рѣшительныя минуты своего царствованія.... Такъ мы видѣли здѣсь Александра въ роковой незабвенный 1812 годъ, когда надлежало искусить твердость и великодушіе Россіянъ; здѣсь померкла блудящая звѣзда Наполеона. Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ.»

«О Кремль отеческій! Твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьи!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой!
Казня въ безумствѣ камень
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
Не будь Кремля! изрекъ злодѣй,
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей оскверненный.

*

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани:

Онъ на Кремлѣ Себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани!
Онъ въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою,
Промчавшись, сталь въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы Себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

*

И славою Ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена!
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна,
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой....

Раздайся громко на Кремлѣ
Днесь Богу въ Вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава.

*

Въ Москвѣ нѣтъ почти мѣста, которое бы не было памятно или своею древностью, или историческимъ какимъ-либо событіемъ; но Кремль особенно изобилуетъ этимъ: здѣсь каждый камень уже есть памятникъ. Такъ, съ памятью объ Успенскомъ соборѣ раждается память о пророческомъ изрѣченіи Святаго Петра, Митрополита Россійскаго, о Москвѣ, оправданномъ событіями. Ласковый, привѣтливый Іоаннъ Даниловичъ Калита былъ любимъ Святымъ Митрополитомъ. Часто бывая въ Москвѣ, красивой своимъ мѣстоположеніемъ, онъ полюбилъ ее, и въ 1326 году переѣхалъ въ нее, оставивъ Владиміръ, гдѣ жили еще до сего Митрополиты, и куда съ нѣкотораго времени Великіе Князья пріѣзжали только на время. «Если ты успокоишь мою старость, говорилъ Святый Петръ Великому Князю: — если ты воздвигнешь здѣсь храмъ Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ другихъ Князей; родъ твой возвеличится, кости мои останутся въ семъ градѣ, Святители поживутъ въ ономъ и руки взыдутъ на плещи враговъ нашихъ». Заложивъ 1326 года Августа 4-го первую каменную церковь въ Москвѣ въ честь Успенія Божіей Матери, Калита исполнилъ желаніе Святителя,—и въ 1328 году получилъ титло Великаго Князя. Перенесъ столицу изъ Владиміра въ Москву,—и Москва сдѣлалась колыбелью величія Россіи. «Въ то время, говоритъ знаменитый

Исторіографъ нашъ Карамзинъ, когда она достигла высшей степени бѣдствія, видя лучшія области свои отторженными Литвою, всѣ другія истерзанными Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, — и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи ханскія, изготовилось средство независимости и величія государственнаго.» Святители дѣйствительно живутъ здѣсь. Благочестивые Россіяне чтутъ нетлѣнныя ихъ мощи.

Вспомнивъ объ Архангельскомъ соборѣ, я невольно вспоминаю о бывшемъ въ 1332 году во всей Россіи голодѣ, называемомъ въ лѣтописяхъ *рослою рожью*, потому-что хлѣбъ отъ дождей и сырой погоды проросъ въ скирдахъ. Теперь нами видимый соборъ, увѣнчанный пятью главами, имѣющій въ вышину отъ купола средней главы до полу 16 саженъ, въ длину безъ стѣнъ 17 саженъ 2 ар., а въ ширину 20, не есть первопостроенный, а новый, какъ видно изъ слѣдующей надписи въ храмѣ семъ, на изображеніи Великаго Князя Даніила Александровича, на имѣющемся въ рукѣ его свиткѣ: «Сей Святый Великаго Архистратига Михаила храмъ первоначально созданъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ, отъ созданія міра

6841, а отъ Рождества Христова 1333. Послѣ, ради тѣсноты, повелѣніемъ Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи, лѣта отъ созданія міра 7013, а отъ Рождества Христова 1505, съ вящшимъ пространствомъ новый заложенъ. Совершися оный храмъ строеніемъ и освятися при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, всея Россіи, лѣта отъ созданія міра 7017, а отъ Рождества Христова 1509 въ 8 день». Припоминаю, что Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, перестроивая Кремлевскія зданія, какъ-то: 1501 года церковь Чуда Святаго Архангела Михаила, которая освящена была 1503 года, причемъ слитъ колоколъ въ 350 пудовъ, 1504 года, когда заложена и каменная трапеза Андроніева монастыря,—церковь Космы и Даміана, 1505 года, нашедъ прежній Архангельскій соборъ тѣснымъ и не соотвѣтствующимъ огромности прочихъ строеній, приказалъ разобрать его до основанія, и на мѣстѣ его заложить теперь нами видимый. Припоминаю, что въ 1772 году Государыня Императрица Екатерина II приказала обновить храмъ этотъ и украсить въ одно время съ другими соборами Кремлевскими, что видно также изъ надписи на стѣнѣ, находящейся на свиткѣ въ рукахъ Великаго Князя Всеволода Ярославича: «Сей Святый Великаго Архистратига Михаила соборный храмъ возобновися иконнымъ настѣннымъ писаніемъ, повелѣніемъ Благо-

честивѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, Самодержцы всея Россіи, при Наслѣдникѣ ея, Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7281, а отъ воплощенія Бога-Слова 1772.» Припоминаю, что здѣсь покоится прахъ нашихъ Государей. Останки Великихъ Князей, отъ Калиты до отца Іоанна III, перенесены сюда при освященіи храма, а отъ Іоанна III до Царя Іоанна Алексѣевича, Государи наши уже похоронялись въ Архангельскомъ соборѣ. «Вотъ святилище исторіи Россійской, говоритъ Карамзинъ: —подлинно, какъ краснорѣчивы сіи безмолвные гробы для того, кто, смотря на нихъ, воспоминаетъ преданія лѣтописей! Событія минувшихъ вѣковъ (отъ 1328 по 1696 годъ) живо должны представиться памяти посѣтителя». Но мы исторіи не пишемъ. Древній соборъ сего же имени построенъ въ 1333 году Великимъ Княземъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою въ возблагодареніе за избавленіе Москвы и всей Россіи отъ вышесказаннаго мною голода. Отъ южныхъ дверей къ западной стѣнѣ гробъ его—памятникъ, что сему Государю обязаны своимъ существованіемъ многія Кремлевскія зданія. Въ двѣнадцати-лѣтнее княженіе свое онъ расширилъ предѣлы Княжества Московскаго. При смерти его, послѣдовавшей въ 1340 году Марта 31, мы видимъ го-

рода: Коломну, Серпуховъ, Лопасню, Рузу, Можайскъ, Перемышль и Звенигородъ, которые принадлежали уже Москвѣ, составляли собственность Княжескую и которые онъ раздѣлилъ между сыновьями своими Симеономъ, Іоанномъ и Андреемъ. Старался всѣми силами уничтожить власть удѣльныхъ Княжествъ. Исторія, называя его Государемъ благодушнымъ, почитаетъ память его какъ друга человѣчества.

Близъ гроба Іоанна Калиты стоитъ гробъ Симеона Гордаго, сына Іоаннова. Далѣе—Великаго Князя Димитрія Донскаго, героя Куликовскаго. Къ южнымъ дверямъ возлѣ иконостаса останки Іоанна III, разгадавшаго тайну единодержавія и сдѣлавшагося какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностью волѣ Монаршей.

Отъ западныхъ дверей къ западной стѣнѣ тѣло Василія Іоанновича Шуйскаго, долго лежавшее въ полѣ близъ столицы Польской подъ столбомъ съ надписью: здѣсь лежитъ Царь Московскій. Онъ избавилъ Россію отъ насильственнаго правленія Самозванца; но не могъ водворить совершеннаго спокойствія и сдѣлался жертвою властолюбія Поляковъ: захваченный въ плѣнъ, содержался онъ въ Варшавѣ, и тамъ 1612

года скончался, въ то самое время, когда жизнь Руси начала только разцвѣтать. Въ 1635 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, заключивъ съ Поляками трактатъ, послалъ Боярина Князя Алексѣя Михайловича Львова за тѣломъ Василія Іоанновича,—и оно было привезено того же года Іюня 10 дня.

Позади праваго столба, перваго къ иконостасу, покоится между прочими Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ— утренняя заря мира и благоденствія отечества нашею. Отсюда я вижу прочное возвышеніе Россіи къ славѣ и могуществу. Подлѣ него лежитъ сынъ его Царь Алексѣй Михайловичъ, законодатель Россіи, взыскатель благочестія, Государь Великій. Имя его я произношу всегда съ какимъ-то благоговѣніемъ. Позади лѣваго столба, перваго къ иконостасу, покоится прахъ Царя Іоанна Алексѣевича, а подлѣ него стоитъ гробница юнаго Царя Ѳеодора Алексѣевича. А потомъ—и Сладостная Надежда, Петръ II. Изъ священныхъ останковъ нашихъ Императоровъ только одинъ его опочиваетъ въ Москвѣ, и мнѣ представляется, что судьба нарочно оставила тѣло въ Москвѣ такого Монарха, который, любя Россію, любилъ особенно Москву.

Представляя такимъ образомъ минувшее, я уже не могу, бывши воображеніемъ своимъ въ Кремлѣ, не

перейдти къ настоящему; не могу не остановить мысли на новосозданномъ Императорскомъ Дворцѣ, единственномъ въ свѣтѣ памятникѣ благополучнаго царствованія нашего Императора Николая Перваго. Жалѣю, что не могу изобразить этого великолѣпнаго памятника такъ, какъ бы хотѣлось, а долженъ ограничиться слѣдующимъ описаніемъ Н. Дмитріева:

«Императорскій Новый Дворецъ въ Московскомъ Кремлѣ имѣетъ три фаса. Сторона, обращенная къ Москвѣ-рѣкѣ, длиною до 56 саж., прилегающая къ Благовѣщенскому собору—до 30 саж., находящаяся еще противъ новаго, еще неоконченнаго зданія аппартаментовъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, до $44^3/_4$ саж. Эта послѣдняя сторона примыкаетъ къ зимнему саду. Подъ нимъ проѣздъ соединяетъ Александровскую улицу съ Императорскою площадью. Фасъ Дворца отъ Благовѣщенскаго собора сообщаетъ новое зданіе съ древними, знаменитыми въ лѣтописяхъ Отечественной исторіи — Св. Сѣнями и Грановитою Палатою. Красное крыльцо ведетъ на террасу Новаго Дворца. Между трехъ сторонъ образуется внутри почти квадратный дворъ. Его четвертую сторону составляетъ древній Теремный Дворецъ съ пристроенною вновь галлереею. По срединѣ двора

находится современный основанію древней столицы Русской соборъ—Спаса на Бору. Миніатюрные размѣры собора, окруженные громадными стѣнами новаго зданія, представляютъ разительную противоположность. Это — Россія раждающаяся и возмужалая; младенецъ въ колыбели и мужъ съ крѣпкими мышцами, развившеюся красотою.»

«Главнымъ фасадомъ Дворецъ обращенъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей; окна расположены въ три ряда; раздѣлены одно отъ другаго, въ бель-этажѣ, пилястрами, въ нижнемъ-этажѣ, столбами, на коихъ опираются арки. Нижнія окна полуциркульной формы; верхнія — имѣютъ форму двойной Византійской арки съ подвѣскою посрединѣ; по бокамъ украшены пилястрами изъ бѣлаго камня, поддерживающими разрѣзной фронтонъ. Вся эта декорація гармонируетъ съ архитектурою Теремнаго Дворца, единственнаго примѣра древняго частнаго зодчества въ Россіи. Орнаменты, высѣченные изъ бѣлаго камня, одного стиля съ теремами, обогащаютъ фасадъ Новаго Дворца. Надъ пятью средними пролетами возвышается антикъ съ сердцеобразными щипцами. Тимпаны ихъ украшены двуглавыми орлами. Нѣсколько выше щипцовъ помѣщаются гербы, а именно: Московскій, С.-Петербургскій, Казанскій,

Астраханскій, Польскій и Таврическій. Аттикъ коронуется исполинскимъ, золоченымъ куполомъ, съ боевыми часами. На вершинѣ купола высокій флакштокъ, и на немъ струящійся Императорскій флагъ довершаетъ эффектъ главнаго фасада Новаго-Дворца. Сторона, обращенная къ Благовѣщенскому собору, есть не что иное, какъ продолженіе вышеописаннаго, по продольной наружной стѣнѣ Георгіевской залы. Наконецъ, бокъ Дворца на Императорскую площадь имѣетъ другую характеристику: главный фасадъ загибается на пять междустолбій, что соотвѣтствуетъ ширинѣ большихъ залъ. Къ точковой сторонѣ главнаго фасада примыкаетъ часть, заключающая Кавалергардскую и Екатерининскую залы; парадныя — Диванную, Опочивальню и Уборную Ихъ Императорскихъ Величествъ. Двѣ послѣднія залы и парадные аппартаменты имѣютъ окна въ одинъ рядъ: посему вышина зданія понижается. Екатерининская зала и Диванная, находясь по срединѣ, выступаютъ впередъ противу смежныхъ съ ними Кавалергардской залы и Опочивальни, по причинѣ большихъ размѣровъ. Въ нижнемъ этажѣ подъ Кавалергардскою залою и парадною Опочивальнею — двое воротъ, ведущія во внутренній дворъ. Такое разнообразіе фасада, обращеннаго на Императорскую площадь, производитъ прекрасное впечатлѣніе. Кто знакомъ съ

тайнами архитектуры, какъ искусства, тотъ пойметъ, сколько труда предстояло художнику сгармонировать всю эту огромную массу зданія, такъ, чтобы внѣшность, имѣя одинъ стиль, выражала все внутреннее расположеніе, давая предчувствіе о значеніи отдѣленій цѣлаго.

Теперь войдемъ во внутренность Новаго-Дворца съ главнаго подъѣзда отъ Москвы-рѣки.

Парадныя обширныя сѣни квадратной формы, длиною и шириною 6½ саженъ. Четыре колонны (монолиты) изъ Сердобольскаго гранита темно-сѣраго цвѣту, съ бѣлыми мраморными базами и капителями, поддерживаютъ очень-плосскіе своды. Пилястры у стѣнъ изъ искусственнаго мрамора. Они до того близки къ образцу, что почти нѣтъ возможности различить ихъ отъ гранита. Углы сѣней заняты огромными бронзовыми канделябрами (веръ-антикъ). Стѣны покрыты бѣлымъ искусственнымъ мраморомъ. Прямо, противъ наружной двери, вы видите глубокую, величественную перспективу парадной лѣстницы; направо и налѣво—большія полуциркульныя дубовыя двери; первыя ведутъ въ должности, а послѣднія въ собственные аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Подобныя описаннымъ, но менѣе украшенныя, парадныя сѣни находятся съ подъѣзда отъ Благовѣщенскаго собора. Онѣ также квадратной формы, длиною и шириною $20\frac{14}{16}$ аршинъ. Четыре столба поддерживаютъ своды. По угламъ—канделябры, подобныя находящимся въ сѣняхъ съ подъѣзда отъ Москвы-рѣки. Стѣны и сводъ оштукатурены и украшены архитектурными частями. Противъ входной двери подымаются ступени, ведущія на вторую площадку парадной лѣстницы. Два парадные входа можно назвать подготовленіемъ къ прекрасному впечатлѣнію, которое производитъ парадная лѣстница. Она безъ поворотовъ, шириною $6\frac{1}{2}$ аршинъ, длиною до 14 саж., раздѣляется четырьмя площадками на 5 маршей; во всей лѣстницѣ 57* ступеней; отношеніе ступени къ подъему какъ 8:3. Легкая для всхода парадная лѣстница замѣчательна по архитектурному величественному эффекту. По сторонамъ ея возвышаются на пьедесталахъ по пяти столбовъ, осьми-угольной формы, съ капителями оригинальной композиціи и полнымъ антаблементомъ. На карнизъ столбовъ и пилястръ, находящихся у стѣнъ, опираются арки стрѣльчатыхъ сводовъ. Между столбами—12 люстръ,

---

* Исключая ступени, идущія съ подъѣзда отъ Благовѣщенскаго собора.

съ газовыми лампами, каждая о 6 рожкахъ. Пьедесталы столбовъ соединены бронзовыми литыми, золочеными рѣшетками, изящнаго рисунка. Желтоватый цвѣтъ столбовъ, пилястръ и стѣнъ придаетъ всему античный характеръ. Все это преимущественно поражаетъ зрителя, когда онъ находится на верхней площадкѣ лѣстницы. Глубокая перспектива увеличивается исполинскими зеркалами надъ каминомъ, аванзалы на противоположной стѣнѣ.

Изящныя двери изъ орѣховаго дерева ведутъ въ аванзалу. Вниманіе обращается на бронзовую люстру (во 189 свѣчей). Блескъ ея позолоты придаетъ скромнымъ, приличнымъ назначенію залы, архитектурнымъ украшеніямъ строгое достоинство. Каминъ изъ яшмы, темно зеленаго цвѣту, и огромное зеркало — торжество литейнаго искусства, оправленное въ массивную позолоченую раму, раждаетъ предчувствіе далнѣйшаго великолѣпія. Эта мысль переходитъ почти въ осязаніе, смотря на архитектурную стройность цѣлой залы. Зала — прямо-угольной формы, длиною и шириною до $16\frac{1}{2}$ аршинъ. Противъ входной двери — ниша, углубляющаяся нѣсколько болѣе четверти круга. Налѣво — два окна, одно надъ другимъ; направо — зеркальная дверь, ведущая въ Георгіевскую залу. По угламъ — 4 бѣлыя пилястры, укра-

шенныя ложками изъ искусственнаго мрамора, съ капителями, близкими къ Коринѳскому ордену. Антаблементъ надъ пилястрами опоясываетъ всю залу. Стѣны и сводъ оштукатурены. Первыя покрыты легкимъ зеленымъ цвѣтомъ, а послѣдній—бѣлый. Замо̀къ свода украшенъ богатою, круглою розетою. Полъ—изъ разноцвѣтныхъ деревъ. Рисунокъ его составляютъ осьми-угольники, перевитые орнаментами.

Георгіевская, Орденская зала, самая большая во Дворцѣ,—длиною 30 саженъ, шириною 10 саженъ, вышиною до 9 саженъ. Цвѣтъ ея бѣлый—символъ высокой, нравственной чистоты, источника воинскихъ доблестей. Продольныя стѣны составлены изъ выступовъ и углубленій. Передъ выступами цинковыя колонны, перевитыя орнаментами; капители—близкія къ Коринѳскому ордену. Надъ колоннами полный карнизъ украшенъ лѣпною работою. На карнизахъ ту̀мбы служатъ подножіемъ фигуръ. Гипсовыя статуи, вышиною 3 арш. 8 вер., изображаютъ торжественные моменты изъ Русской военной исторіи (работы Витали). Въ выступахъ, имѣющихъ въ планѣ ѳорму трапецій, въ непараллельныхъ сторонахъ сдѣланы прямоугольники. Между выступами, по правой сторонѣ отъ двери изъ аванзалы, находятся впадины, въ два ряда, однѣ надъ другими, отвѣчающія пролетамъ оконъ, на противуположной стѣнѣ. Прямоуголь-

ники на выступахъ и впадины покрыты искусственнымъ мраморомъ: это—мѣста, гдѣ предполагается начертать исторію Русскихъ полковъ. Вокругъ впадинъ будутъ имена кавалеровъ ордена Св. Георгія. Между впадинами и пролетами оконъ — изображеніе Георгіевскаго креста. На поперечныхъ стѣнахъ въ полуциркулѣ, образуемомъ коробовымъ сводомъ, два колоссальные гипсовые барельефа изображаютъ Св. Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ змія (работы Барона Клота). Сводъ залы—коробовой. Выступы образуютъ въ немъ пазухи надъ пролетами оконъ и противуположныхъ имъ впадинъ. Сводъ и пазухи убраны лѣпными киссонами и орнаментами. Разсчитанность рельефа, относительно вышины, придаетъ общности лѣпныхъ украшеній художественное согласіе. Нѣтъ частей слишкомъ сильныхъ рядомъ съ слабыми: ни одна декорація не подавляетъ другую. Изъ всего стройнаго единства плафона смѣло и счастливо выдаются золоченыя Георгіевскія звѣзды, помѣщенныя въ срединѣ пазухъ. Полъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ деревъ, будто исполинскій коверъ, прекрасно дополняетъ эффектъ цѣлой залы. Противуположность одноцвѣтности свода и стѣнъ съ яркою пестротою пола уничтожаетъ монотонность и даетъ жизнь цѣлому. Шесть огромныхъ бронзовыхъ люстръ (каждая 210 свѣчей), висящихъ

посрединѣ, и 32 бра (каждое въ 25 рожк.), на продольныхъ и поперечныхъ стѣнахъ, разливаютъ въ залѣ умѣренное богатство. Надо было видѣть, когда это все количество свѣчей горѣло; когда огненными линіями рисовались прекрасныя группы; когда вся исполинская зала блистала гармоніею свѣто-тѣни!.... Мебели почти не замѣтно: это зависитъ отъ ея размѣщенія по впадинамъ. Мебель состоитъ изъ скамеекъ съ золочеными витыми ножками: она обита шелковою матеріею цвѣта Георгіевской лѣнты. Въ послѣднихъ междустолбіяхъ, примыкающихъ къ поперечной стѣнѣ залы, по фасаду отъ Москвы-рѣки, устроены два камина изъ бѣлаго Итальянскаго мрамора, съ высѣченными военными арматурами. На каминахъ—бронзовые часы, съ изваяніемъ Св. Георгія на конѣ. Модель для этой группы—работы скульптора Логановскаго. Двери, ведущія изъ Георгіевской залы въ Александровскую и аванзалу, всѣ вызолочены. На нихъ рѣзные орнаменты, между коими извивается лѣнта съ орденскими знаками. Двери, соединяющія Георгіевскую залу съ переходомъ во Владимірскую — свѣтовыя; на зеркальныхъ стеклахъ орденскія изображенія въ орнаментахъ. Рисунокъ означается матомъ на прозрачной плоскости. Обойдя военный Русскій пантеонъ, остановимся передъ дверьми, въ которыя видны Александровская и Андреевская залы. Всякое описаніе бу-

детъ недостаточно для передачи впечатлѣнія глубокой анфилады: это—изящная картина, созданная пламеннымъ воображеніемъ великаго художника.

Войдемъ въ Александровскую залу. Блескъ украшеній, золото, яркіе цвѣта, отраженія въ зеркалахъ—все это вмѣстѣ раждаетъ при первомъ взглядѣ сложное, смѣшанное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ идеи богатства. Нужно нѣсколько времени для того, чтобы осмотрѣться и приготовить себя къ систематическому обозрѣнію залы: такъ она великолѣпна! Зала, длиною 15 саженъ, шириною 10 саж., вышиною до замка 8½ саж. По продольному ея направленію, на лѣвой стѣнѣ по 7 оконъ въ два ряда, на правой — отвѣчающія окнамъ зеркала, вставленны въ переплеты, одинаковые съ оконными рамами. Четыре пилона служатъ основаніемъ средняго свода. Низъ пилонъ украшенъ зеркалами: это сокращаетъ выступы и увеличиваетъ богатство повтореніемъ украшеній. Пилоны и стѣны убраны колоннами и пилястрами, однѣ надъ другими, и гербами губерній. На верхнемъ карнизѣ пилястръ—лѣпныя, вызолоченыя арматуры, составленныя изъ древняго вооруженія Славянъ. По стѣнамъ восемь бра (каждое о 55 рожкахъ). Между пилонъ висятъ бронзовыя люстры, по три съ каждой стороны. Не смотря на ихъ величину (четыре въ 300 и двѣ въ 334 свѣчи),

люстры такъ легки, что теряются въ архитектурныхъ украшеніяхъ, служа дополненіемъ художественному богатству цѣлаго. Поперечныя стѣны украшены великолѣпною декораціею входныхъ дверей. Надъ дверьми—большое пано изъ искусственнаго мрамора. Здѣсь предполагается надпись, выражающая значеніе залы, время сооруженія и великія заслуги Св. ея Патрона. Перевитыя золотыми орнаментами двѣ колонны, надъ ними разрѣзной фронтонъ съ двумя фигурами летящихъ Ангеловъ, поддерживающихъ изображеніе Св. Александра Невскаго, составляютъ богатую раму вокругъ надписи. Всѣ гладкія части стѣнъ покрыты искусственнымъ розовымъ мраморомъ. Эффектъ легкихъ архитектурныхъ украшеній съ разлитою искуссно позолотою, изваянныхъ на розовомъ фонѣ—поразителенъ. И все это опирается на панель-базу всей залы изъ Итальянскаго мрамора свѣтло-сѣраго цвѣту. Стѣны Александровской залы кажутся исполинскими барельефами, надъ которыми трудилось нѣсколько художниковъ. Сводъ великолѣпіемъ и блескомъ гармонируетъ стѣнамъ. Вы видите богатѣйшую оригинальную композицію плафона. Всѣ орнаменты вызолочены; между ними—орденскіе знаки. Тамъ и тутъ, мѣстами, золото лежитъ въ пурпуровомъ и пунцовомъ фонѣ. Это придаетъ еще болѣе игры цѣлому. Мебель залы составляютъ вызолочен-

ные стулья, въ древнемъ Русскомъ стилѣ, съ высокими спинками, обитыми, какъ и сидѣнье, пунцовымъ бархатомъ. На спинкахъ—тканыя шелкомъ Александровскія звѣзды. Идея пола, какъ и въ предыдущей залѣ, — коверъ. Рисунокъ его оригиналенъ. Орнаменты яркихъ цвѣтовъ и прихотливыхъ формъ вьются, переплетаясь между собою, въ границахъ замысловатыхъ коймъ.

При переходѣ изъ описанной залы въ Андреевскую, идея богатства смѣняется величественнымъ, строгимъ великолѣпіемъ, приличнымъ Тронной Палатѣ Вѣнценоснаго Властителя Россіи. Зала длиною 25 саженъ, шириною 10 саж., вышиною 8½ саж. Десять исполинскихъ столбовъ, покрытыхъ золотыми орнаментами на бѣломъ фонѣ изъ искуственнаго мрамора, съ бронзовыми базами, лежащими на прекрасныхъ лиловыхъ мраморныхъ плитахъ, съ богатыми капителями, на которыхъ между листьями и завитками находится изображеніе на крестѣ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, — ведутъ къ трону. Онъ стоитъ подъ золотымъ шатромъ, покрытымъ рѣзьбою. Стиль троннаго шатра напоминаетъ таковой же надъ трономъ Мономаховымъ, находящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Надъ шатромъ идетъ поясъ, состоящій изъ гербовъ губерній. Онъ опоясы-

ваетъ всю залу. Выше пояса, въ полуциркульномъ пространствѣ, которое образуется формою стрѣльчатаго свода, раскинуто золотое сіяніе. Въ центрѣ его Всевидящее Око — это прекрасное, многозначительное украшеніе, по справедливости, есть одна изъ счастливѣйшихъ идей художника. Семь ступеней ведутъ къ Императорскому Сѣдалищу. Бархатныя и парчевыя, подбитыя горностаемъ полы, спускаются крупными, изящно расположенными складками. Доссія украшена Императорскимъ Гербомъ. На спинкѣ Трона — шифръ Николая I-го. Налѣво отъ дверей изъ Александровской залы находятся 20 оконъ, въ два ряда, одни надъ другими. Въ каждомъ междустолбіи — по 4 пролета. Средина всякого простѣнка, выше оконъ, украшена кругомъ изъ Андреевской цѣпи — прекраснымъ символомъ залы. Представьте себѣ всѣ украшенія на орденскомъ фонѣ, покрывающемъ стѣны, и тогда получите понятіе объ эффектѣ цѣлаго. Два камина, устроенные въ стѣнѣ, раздѣляющей Андреевскую залу отъ Александровской, изъ яшмы темнокраснаго, почти чернаго цвѣту, достойны вниманія по исполненію. Камины работались въ Сибири. Необыкновенная отчетливость отдѣлки, не смотря на чрезвычайную крѣпость матеріала, доказываетъ, что искусство разлилось до отдаленнѣйшихъ предѣловъ нашего отечества. Простыя изящ-

ныя формы и совершенство работы ставятъ камины, въ Андреевской залѣ, на ряду съ замѣчательнѣйшими произведеніями этого рода. Между столбами, вдоль залы, висятъ 12 бронзовыхъ люстръ. По рисунку и величинѣ онѣ сходны съ Александровскими люстрами, исключая орденскихъ аттрибутовъ. Осмотря стѣны, взглянемъ на плафонъ свода и полъ. Сводъ Андреевской залы стрѣльчатый, опирающійся на столбы и стѣны. Украшенія расположены сообразно его конструкціи. Жгуты, перевитые орнаментами и обогащенные архитектурными частями, тянутся по стрѣлкамъ. Точка ихъ соединенія украшена богатою, сильною розетою. Начало жгутовъ скрывается въ ложчатомъ украшеніи, опирающемся на капители столбовъ. Ложки, будто пальмовыя вѣтви, раскидываются во всѣ стороны надъ оглавіемъ стройныхъ стержней. Такимъ образомъ всѣ эти блестящіе позолотою орнаменты и вытяжки, увеличивая великолѣпіе, имѣютъ единство мысли, соединяющее сводъ и его опоры въ одно неразрывное цѣлое. Полъ, какъ и въ предшествующихъ залахъ, растилается чуднымъ ковромъ, составленнымъ изъ фантастическихъ растеній. Такъ, слушая великое произведеніе вдохновеннаго артиста, фантазія увлекается звуками, рисуетъ обольстительные призраки, переноситъ въ необъятный міръ чудеснаго. То же бываетъ, когда мы стоимъ передъ изящ-

нымъ созданіемъ архитектуры. То и другое искусство — дѣти души человѣческой: они качались въ одной колыбели, согрѣвались у одной вдохновенной груди, росли подъ одной сѣнью поэтической. Это тѣ живыя созданія Прометея, которыя уравнивали его съ Юпитеромъ. Это тѣ ключи живой воды, которые, орошая неорганическое, грубое, пересоздаютъ его въ волшебные дворцы могучихъ властителей. Вы видите аллею изъ чудныхъ, исполинскихъ золотыхъ деревьевъ. Вѣтви ихъ, сплетаясь, составили изящную кровлю. Голубое небо будто загородило отверстія между деревьями отъ бурь и непогодъ. Чудесныя блистательныя растенія покрыли землю и проникли долу, образуя покойный ровный путь для Хозяина этой великолѣпной палаты, когда онъ шествуетъ къ Царственному сѣдалищу, осѣненному Окомъ Провидѣнія. Золотою дверью, направо, входимъ въ Кавалергардскую залу.

Кавалергардская зала длиною 8 саж., шириною 5 саж., освѣщается 5 окнами. Убранство составляютъ лѣпные орнаменты, расположенные по карнизамъ и плафону свода, составленному изъ легкихъ кессоновъ и тягъ. Всѣ стѣны покрыты бѣлымъ искусственнымъ мраморомъ. Двери простаго, но изящнаго рисунка, изъ чинароваго дерева. Мебель дубовая. Стулья и скамейки, съ высокими спинками, обиты

кожею. Посрединѣ свода виситъ бронзовая люстра, составленная изъ 5 карсельскихъ лампъ: композиція ея согласуется съ простотою цѣлаго.

За Кавалергадскою залою слѣдуетъ Тронная Императрицы, Екатерининская Орденская зала. Она прямоугольной формы, длиною до 10 саж., шириною до 7 саж.;освѣщается 6 окнами въ одинъ рядъ. Тронъ находится у стѣны, противуположной окнамъ, между двухъ столбовъ. Столбы и простѣнки украшены малахитовыми пилястрами съ бронзовыми капителями. На нихъ шифръ Св. Екатерины выражаетъ назначеніе залы. Всѣ стѣны покрыты шелковою бѣлою съ серебромъ матеріею. Каждое пано обложено орденскою лентою съ Екатерининскою звѣздою и девизомъ: *Боже! храни Царя.* Карнизы и легкіе орнаменты по стрѣльчатому своду вызолочены. Серебряныя двери имѣютъ рѣзные орнаменты съ орденскимъ знакомъ. Три прекрасныя бронзовыя люстры (каждая въ 84 свѣчи), двѣ изящныя канделябры, противоположно Трону дополняютъ архитектурное великолѣпіе залы.

Далѣе слѣдуютъ парадныя аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Диванная, длиною 20 аршинъ, шириною $13\frac{1}{2}$ аршинъ. Зеленая, шелковая матерія съ вытканными зо-

лотыми орнаментами, покрываетъ всѣ стѣны, мебель и раскидывается сильными, живописными складками по обѣ стороны оконъ. Золото блеститъ: по коробовому своду между яркой свѣжей изящной живописью рисуетъ линіи карниза, играетъ въ прихотливыхъ изгибахъ, вьющихся орнаментовъ бронзовой люстры и огромной канделябры-жандирьера. Кресла, диваны кажутся изваянными изъ золота. Особенное вниманіе заслуживаютъ столы и двери, украшенные инкрустаціею. Черепаха, мѣдь, перламутръ и дерево—образуютъ орнаменты и букеты изъ цвѣтовъ. Колоритъ, расположеніе тѣней и свѣту, искусство исполненія—удивительны. Зеленый яшмовый каминъ, украшенный столовыми часами, напоминаетъ богатство сѣверныхъ предѣловъ нашего отечества. Мягкій коверъ, въ восточномъ стилѣ, покрываетъ весь полъ. Искусство и богатство, соединясь тѣснымъ союзомъ, сдѣлали все, чтобы украсить то мѣсто, гдѣ бесѣдуетъ Благословенное Семейство Царя Русскаго.

Опочивальня длиною 16 арш., шириною $13\frac{14}{16}$ арш., обита серебряною съ золотыми цвѣтами парчею. Стѣнамъ отвѣчаетъ матерія на мебели, драпри у оконъ и пологѣ. Подъ нимъ находится золоченая кровать. Ея рѣзьба, позолота, рисунокъ и убранство—верхъ искусства. Фестоны, составленные изъ плодовъ, ка-

жутся вылитыми изъ золота и серебра. Матъ и полеръ согласованы съ тонкимъ, изящнымъ разсчетомъ. По сторонамъ полога стоятъ на мраморныхъ пьедесталахъ колонны веръ-антикъ. Полный карнизъ, пропорціональный діаметру колоннъ, огибаетъ всю комнату. Обломы его покрыты лѣпными орнаментами. Посрединѣ плафона—сильная розета; всѣ эти украшенія вызолочены. Изъ средины розеты опускается бронзовая люстра (въ 60 свѣчей). Двери съ инкрустаціею, бронзою и золоченая мебель — изящны по рисунку и исполненію. Паркетный полъ покрытъ богатымъ ковромъ. Опочивальня соединена съ ванною.

Парадная уборная — небольшая комната, длиною 8, шириною 6 аршинъ. Убранство ея весьма-оригинально: стѣны, потолокъ, двери обложены орѣховымъ деревомъ; исполненіе столярной работы по чистотѣ, прочности и подбору фанеръ заслуживаетъ особенное вниманіе. Но если представить себѣ, что всѣ эти филенги и архитектурныя части наложены и укрѣплены посредствомъ скрытыхъ винтовъ, задвижекъ, крючковъ, то нельзя не удивляться терпѣливому, изобрѣтательному исполнителю. По срединѣ плафона виситъ бѣлая, матовая лампа, простой изящной формы. Огромное зеркало находится въ стѣнѣ противоположно дверямъ въ Опочивальню. Въ немъ повторяется вся

длинная анфилада парадныхъ аппартаментовъ до Андреевской залы. Полъ, покрытый пестрымъ ковромъ, весьма хорошо разнообразитъ темный колоритъ этой небольшой, но изящной комнаты. Уборною оканчиваются парадные аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Войдемъ въ зимній садъ, соединяющій Новый Дворецъ съ аппартаментами Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Растенія соединены въ живописныя группы. Пестрота цвѣтовъ и яркая, свѣжая зелень — отражаются зеркальными дверьми. Посрединѣ сада, на небольшой площадкѣ — авантюри новая чаша. Нужно видѣть этотъ вѣчно-зеленый цвѣтникъ, когда сквозь матовыя стекла фонарей проливается умѣренное освѣщеніе и наводитъ на всѣ предметы легкій полусвѣтъ.

Отсюда выходимъ во Фрейлинскій корридоръ или Теремную галлерею. Наружная стѣна этой галлереи пристроена вмѣстѣ съ возведеніемъ стѣнъ Новаго Дворца. Прежде внутренняя стѣна ея составляла продолженіе фасада Теремовъ. Украшенія оконъ, освѣщающихъ отдѣленія для Фрейлинъ и выходящихъ въ галлерею, сдѣланы по древнему образцу, сохранившемуся около одного окна. Теремная галлерея, въ

настоящемъ ея видѣ, очень красива и оригинальна. Пройдя Фрейлинскій корридоръ, приходимъ къ открытымъ заднимъ аркамъ Владимірской залы.

Владимірская зала занимаетъ то мѣсто, гдѣ Новый Дворецъ примыкаемъ къ зданію Грановитой-Палаты, Теремамъ и Боярской площадкѣ. Зала осьмиугольной формы, въ діаметрѣ до 9 саженъ и такой же вышины. Стѣны ея украшены колоннами и пилястрами, изъ розоваго искусственнаго мрамора съ золотыми капителями и базами. Нижняя часть стѣнъ составлена изъ широкихъ большихъ арокъ. Надъ карнизомъ, коронующимъ первый рядъ колоннъ, идетъ мелкая аркада. За нею находятся хоры. Сводъ залы—монастырскій. Онъ украшенъ золочеными орнаментами и орденскими знаками. Зала получаетъ свѣтъ со стороны отъ Боярской площадки и въ круглое окно, устроенное въ сводѣ. Это легкое освѣщеніе производитъ пріятный эффектъ. Сквозь стекло, находящееся въ кольцѣ свода, проходитъ цѣпь, на которой укрѣплена люстра въ 200 свѣчей, гармонирующая стилю всей залы. Кажется, бронзовая громада держится безъ основанія. Полъ представляетъ деревянную мозаику, состоящую изъ переплетающихся ломаныхъ линій. Мебель—золоченыя скамейки, покрытыя шелковою, орденскою матеріею. Въ четырехъ, угловыхъ нишахъ

стоятъ бронзовыя канделябры на мраморныхъ пьедесталахъ.

Осмотря залу, взойдемъ на ея хоры. Лѣстница, примыкающая къ наружной стѣнѣ залы, ведетъ на Верхоспасскую площадку. Прежде она была открыта, нынѣ же, соединясь съ новымъ зданіемъ, имѣетъ потолокъ съ пролетами для свѣту. Обратившись въ комнату, Верхоспасская площадка получила рѣзкую, оригинальную характеристику. Съ одной стороны ея— бывшій наружный парадный входъ въ Теремной Дворецъ. Противоположно—передовая часть церкви Спаса за Золотою рѣшеткою, съ тремя пролетами, ведущими во внутренность храма. Въ пролетахъ вставлены, древней композиціи, желѣзныя двери, испещренныя красками и золотомъ. Подобныя рѣшетки находятся въ аркахъ, отдѣляющихъ Верхоспасскую площадку отъ хоръ вокругъ Владимірской залы. Пройдя хорами, параллельными длинѣ церкви Спаса за Золотою рѣшеткою входимъ въ Тайникъ. Здѣсь, по преданію, Царевны смотрѣли въ потаенное окно на пиршества и парады, бывавшіе въ Грановитой Палатѣ. Тайникъ сообщается въ хорами между залъ Владимірской и Георгіевской. Виды въ обѣ залы поразительны. Находясь внизу, нельзя представить себѣ всей огромности цѣлаго и частей. Масштабъ теряется

въ пропорціи размѣровъ. Смотря съ хоръ залы, будто выростаетъ и увеличивается сила впечатлѣнія.

Обойдя весь бель-этажъ Новаго Дворца, остается взглянуть на памятникъ зодчества вѣка Іоанна III— Святыя Сѣни и Грановитую Палату, сосѣдственныя, какъ уже замѣчено, съ Владимірскою залою.

Прежняя живопись Св. Сѣней и мѣстами поврежденныя архитектурныя украшенія требовали возобновленія. Первая, не имѣя достоинства старины и лишенная изящества и правильности, уничтожена. Мѣсто несовершенной работы обыкновенныхъ стѣнописцевъ заступили произведенія, проникнутыя основательнымъ изученіемъ искусства, и украсили достопамятныя стѣны. Сохраняя древнее, мѣстное расположеніе картинъ и сюжеты ихъ, согласно Высочайшей волѣ, Академикъ Завьяловъ написалъ вновь: Сонъ Царя Константина, Іисуса Навина, Святую Троицу, Благословеніе, данное Святымъ Сергіемъ Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому на битву Куликовскую, и Греческихъ монаховъ съ картиною Страшнаго Суда передъ Святымъ Княземъ Владиміромъ Кіевскимъ, просвѣтителемъ Россіи свѣтомъ Божественнаго Откровенія. Эти картины расположены въ верхнихъ частяхъ стѣнъ, образуемыхъ

полуциркульными дугами стрѣльчатыхъ сводовъ. Ниже картинъ, по темно-голубому фону стѣнъ раскидываются живописныя арабески, опирающіяся на сильную живописную панель. Она идетъ на одной вышинѣ съ пьедесталами пилястръ, поддерживающими сандрикъ надъ дверьми. Такимъ образомъ живопись получила связь съ архитектурными украшеніями. Все, что составляетъ существенное измѣненіе въ этомъ отдѣленіи древняго зданія, заключается въ устроеніи вторыхъ дверей въ Грановитую Палату съ пилястрами и сандриками, которые скопированы съ древней двери. Три бронзовыя люстры (каждая въ 32 свѣчи), скамейки изъ орѣховаго дерева, обитыя сафьяномъ, и бѣлый мраморный каминъ, въ стѣнѣ, противуположной входу съ Краснаго крыльца, дополняютъ убранство Святыхъ Сѣней.

Грановитая Палата, свидѣтельница многихъ достопамятныхъ историческихъ явленій, съ теченіемъ времени испытала много перемѣнъ въ отношеніи внутренняго и внѣшняго убранства. Ее отдѣлывали и передѣлывали нѣсколько разъ.

Въ каждомъ такомъ случаѣ духъ и понятія извѣстнаго времени, болѣе или менѣе, оставляли слѣды свои. Одно смѣняло другое; старое уступало мѣсто

новому. Но что и когда именно получало тотъ или другой характеръ, объ этомъ нельзя сказать опредѣлительно по недостатку современныхъ измѣненіямъ замѣтокъ. Извѣстно только, что прежде стѣны и сводъ ея были украшены живописью религіознаго содержанія; окна имѣли плоскія, трехъ-центровыя перемычки, какія видимъ вообще во всѣхъ старинныхъ Русскихъ зданіяхъ. Настоящія, внѣшнія украшенія оконъ, уничтоженіе живописи на стѣнахъ и сводѣ, замѣна ея, на первыхъ обивкою бархатомъ, относятся къ прошедшему столѣтію. Возобновленіе Грановитой Палаты, современное построенію Новаго Кремлевскаго Дворца, ограничивалось необходимыми перемѣнами, не касающимися до уцѣлѣвшихъ немногихъ, древнихъ украшеній. Они сохранены во всей ихъ первобытной чистотѣ. Всѣ стѣны покрыты вновь бархатомъ и украшены бронзовыми Государственными Гербами. Панели устроены изъ прекраснаго свѣтло-сѣраго Итальянскаго мрамора. Возобновленъ шатеръ надъ Императорскимъ Трономъ съ сохраненіемъ прежней общей его формы. Сдѣланы богатыя золоченыя скамейки въ Русскомъ стилѣ, покрытыя пунцовымъ бархатомъ. Исправлены серебряныя люстры, временъ Екатерины Великой, и снова позолочены архитектурныя украшенія. Новыя, золоченыя, рѣзныя двери, съ орнаментами, кои взяты съ древ-

нихъ образцовъ Русскаго стиля, кажутся современными оставшимся около пролета архитектурнымъ украшеніямъ. Послѣднее возобновленіе Святыхъ Сѣней и Грановитой Палаты служитъ образцомъ, какъ должно беречь и уважать при возобновленіи драгоцѣнные памятники древней отечественной архитектуры. Поддерживая поврежденное временемъ, образованный художникъ обязанъ сдѣлать все для сохраненія древняго зданія во всѣхъ его подробностяхъ. Всякое покушеніе замѣнять безъ причины древнее новымъ выражаетъ грубыя и ложныя понятія объ искусствѣ и неуваженіе къ святости отечественныхъ воспоминаній.

Перейдемъ къ обозрѣнію нижняго этажа. Въ немъ подъ Александровскою и Андреевскою залами помѣщаются Собственные аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ. Они расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Передняя соединяется съ парадными сѣнями отъ Москвы-рѣки. Всѣ ея стѣны покрыты искусственнымъ мраморомъ; архитектурныя части — бѣлаго, а пано — розоваго цвѣту. Посрединѣ — двѣ мраморныя колонны Дорическаго ордена. Сводъ оштукатуренъ. Мебель орѣховаго дерева. Стѣнныя лампы, простой изящной формы, освѣщаютъ эту комнату.

Широкій, прямой корридоръ ведетъ изъ передней въ пріемную предъ кабинетомъ Императора.

Дверью налѣво изъ передней входимъ въ столовую. Она, длиною 6 саж. $2\frac{3}{4}$ арш., освѣщается 4 окнами. Поверхность стѣнъ — изъ искусственнаго мрамора бѣлаго и свѣтло-палеваго цвѣта. Своды убраны лѣпными орнаментами. Мебель, изъ орѣховаго дерева, обита пунцовымъ бархатомъ. Посрединѣ — два столба. Ниши въ столбахъ и стѣнахъ заняты мраморными фигурами. Четыре люстры, украшенныя хрусталемъ (каждая въ 32 свѣчи), играютъ цвѣтами радуги. Двери, ведущія отсюда далѣе, могутъ назваться рамою прекрасной картины: въ нихъ видимъ всю длинную анфиладу аппартаментовъ. Свѣтъ, проходя сквозь разноцвѣтныя шторы, даетъ всей картинѣ фантастическій характеръ—чувствуешь себя перенесеннымъ въ міръ чудесъ, созданный воображеніемъ Востока!

Въ гостиной стѣны и мебель обиты бѣлою шелковою матеріею. Столбъ посрединѣ комнаты убранъ зеркалами. Это весьма облегчаетъ его массу. Сводъ расписанъ легкими орнаментами. Полъ покрытъ бархатнымъ ковромъ. Позолота блеститъ по карнизамъ, капителямъ небольшихъ пилястръ, кресламъ, диванамъ, столамъ и канделябрамъ. Прекрасная фарфоровая люстра дополняетъ великолѣпіе залы.

Переходная, соединяющая аппартаменты съ среднимъ корридоромъ, идущимъ отъ передней до пріемной, предъ кабинетомъ Императора, освѣщается однимъ окномъ; обита зеленою съ золотомъ матеріею. Орнаменты по своду, одноцвѣтные со стѣнами, состоятъ изъ легкихъ массъ растеній. Вообще, эта небольшая комната дышетъ изящнымъ согласіемъ въ частяхъ и цѣломъ.

Кабинетъ Государыни Императрицы роскошенъ и великолѣпенъ. Стѣны, драпри, мебель покрыты шелковою тканью темнорозоваго цвѣта, съ золотыми орнаментами въ Русскомъ стилѣ. Булевые столы, стулья, диваны, табуреты и т. п. изящны и богаты. Брошенные по своду, тамъ и тутъ, живописныя группы орнаментовъ, мягкій коверъ подъ ногами, золото, разлитое по архитектурнымъ частямъ, отраженіе въ зеркалахъ, волнующіеся цвѣта по хрустальнымъ украшеніямъ посеребренныхъ четырехъ люстръ (каж. въ 20 свѣчей), дѣлаютъ эту комнату образцомъ богатства въ союзѣ съ высокимъ эстетическимъ достоинствомъ.

Каммеръ-Юнгферская весьма небольшая, но оригинальная комната. Панели составляютъ подножіе колоннъ, поддерживающихъ арки съ подвѣсками и узо-

рами. Вся эта декорація исполнена изъ орѣховаго дерева. Стѣны и сводъ украшены яркою живописью по красному фону. Изъ средины свода опускается небольшая люстра, составленная изъ трехъ лампъ. Вообще, цѣлое имѣетъ характеръ новый и самобытный.

Уборная Государыни Императрицы обита розовою съ серебряными орнаментами матеріею. Стѣнамъ соотвѣтствуютъ драпри у оконъ и мебель. По своду изящно расположены легкіе живописные орнаменты. Огромное, роскошное трюмо и зеркала въ среднемъ столбѣ повторяютъ убранство, увеличиваютъ богатство цѣлаго. Бронзовыя украшенныя хрусталемъ двѣ люстры (каж. въ 20 свѣчей) небольшія, красивыя канделябры и позолота карнизовъ увеличиваютъ архитектурное достоинство комнаты.

Стѣны опочивальни голубыя шелковыя, усѣянныя серебряными звѣздами. Это напоминаетъ чистое ночное небо; выражаетъ назначеніе комнаты. Двѣ хрустальныя люстры, какъ и въ уборной, позолота карнизовъ, мебели и граціозная живопись на сводѣ прекрасно гармонируютъ голубому цвѣту. Отъ средняго столба, по обѣ стороны занавѣсы, роскошно драпированныя, разливаютъ пріятную полутѣнь надъ богатою кроватью. Тутже—изящный кіотъ, соединенный

съ невысокимъ налоемъ. Здѣсь, въ тишинѣ и уединеніи Вседержитель внимаетъ Царственнымъ молитвамъ, зиждущимъ благоденствіе обширной Россіи. При опочивальнѣ находится ванная комната, изящно украшенная лѣпною работою.

Уборная Государя, богатая отсутствіемъ всякаго богатства, ведетъ:

Въ кабинетъ Императорскій. Глубокое, благоговѣйное чувство объемлетъ душу. Воображеніе рисуетъ Вѣнценосца, погруженнаго въ великія думы о благѣ милліоновъ. Здѣсь, среди благородной простоты, Онъ созидаетъ сокровища народныя и разсыпаетъ ихъ по всему необъятному пространству Русскаго міра. Здѣсь Онъ рѣшаетъ полетъ грозныхъ легіоновъ воинства, на гибель враговъ вѣры и закона. Они пронесутся страшнымъ, сокрушительнымъ ураганамъ и соберутъ побѣдоносные лавры къ стопамъ Царя. Здѣсь доблести обрѣтаютъ награду, преступленія — правдивую кару, простунки — путь къ исправленію. . . . Стѣны кабинета, почти до половины, обнесены панелями изъ ясени. Простая массивная мебель и филенчатыя двери — изъ того же дерева. Простыя формы возвышаютъ искусство исполненія. Верхняя половина стѣнъ покрыта зеленою полосатою шелковою мате-

ріею. На этихъ стѣнахъ расположены картины, изображающія великія воспоминанія 1812 и 1813 годовъ, работы Адама и Гесса. Тутъ Наполеонъ, мрачный и задумчивый, окруженный блестящею многочисленною свитою въ Москвѣ, объятой пожаромъ; а тамъ—гибнетъ его армія въ снѣгахъ суровой Русской зимы, уничтожается при переправѣ чрезъ Березину... Бронзовая небольшая люстра, составленная изъ трехъ лампъ, и мягкій, темнаго цвѣту коверъ — вотъ все, что составляетъ убранство Императорскаго кабинета.

Рядомъ съ кабинетомъ помѣщается дежурная, камердинерская и пріемная.

Говоря о Собственныхъ аппартаментахъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, нужно въ особенности обратить вниманіе на двери, прекрасную, образцовую работу. — Всѣ двери, исключая кабинета, — съ инкрустаціею. Подборъ разноцвѣтныхъ деревьевъ, искусство, съ которымъ вставлены орнаменты изъ черепахи, перламутра, мѣди и т. п., поразительны отчетливостію исполненія. Внимательному наблюдателю трудно рѣшить, врѣзаны или нарисованы эти прекрасныя украшенія. Двери въ аппартаментахъ—образцовыя произведенія столярнаго искусства.

По другую сторону широкаго корридора, соединяющаго пріемную предъ кабинетомъ Императора съ переднею предъ аппартаментами, помѣщаются: a) гардеробная съ антресолями; b) подъемная комната, убранная богато и со вкусомъ; она подымается посредствомъ машины изъ нижняго этажа въ бель-этажъ, туда, гдѣ соединяется корридоръ за Андреевской и Александровской залами, съ корридоромъ за парадными аппартаментами; c) Каммеръ-Юнгферскія комнаты,—антресоли раздѣляютъ ихъ на два отдѣленія, и наконецъ d) буфетъ.

Изъ буфета дверь ведетъ въ кухонный корридоръ. Кухня помѣщается подъ аванзалою и Боярскою площадкою; состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Кромѣ сего, часть кухни, называемая garde à manger, находится въ подвальномъ этажѣ. Стѣны кухни до пятъ свода обложены изразцами. Это, служа украшеніемъ, способствуетъ сохраненію чистоты.

Нижній этажъ подъ Золотою Палатою занимается отдѣленіемъ кондитерской.

Пространство подъ парадною лѣстницею занято сервизною и переходомъ въ отдѣленія должностей и кладовую.

Кладовая, парадныя сѣни отъ Благовѣщенскаго собора и отдѣленія должностей находятся подъ Георгіевскою залою.

Должности состоятъ изъ Тафельдекарской, Мундшенской, Кофишенской и двухъ малыхъ кладовыхъ. Каждая должность отдѣляется отъ другой посредствомъ деревянныхъ свѣтовыхъ перегородокъ съ высокими филенгами и матовыми стеклами. Между должностей—широкій корридоръ. Онъ удобно сообщаетъ отдѣленія. Антресоли должностей заняты помѣщеніемъ для придворныхъ служителей.

Нижній этажъ подъ Екатерининскою, Кавалергардскою залою и парадными аппартаментами вмѣщаетъ комнаты Министра Императорскаго Двора. Убранство вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ назначенію.

Въ подвальномъ этажѣ находятся аммосовскія, духовыя печи, нагрѣвающія весь Дворецъ.

Сколько же предстояло усилій привести начертаніе огромнаго проэкта въ исполненіе; остаться побѣдителемъ всѣхъ предвидимыхъ и случайныхъ препятствій. Но прозорливость Русскаго Царя находитъ людей, одаренныхъ высокими достоинствами. Исполненіе

Высочайше утвержденнаго проэкта Новаго Кремлемскаго Дворца, начертаннаго Его Превосходительствомъ, Профессоромъ Архитектуры К. А. Тономъ, производилось подъ наблюденіемъ Его Высокопревосходительства Оберъ-Гофмейстера Барона Л. К. Боде. Какъ главный Архитекторъ, К. А. Тонъ имѣлъ сотрудниками: Старшаго Архитектора и Профессора Архитектуры Ѳ. Ѳ. Рихтера, Архитекторовъ Н. И. Чичагова и В. А. Бакарева. Многосложность и разнообразіе работъ, постоянное за ними наблюденіе, безпрерывное приготовленіе практическихъ чертежей и т. п.—требовали для успѣшнаго исполненія расположеній Архитекторовъ, содѣйствія молодыхъ художниковъ. Архитекторскими Помощниками при возведеніи Новаго Кремлевскаго Дворца находились: Герасимовъ, Ивановъ, Горскій, Трубниковъ, Любимцевъ, Водо, Дмитріевъ, Дельсаль и двое Ставровскихъ. Кромѣ сего, по искусственной части, принималъ дѣятельное участіе служащій при сооруженіи Храма Христа Спасителя, Старшій Архитекторъ І. С. Каминскій. Онъ нарисовалъ, подъ руководствомъ К. А. Тона, детальные чертежи всѣхъ главныхъ залъ. Точное ихъ исполненіэ, лучше всякихъ разсужденій, говоритъ о достоинствѣ труда.

Лѣпная рабора, по всему зданію Новаго Дворца, произведена крестьянами г. Азанчевскаго Ѳ. и Н.

Дылевыми. Всѣ тысячи моделей отъ большихъ массъ до мелкихъ украшеній сдѣланы руками этихъ двухъ крестьянъ, одолженныхъ художественнымъ развитіемъ К. А. Тону. Новое доказательство, что Русскій крестьянинъ можетъ дѣлать необыкновенное при добромъ руководствѣ.

Именами художниковъ, принимавшими участіе въ сооруженіи вѣковаго памятника Русской архитектуры, оканчиваю описаніе убранства Новаго Кремлевскаго Дворца. Сознаю, что мое описаніе далеко не выражаетъ всего архитектурнаго достоинства зданія, не выражаетъ всей дѣятельности строителей. — Слишкомъ десять лѣтъ тысячи рукъ работали надъ осуществленіемъ одной колоссальной идеи. Слишкомъ десять лѣтъ наука наблюдала движеніе работы. Воображеніе рисуетъ мощную фантазію зодчаго, постепенно облекающуюся въ стройныя формы изъ груды грубыхъ матеріаловъ, чтобы служить украшеніемъ древней Столицѣ Русской и говорить отдаленнымъ вѣкамъ о настоящемъ моментѣ народной жизни и богатства.

Въ заключеніе посмотримъ, какое имѣетъ значеніе Новый Дворецъ въ области искусства Европейскаго.

Было время, Петръ Великій, указывая Русскимъ на образованныхъ Европейцевъ, говорилъ: учитесь у нихъ, и если можете, превзойдите. Прошло съ небольшимъ столѣтіе, Россія училась, стремясь оправдать завѣщаніе своего Преобразователя. И вотъ, въ то самое время, когда удивляются зданіямъ Шинкеля въ Берлинѣ, прославившагося творческимъ примѣненіемъ Греческой архитектуры къ современнымъ потребностямъ, и трудамъ Кленце въ Мюнхенѣ, явившагося не болѣе, какъ мертвымъ копіистомъ древнихъ; въ то самое время въ нѣдрахъ древней столицы Русской является зданіе колоссальное и великолѣпное, проникнутое національнымъ чувствомъ, столько же изящное и достойное изученія, какъ и самые образцы, изъ коихъ Европейская архитектура почерпаетъ свое вдохновеніе. Это великое явленіе въ мірѣ искусствъ изящныхъ, предвѣщающее новый періодъ зодчества, принадлежитъ Россіи, возникло въ нашъ вѣкъ. Императоръ Николай I-й, желая соорудить Дворецъ, поручилъ составленіе проэкта К. А. Тону. Казалось, сама судьба вела художника къ великому назначенію. Изуча въ путешествіе по Италіи колоссальные остатки дворца Цезарей — властителей всего древняго міра, художникъ рѣшился возсоздать ихъ снова. Мысль смѣлая, требующая геніальныхъ соображеній. Съ тѣхъ поръ, какъ воз-

никли палаты Цезарей, до сего времени, Европа не имѣла ихъ подобія: она имъ удивлялась, изучала. Соображаясь съ произведеніемъ древняго искусства, Русскій зодчій выразилъ въ своемъ проэктѣ величіе образца, сопряженное съ изяществомъ и проникнутое національнымъ чувствомъ. Въ Новомъ Московскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ отразилась исторія нашего искусства. Византійская архитектура, какъ первообразъ зданій въ христіанской Россіи, оригинальныя, изящныя формы древнихъ зданій, существующихъ въ нашемъ отечествѣ, наконецъ величавые размѣры Римской архитектуры служили богатымъ источникомъ для созданія изящнаго, народнаго стиля, принаровленнаго къ климату и матеріаламъ. И такъ мы дожили до того времени, когда платимъ за уроки своимъ учителямъ произведеніями самобытными, оригинальными. Русскому искусству суждено было снять укоризну (весьма впрочемъ справедливую), что до сихъ поръ образованная Европа не имѣла своей архитектуры, имѣя свою музыку, живопись, поэзію, имѣя свое небо, свои великія открытія въ наукахъ точныхъ. Безъ гордости, съ отраднымъ патріотическимъ чувствомъ смотритъ Русскій на стройное громадное зданіе Новаго Кремлевскаго Дворца, любуясь родными формами извнѣ, поражаясь роднымъ великолѣпіемъ внутри. Все, начиная отъ цѣлаго и окан-

чивая подробностями, запечатлѣно утонченнѣйшей обработкой. Нигдѣ не проявляется холодное равнодушіе въ исполненіи того, что должно обезсмертить современную дѣятельность въ области изящнаго. Пройдутъ вѣка, наше время будетъ предметомъ изысканій историка и археолога: но зданіе, нынѣ воздвигнутое, домъ Царя Русскаго не перестанетъ быть краснорѣчивымъ свидѣтелемъ царствованія Николая I-го, свидѣтелемъ золотаго вѣка Русскаго зодчества! Судьба хранитъ всѣ благородныя усилія человѣка, какъ наставленія для потомства, пока посѣянное принесетъ плодъ добрый. Такъ примѣръ національнаго Русскаго зодчества да будетъ сѣменемъ, брошеннымъ на Европейскую почву, и созрѣетъ въ общую пользу. Пусть великій опытъ будетъ началомъ новаго періода въ мірѣ изящной архитектуры Европейской. Если вѣкъ Петра Великаго былъ рожденіемъ образованія Россіи: то вѣкъ Николая I-го есть эпоха сознанія собственныхъ силъ Русскаго народа въ мірѣ политическомъ и нравственномъ. Такъ понимаю о значеніи Новаго Московскаго Кремлевскаго Дворца, разсматривая его, какъ примѣръ національнаго зодчества, слѣдственно образцовое Европейское произведеніе».

Неподалеку отъ Воскресенскихъ воротъ, за зданіемъ Присутственныхъ мѣстъ, смиренно стоитъ Ка-

занскій соборъ, любуясь Красной площадью и стѣною Кремлевскою. Храмъ этотъ, величественный только внутренностью, особенно милъ мнѣ, потому что на моей родинѣ церковь во имя Казанскія же иконы Божіей Матери. Отъ входныхъ дверей храма сего мысли мои переносятъ меня на родину и сосредоточиваютъ всего меня въ мирной хижинѣ родителя моего, служителя Церкви,—хижины, гдѣ протекли первые счастливѣйшіе дни мои; но я не могу забыть, что Казанскій соборъ въ Москвѣ построенъ Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, въ благодарность за то, что Богъ помогъ ему выгнать Поляковъ изъ Москвы и освободить отечество отъ враговъ иноплеменныхъ.

Покровскій соборъ напоминаетъ мнѣ, что великолѣпный храмъ сей заложенъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1555 году, въ ознаменованіе благодарности за покореніе Казанскаго царства въ день Покрова Божіей Матери. Мнѣніе объ изяществѣ и великолѣпіи этого зданія было такъ велико, что молва, всегда болѣе увеличивающая худую, нежели добрую славу, въ числѣ явныхъ вымысловъ, распространила въ народѣ повѣрье, будто Іоаннъ, наградивъ зодчаго съ царскою щедростью, приказалъ лишить его зрѣнія, чтобъ онъ нигдѣ не могъ произвесть ничего луч-

шаго или подобнаго. Сказка эта идетъ издревле; Тоннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году, упоминаетъ объ ней; но нелѣпость ея доказывается тѣмъ, что при Іоаннѣ церковь Покровская оставалась не оконченною, и было въ ней только девять придѣловъ, кромѣ главнаго храма; строеніе продолжалось послѣ того, съ промежутками, болѣе 125 лѣтъ, и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича пристроено еще одиннадцать. Этимъ объясняется и разнообразная, фантастическая форма сей груды колоколенъ и главъ, крылецъ и террасъ, похожей, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ путешественниковъ, на глыбу сталактитовъ. Названіе собора этого: на Рву, происходитъ отъ того, что точно онъ построенъ былъ на крутой горѣ Красной площади, имѣвшей къ сторонѣ Москвы-рѣки неровный уступъ, а къ стѣнѣ Кремля глубокій ровъ. Лѣтъ 40 тому назадъ, какъ съ трудомъ можно было проѣхать между имъ и Кремлемъ, да и съ Москворѣцкой улицы осыпающееся возвышеніе представляло нѣчто неудобное и безобразное. 1817 года площадь храма этого выровнена, и отъ самой начинающейся пологости Красной площади къ сторонѣ стараго Гостинаго двора, или на улицу Москворѣцкую безобразный ровъ обложенъ тесанымъ камнемъ прекрасной формы, а верхъ этой, можно сказать, террасы украшенъ со стороны Москворѣцкой улицы хорошими желѣзными пе-

рилами; задняя же сторона собора заровнена и образуетъ теперь гладкую широкую улицу отъ самыхъ Спасскихъ воротъ до набережной. Говорятъ, что приведеніе этой террасы въ тотъ видъ, въ какомъ оная находится нынѣ, стоитъ 35,000 руб.

Этотъ величественный, возвышающійся нынѣ на Красной площади памятникъ завоеванія столицы Татарской, первыхъ воинскихъ доблестей и благополучныхъ временъ царствованія Грознаго, въ 1784 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, былъ поновленъ внутри и расписанъ стѣннымъ писаніемъ; а послѣ оскверненія его Галлами, въ 1812 году, торжественно освященъ вновь 1812 года Декабря 1 дня.

Нынѣшнее состояніе Покровскаго собора по внутреннему расположенію много измѣнилось. Въ немъ уже не находится, какъ прежде, 19 придѣловъ, но всѣхъ церквей съ придѣлами 9, именно: Покрова Пресвятыя Богородицы, Василія Блаженнаго, Іоанна Милостиваго, Александра Свирскаго, Рождества Пресвятыя Богородицы, Святителя Николая, Входа въ Іерусалимъ, Живоначальныя Троицы, Адріана и Наталіи, изъ коихъ надъ каждою возвышается глава, отличающаяся одна отъ другой размѣромъ, стилемъ и краскою. Одна винтообразная, другая острая, въ видѣ

пирамиды, та чешуйчатая въ круглымъ куполомъ, другая продолговатая въ видѣ минарета, одна зеленая, другая красная съ золотыми звѣздами. Прочія же церкви и придѣлы уничтожены и обращены въ палатки или такое мѣсто, гдѣ живутъ церковнослужители, священники для служенія молебновъ и сторожа. Нынѣ храмъ сей тщаніемъ и усердіемъ старосты своего, Московскаго купца Андреяна Иванова Озерскаго, внутри благолѣпно росписанъ въ древнемъ видѣ, снаружи также раскрашенъ вновь и въ такомъ же видѣ, какъ былъ прежде. Кресты и яблоки девяти главъ его ярко вызолочены:—что все еще болѣе возвышаетъ его въ глазахъ чтителей и любителей древности, а тщательному ктитору приноситъ великую честь. Именемъ Василія Блаженнаго соборъ этотъ наименованъ по древнему преданію, что Василій Юродивый, знаменитый святостію своей жизни, имѣлъ обыкновеніе сидѣть на папертяхъ сего собора и завѣщевалъ похоронить себя въ немъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ одномъ изъ придѣловъ, и на гробницѣ его висятъ тяжелыя вериги, которыя носилъ на себѣ блаженный. Благочестивые, прибѣгающіе къ гробницѣ его съ молитвою, надѣваютъ на себя сіи вериги.

Наконецъ Лобное мѣсто, которое теперь есть не что иное, какъ круглый каменный помостъ, съ такимъ же

вокругъ обводомъ и лѣстницею, и есть какъ бы подножіе великолѣпной церкви Василія Блаженнаго, напоминаетъ мнѣ, что здѣсь совершилось одно изъ торжественнѣйшихъ зрѣлищъ, поразившихъ Россію умилительною неожиданностію. Юный Іоаннъ, впослѣдствіи прилично названный Грознымъ, принявъ бразды правленія, и въ короткое время приведя въ ужасъ Москву и Россію своею жестокостію и необузданностью страстей, собралъ, въ 1550 году, со всего государства избранныхъ людей. Со страхомъ явились на Красную площадь представители народа, какъ взорамъ ихъ представилось совершенно противное: передъ ними явился Царь не во гнѣвѣ, но кроткій, — увидѣли они Іоанна не грознымъ, но съ смиреніемъ восходящимъ на Лобное мѣсто и со слезами на глазахъ обращающимся къ Митрополиту, который слѣдовалъ за нимъ въ недоумѣніи, колеблясь между страхомъ и надеждою,—съ просьбою, чтобы онъ былъ ходатаемъ у Престола Всевышняго за все зло, доселѣ имъ содѣланное. Представляя въ оправданіе свое нерадивое попеченіе о его воспитаніи, коварство и смуты боярскіе, Іоаннъ просилъ Митрополита быть свидѣтелемъ предъ лицемъ Бога и представителями народа его обѣта — загладить прежніе проступки любовью и попеченіемъ о своихъ подданныхъ, быть обороною слабаго предъ сильнымъ, защитою утѣсненныхъ, утѣшителемъ си-

рыхъ и убогихъ. Я вспоминаю рѣчь, которую онъ говорилъ Митрополиту и народу, помѣщенную въ Степен. Кн.: «Молю тя, святый Владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Всѣмъ блага дѣла и любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ небрегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ нерадѣша и самовластны быша, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть избраняющаго, и во многія корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся. Азъ яко глухъ и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія юности ради моея и пустоты. Они же властвоваху. О неправедніи и лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крове сея! Ожидайте воздаянія своего. *И всѣмъ поклонися на всѣ страны, и глагола:* Людіе Божіи и намъ дарованніи Богомъ, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разореній и налоговъ исправити невозможно за медленія ради юности моея и пустоты и безпомощества и неправдъ ради бояръ моихъ и властей и безсудства неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Молю васъ оставити другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго

дѣла не вмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды разоряти и хищенія возвращати». Народъ зарыдалъ отъ удивленія, отъ восторга, забылъ жестокости Царя и славилъ одни его милости. Іоаннъ требовалъ всеобщаго примиренія, и враги кинулись въ объятія другъ друга. Вспоминаю, что съ Лобнаго мѣста предатели читали обольстительную грамоту Самозванца, и Москвитяне, забывъ присягу, данную не задолго юному сыну Годунова, провозгласили Отрепьева Царемъ Русскимъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кровавый, обезображенный трупъ похитителя лежалъ уже на Лобномъ мѣстѣ, съ маскою, дудкою и волынкою въ рукѣ, а трупъ его клеврета Басманова поверженъ былъ у ногъ его. Съ Лобнаго мѣста, въ 1610 году, изречено было мятежнымъ Ляпуновымъ сверженіе Шуйскаго. Съ Лобнаго мѣста окроплялъ Святою водою знаменитый Никонъ доблестнаго Царя Алексѣя Михайловича и рать его, готовую выступить въ славный походъ, коего плодами было возвращеніе отъ Поляковъ древнихъ Русскихъ городовъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и Кіева. Припоминаю, какъ Патріархъ Іоакимъ здѣсь благословлялъ, окропляя, грозное ополченіе, собранное на защиту Кіева и Украйны отъ Турокъ, и возложилъ на Князя Черкасскаго крестъ Константина, а на Долгору-

кова икону Сергія Радонежскаго. Воображаю, какъ арапъ, слуга Матвѣева, во время Стрѣлецкихъ бунтовъ, когда никто не смѣлъ приблизиться къ Лобному мѣсту и изъявить сожалѣніе къ жертвамъ злобы, повергнутымъ вокругъ онаго въ грязи, одинъ отважился собрать растерзанные члены своего благодѣтеля. Изверги, пораженные смѣлостію существа, столь, по ихъ мнѣнію, презрѣннаго, не препятствовали ему совершить примѣрный подвигъ благодарности.

Правда, минувшее представляетъ намъ часто и такія картины, на которыя нельзя взглянуть безъ ужаса: мы видимъ и опустошительныя нашествія враговъ, и пагубныя слѣдствія раздоровъ, и буйственные поступки мятежниковъ; но да не смущаетъ это духъ нашъ! Пусть это обязываетъ насъ только болѣе уважать свое отечество, болѣе любить его, болѣе благоговѣть передъ законною властію, напоминая, что такое величіе, такая слава, а вмѣстѣ съ этимъ и такое благоденствіе, которыми мы теперь такъ наслаждаемся, досталось любезному отечеству нашему не даромъ, не безъ неудовольствій, не безъ лишеній, не безъ скорби, не безъ униженія, и научаетъ насъ бодро стоять на стражѣ, сберегая подъ крѣпкимъ замкомъ чистоту вѣры и преданность Царскому престолу.

Съ того времени, какъ явились немирные люди, нельзя уже обойдтись безъ ссоры, и надежнѣйшій миръ покупается уже бранью, войною. Взгляните въ исторію какого вамъ угодно народа, и вы увидите, что каждый имѣлъ свои непріятности. Каждое государство испытало разныя потрясенія, было терзаемо внутренними и внѣшними бѣдствіями. Даже вѣра — эта кроткая, смиренная дщерь неба—имѣла своихъ враговъ, своихъ злодѣевъ. Греки и Римляне, два великіе народа древняго міра, каждый, домогаясь первенства, поперемѣнно проливали кровь человѣческую. Аѳины и Спарта, Римъ и Карѳагенъ взаимно терзали другъ друга и потрясали громомъ оружія концы вселенной. Народы и царства, подлежавшіе ихъ владычеству, поперемѣнно, то возставая, то упадая, не давали имъ покою, пока наконецъ вмѣстѣ съ ними вся великая громада этихъ народовъ и царствъ не рушилась, не упала къ стопамъ счастливаго Августа и не признала въ немъ единаго владыку извѣстнаго тогда міра.

Тоже было и съ Россіею. Много было перемѣнъ, и горестныхъ и утѣшительныхъ, и въ нашемъ отечествѣ. Отъ Рюрика до Владиміра Россія составляла одно политическое тѣло; Олегъ, Игорь, Святославъ и Владиміръ быстро подняли ее своими побѣдами на

верхъ могущества и славы; дружины ихъ неоднократно приходили подъ стѣны Византійскія и брали богатыя дани съ Царей Греческихъ. Послѣ Владиміра Россія раздѣлена была на удѣлы, и Борисъ и Глѣбъ, первыя жертвы властолюбія. падаютъ отъ руки Святополка, брата своего; Ярославъ дѣлается мстителемъ и ополчается на брата, и подымается война междоусобная. Потомъ Печенеги, которые прежде отъ однихъ только звуковъ воинскихъ трубъ Святослава раз бѣжались и долго не смѣли безпокоить Россіи, безъ всякой почти опасности грабятъ землю Русскую.

Наконецъ домашнія несогласія, безпрестанныя ссоры и войны Удѣльныхъ Князей между собою привлекаютъ безчисленныя полчища Татаръ, которымъ Россія не въ силахъ была противиться, и проиграла несчастное сраженіе при рѣкѣ Калкѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ Батый совершенно поработилъ ее: и *оттоль*, какъ говорятъ наши лѣтописи, *Русская земля нача работати Татаромъ.* Работа эта продолжалась болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Если когда, то особенно теперь, прилично воспользоваться выраженіемъ, употребленнымъ знаменитѣйшимъ нашимъ духовнымъ витіею Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, въ словѣ на погребеніе Голенищева-Кутузова-Смоленскаго: *среди отечества безъ отечества,*

среди власти безъ законовъ. Многозначущія слова эти относятся къ народу Еврейскому, но они могутъ быть приложены и къ Русскому въ Татарскую эпоху. Народъ, нѣкогда мужественный и отважный, до того былъ уничтоженъ, что, бросивъ всес обственное, бѣгалъ подобно звѣрямъ, спасая только свою жизнь. Князья Русскіе не смѣли и вздохнуть безъ позволенія Ханскаго. Гордые Ханы, какъ самовластные Государи, возводили на престолъ Великокняжескій кого хотѣли, или, лучше сказать, кто могъ болѣе предоставить имъ средствъ къ ихъ обогащенію.

Съ рожденіемъ мысли о водвореніи прежняго единодержавія въ великомъ умѣ Калиты, ожила Россія. Дмитрій Донской, при которомъ великая мысль разрушить удѣльную систему и посредствомъ единодержавія утвердить могущество Россіи, приводимая въ дѣйствіе Іоанномъ Даниловичемъ Калитою и сыномъ его Симеономъ, созрѣла и сдѣлалась явною, одержалъ блистательную побѣду надъ Татарскимъ военачальникомъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ. Эта побѣда не сокрушила еще совершенно владычества Татаръ, однако дала имъ почувствовать, что Россія еще умѣетъ владѣть оружіемъ, и Татары, доселѣ безстрашные, начали опасаться нашихъ Князей. Татары были еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, были даже

и въ Москвѣ; но уже не какъ хозяева, а какъ враги. Совершенно избавилась Россія отъ владычества Татарскаго въ княженіе Великаго Князя Іоанна Васильевича III, который присоединилъ всѣ удѣльныя княжества къ одному Великому княжеству Московскому. *Державный** Іоаннъ княжилъ 43 года, и княженіе его есть непрерывная цѣпь такихъ событій, которыя служили къ умноженію величія, могущества и славы нашего отечества. «Отселѣ, говоритъ знаменитый исторіографъ нашъ Н. М. Карамзинъ, исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную, съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической; уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Іоаннъ III-й успѣхами своего оружія принудилъ въ 1469 году Ибрагима, Царя Казанскаго, заключить миръ, по словамъ лѣтописи, *на всей волѣ*

---

* Въ это время въ исторіи является въ первый разъ слово: *Державный*.

Государя Московскаго». Но знаменитый внукъ его, Царь Іоаннъ Грозный, покорилъ царства Татарскія— Казанское и Астраханское, и въ нѣдрахъ самой Россіи усмирилъ мятежный Новгородъ. Россія при немъ снова сдѣлалась государствомъ великимъ и сильнымъ; сосѣднія государства страшились ея могущества и искали союза съ Царемъ Іоанномъ. Казалось, что онъ, во время продолжительнаго своего царствованія, на нѣсколько вѣковъ оградилъ ее отъ всѣхъ бѣдствій; но при сынѣ его Ѳеодорѣ снова брошены сѣмена золъ и несчастій на землю Русскую. Хитрый царедворецъ Борисъ Годуновъ, прежде Рында* при Дворѣ Іоанна, потомъ родственникъ Царя Ѳеодора, видя слабость сего въ правленіи и надѣясь чрезъ родство съ нимъ достигнуть, по кончинѣ его, престола, рѣ-

* Родъ оруженосцевъ, явившійся въ первый разъ при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, отцѣ Грознаго. Рынды избирались изъ молодыхъ знатныхъ людей красивой наружности. Одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили предъ Великимъ Княземъ въ его торжественныхъ шествіяхъ, стояли у трона во время пріема Пословъ и хранили доспѣхи Государевы въ походахъ на брани. Такъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича 22 Мая 1597 г. Годуновъ стоялъ съ державою близъ трона, когда Ѳеодоръ, сидя въ большой грановитой росписной палатѣ на тронѣ въ діадимѣ со скипетромъ, принималъ Австрійскаго Посланника Авраама Бурграфа Донавскаго.

шился принести своему честолюбію кровавую жертву,—рѣшился умертвить брата Царскаго, малолѣтнаго Царевича Димитрія. 1591 года 15 Мая умерщвленъ въ Угличѣ Царевичъ Уаръ-Димитрій.

Въ 1596 году, когда происходило торжественное переложеніе мощей Святаго Алексія Митрополита въ новую серебряную раку, Өеодоръ Іоанновичъ, заставивъ Годунова держать сію драгоцѣнную святыню, сказалъ ему: *Осязай святыню, правитель народа христіанскаго! управляй имъ съ ревностію. Ты достигнешь желаемаго; но все суета и мигъ на землѣ.* Но слова эти не подѣйствовали на честолюбіе его. Годуновъ не переставалъ дѣйствовать для достиженія своихъ замысловъ. Злодѣяніе исполнено. Годуновъ увѣрилъ кроткаго Өеодора, что Царевичъ въ припадкѣ умертвилъ самъ себя. Царица Марія, послѣдняя супруга Іоанна Грознаго, мать убіеннаго Димитрія, пострижена въ монахини; многіе изъ жителей Углича, гдѣ она жила съ Царевичемъ, сосланы въ Сибирь. Тогда Өеодоръ, предвидя, можетъ быть, неотвратимыя бѣдствія, угрожавшія отечеству, встрѣтилъ смерть, какъ нѣкое благо, облегчившее земныя его скорби. 1598 года Января 1-го дня скончался Царь Өеодоръ Іоанновичъ, послѣдняя отрасль знаменитаго поколѣнія Рюрика. 8-го Января совершено по-

гребеніе; память кроткаго Царя, отца чадолюбиваго, почтена искренними горькими слезами всѣхъ подданныхъ. По кончинѣ Ѳеодора, скорбящая Россія присягнула вдовствующей Царицѣ Иринѣ; но она царствовала только 15 дней; на 16-й объявила рѣшительную волю свою принять образъ иноческій и промѣнять престолъ на келью. Ни убѣжденія вельможъ, ни моленіе гражданъ не могли склонить ее къ перемѣнѣ ея намѣренія. Оставя тронъ и скипетръ на волю Верховной думы и всего народа, Ирина сошла съ трона, переѣхала въ Новодѣвичій монастырь, и тамъ, подъ именемъ Александры, воспріяла иноческое житіе. Тронъ осиротѣлъ. Верховная дума недоумѣвала и выслала Печатника убѣдить волнующихся на Красной площади гражданъ присягнуть боярамъ; но Годуновъ успѣлъ склонить на свою сторону Патріарха Іова, обязаннаго ему своимъ саномъ, большую часть бояръ, чрезъ него же возведенныхъ въ сіе достоинство, и народъ. Народъ кричалъ: *да царствуетъ братъ Царицы*; противорѣчить ему въ это время было опасно, — и Годуновъ торжественно былъ избранъ и возведенъ на престолъ Царскій. 1599 года Октября 1-го дня происходило царское вѣнчаніе его по обряду прежнихъ вѣнценосцевъ, только съ бо̀льшимъ великолѣпіемъ и пышностію; награды, милости и пиры послѣдовали за коронованіемъ; двѣнадцать дней

продолжалось угощеніе народа; но достигнувъ такимъ образомъ престола, Годуновъ, доселѣ отважный, рѣшительный, вдался въ подозрѣнія. Поэтому многія знатныя фамиліи, болѣе или менѣе соединенныя узами родства съ умершими владѣтелями Москвы, были имъ удалены отъ Двора и разосланы въ дальніе города, или заключены въ монастыри и неволею пострижены въ монашество. Многіе изъ нихъ въ семъ изгнаніи бѣдственно скончали жизнь свою. Въ числѣ такихъ изгнанниковъ было и семейство Романовыхъ-Юрьевыхъ, пять сыновъ Боярина Никиты Романовича: Ѳеодоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій, оставленные умирающимъ отцемъ на попеченіе Годунова. Но домъ Романовыхъ-Юрьевыхъ опасенъ былъ для видовъ Годунова не по одному родству съ Ѳеодоромъ и Анастасіею, но и потому, что народъ любилъ это благословенное семейство. Почему Ѳеодора Никитича неволею постригли въ монахи съ именемъ Филарета, и послали въ Сійскую Антоніеву обитель; супругу его Ксенію также постригли; дѣтей ихъ — шестилѣтняго Михаила, родоначальника нынѣ благополучно-царствующаго Дома, и юную сестру его отправили на Бѣлоозеро. Другихъ братьевъ Ѳеодора и родственниковъ ихъ разослали по разнымъ отдаленнымъ областямъ. Въ послѣдствіи гоненіе сихъ невинныхъ жертвъ властолюбія Бори-

сова уменьшилось: ихъ не содержали уже съ такою строгостію, возвратили имъ ихъ имѣнія и велѣли жить въ ономъ; инокъ Филаретъ посвященъ былъ въ Архимандриты, а дѣти его жили на родинѣ Романовыхъ, Юрьевскаго уѣзда, Костромской губерніи, въ селѣ Клинѣ, — все это, вѣроятно, потому, что Годуновъ убѣдился въ безпритязательности ихъ,—увидѣлъ, что они ничего не ищутъ, кромѣ спокойствія. Впрочемъ, первые годы царствованія Годунова ознаменованы благовидными дѣяніями: война съ Крымскими Татарами предупреждена миромъ; ужасный голодъ*, свирѣпствовавшій въ это время въ Россіи, былъ нѣсколько облегченъ раздачею денегъ изъ казны Царской, а безчинства и насилія, неотвратимыя послѣдствія голода,—занятіемъ народа казенною работою; народъ получалъ плату при казенныхъ строеніяхъ въ Москвѣ** и въ другихъ городахъ. Ут-

* Многіе достовѣрные современники свидѣтельствуютъ, что въ Москвѣ лежали люди на улицахъ и подобно скотамъ питались травою; у многихъ находили во рту сѣно. Лошади, собаки, кошки и все, что служитъ для насъ предметомъ омерзѣнія, все употреблялось въ пищу. Естественныя послѣдствія голода — моръ, грабежъ и убійства открылись со всѣми ихъ ужасами и продолжались слишкомъ два года. Лѣтописи полагаютъ, что въ эти два года и четыре мѣсяца было умершихъ до 500 тысячъ.

** Въ это время построены на мѣстѣ деревяннаго Дворца Іоаннова, къ Золотой и Грановитой палатамъ, еще двѣ каменныя: столовая и панихидная и воздвигнутъ Иванъ Великій.

вердясь такимъ образомъ на престолѣ, Годуновъ началъ помышлять о родствѣ съ иностранными державами. Принцы Шведскій и Датскій искали руки его дочери Ксеніи. 28 Сентября 1603 года, Годуновъ со всею пышностію угощалъ Іоанна, брата Короля Датскаго, въ Грановитой палатѣ, какъ нареченнаго уже жениха. Но Москва дала юному Іоанну не невѣсту, славную красотою, а смерть: онъ сдѣлался боленъ горячкою, и 28 Октября того же года скончался. Погребеніе было великолѣпное; бренные остатки его были везены изъ Китая-города, гдѣ былъ отведенъ ему домъ, до Нѣмецкой слободы, въ богатой колесницѣ подъ тремя знаменами, въ черномъ полѣ коихъ изображены были гербы: Даніи, Мекленбургіи и Голштиніи, и поставлены подъ сводомъ церкви Аугсбургскаго исповѣданія; Государь самъ провожалъ тѣло, и въ честь покойнаго далъ церкви колокола, въ которые дозволилъ звонить въ воскресные дни и дни большихъ праздниковъ. Хотя Годуновъ ничего не упустилъ такого, чѣмъ могъ пріобрѣсть себѣ уваженіе Двора Датскаго, послѣ неудачи возвысить родъ свой союзомъ Ксеніи съ домомъ древнихъ вѣнценосцевъ знатной Европейской державы; но судьба рѣшила уже участь его иначе, и приготовляла втайнѣ ударъ самому ему. Орудіемъ для этого избранъ былъ Юрій, сынъ Стрѣлецкаго Сотника Богдана Якова От-

репьева. Юрій, служившій сначала въ домѣ Романовыхъ и Черкасскаго, вступаетъ въ монашество, подъ именемъ Григорія, переходитъ изъ обители въ обитель, оставляя вездѣ по себѣ дурное мнѣніе, поступаетъ потомъ въ Чудовъ монастырь, — и здѣсь начинаетъ выдавать себя за Царевича Дмитрія, убіеннаго въ Угличѣ. Годуновъ приказалъ сослать Григорія въ Соловецкій монастырь; но Отрепьевъ, избѣгая заслуженнаго наказанія, тайно ушелъ изъ Москвы, и скитавшись по Россіи, наконецъ пришелъ въ Польшу. Здѣсь вступилъ въ услуженіе къ Князю Вишневецкому, чрезъ нѣсколько времени притворился отчаянно больнымъ, попросилъ духовника, и на исповѣди открылъ ему, будто онъ есть истинный сынъ Царя Іоанна Грознаго, а въ Угличѣ вмѣсто его убитъ другой, и что онъ, опасаясь мщенія Годунова, скрывался тайно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, пока не нашелъ убѣжища въ Польшѣ,—и что теперь, при концѣ своей жизни, проситъ одной только милости — быть погребеннымъ прилично высокому его званію. Для большаго увѣренія духовника, Отрепьевъ далъ ему свитокъ, въ которомъ подробно были описаны всѣ его приключенія, и просилъ не показывать этого свитка никому и не говорить о томъ, что онъ объявилъ на исповѣди. Но духовникъ открылъ все Князю Вишневецкому, а Вишневецкій Королю Си-

гизмунду. Явленіе новаго Царевича — врага Годунову — было величайшею находкою для политики Сигизмунда, и особенно благопріятствовало Польскому духовенству и Папѣ, которые старались ввести въ обширныхъ владѣніяхъ Русскихъ вѣру Римско-католическую. Собранъ былъ сеймъ, куда былъ представленъ и Отрепьевъ. Отрепьевъ разсказалъ на сеймѣ Королю и Сенаторамъ туже исторію, которую разсказывалъ своему духовнику. Король и многіе вельможи признали его истиннымъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, дали ему часть войска и большую сумму денегъ. Съ ними самозванецъ доходитъ до предѣловъ Россіи, беретъ вооруженною рукою города и селы, и изумленныхъ жителей приводитъ къ присягѣ. Толпа его такъ увеличилась, что войска Годуновы не въ состояніи уже были удерживать ея стремленія. Впрочемъ усиленіе стороны Лжедимитрія переметчиками и добровольнымъ принятіемъ подданства нѣкоторыхъ областей не обѣщало еще его успѣхамъ многаго; но Годуновъ, отличавшійся рѣшимостью духа и воинской дѣятельностью въ царствованіе Ѳеодора, ослабѣлъ, упалъ духомъ, и умеръ скоропостижно. Неожиданная смерть Годунова болѣе всего содѣйствовала успѣхамъ самозванца. Разнесся слухъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ, устрашенный приближеніемъ Царевича Димитрія, самъ себя

лишилъ жизни. Духовенство, Дворяне и вся Москва присягнули Өеодору Борисовичу, юношѣ, много обѣщавшему своими достоинствами и добрымъ сердцемъ. Но нелюбовь къ отцу отвлекли искреннее расположеніе народа и отъ сына. «Время Годуновыхъ миновалось! мы были съ ними во тьмѣ кромѣшной: солнце восходитъ для Россіи! да здравствуетъ Царь Димитрій! клятва Борисовой памяти! гибель племени Годуновыхъ!» кричалъ народъ на Красной площади, когда нѣкоторые знатные Бояре и другіе Думные совѣтники хотѣли поддержать сторону юнаго Годунова. Злодѣй входитъ на престолъ подъ именемъ Димитрія, сына Іоанна Грознаго, и вступаетъ въ супружество съ Маринкою, дочерью Мнишки, Воеводы Сендомирскаго, съ которымъ еще въ бытность свою въ Польшѣ сдѣлалъ такое условіе,—и который всячески помогалъ самозванцу въ достиженіи Русскаго престола, надѣясь получить отъ него, какъ отъ Царя, въ вознагражденіе много денегъ, которыя крайне были ему нужны для поправки разстроенныхъ его дѣлъ. Любопытно читать описаніе обряда обрученія и свадьбы Лжедимитрія. «7 Мая (1606 года), говоритъ Исторія Государства Россійскаго, ночью невѣста вышла изъ монастыря (Вознесенскаго), и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ, окруженной тѣлохранителями и дѣтьми боярскими, переѣхала

во Дворецъ, гдѣ въ слѣдующее утро совершилось обрученіе по уставу нашей церкви и древнему обычаю, но вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, наканунѣ пятницы и Святаго праздника, совершился и бракъ; ибо самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомірскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами, и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и Сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины,—и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей:

Наияснѣйшая Великая Государыня, Цесаревна Марія Юрьевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою, вступи же на свой Цесарскій маестатъ и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами! Она сѣла. Вельможа Михаилъ Нагой держалъ предъ ней корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомірскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и стрѣльцовъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скипетромъ, Басмановъ* съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ и началось священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на державство.

---

* Тотъ самый, который, получивши отъ Θеодора Борисовича Годунова званіе и власть главнаго предводителя въ войскѣ, со всѣмъ почти войскомъ предался Лжедимитрію.

Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь; Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, брамы, діадиму и корону (для сего свахи сняли головной уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и благовѣрной Цесаревнѣ Маріи, которую Патріархъ на литургіи украсилъ цѣпью Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишки, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скипетра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности. Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василья Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ, но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ

изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ столовой палатѣ; но сидѣли недолго: встали и проводили его до спальни, а Мнишко и Князь Василій Шуйскій до постели. Все утихло во Дворцѣ. Москва казалось спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступило».

Многіе изъ Бояръ скоро увидѣли свою ошибку и узнали въ новомъ Царѣ бывшаго монаха Чудова монастыря; но страхъ мщенія удерживалъ ихъ отъ обнаруженія истины. Одиннадцать мѣсяцевъ извергъ Отрепьевъ оскверняль собою престолъ Россійскій; наконецъ Бояре и народъ, желая избавить себя и отечество отъ жестокостей злодѣя, составили заговоръ подъ начальствомъ Шуйскаго, и вооруженною рукою свергнули съ престола ненавистнаго Отрепьева. Чернь умертвила его; тѣло его было сожжено и пепелъ развѣянъ по воздуху. На престолъ Россійской входитъ Василій Ивановичъ Шуйскій, отрасль Князей Суздальскихъ. Желая оградить спокойствіемъ и безопасностью государство, Шуйскій отправилъ Пословъ къ Польскому Королю Сигизмунду III для возобновленія мир-

наго договора, заключеннаго еще при Царѣ Борисѣ на 22 года; причемъ напоминалъ Королю, что онъ несправедливо нарушилъ прежнее мирное постановленіе и способствовалъ Отрепьеву къ достиженію Царскаго престола; но что теперь уже самозванецъ этотъ, нанесшій столько вреда Россіи, лишенъ престола и жизни. Коварный Сигизмундъ прислалъ также съ своей стороны Пословъ къ Шуйскому и заключилъ съ нимъ мирный договоръ только на четыре года, съ тѣмъ однакожъ, чтобы всѣ Поляки, въ томъ числѣ и Мнишко Сендомирскій съ Маринкою, которые задержаны въ Москвѣ послѣ убіенія Отрепьева, были отпущены въ Польшу. Съ обѣихъ сторонъ утверждены статьи мирнаго трактата; Послы Польскіе, Сендомирскій, дочь его и прочіе Поляки, содержавшіеся въ Москвѣ, отпущены въ свое отечество; они дали клятву Царю Василію, что не присоединятся къ новому самозванцу, который появился вскорѣ по вступленіи на престолъ Шуйскаго, и въ это время находился въ селѣ Тушинѣ, лежащемъ отъ Москвы въ 12 верстахъ, на большой дорогѣ, ведущей въ города Воскресенскъ и Волоколамскъ. Но честолюбивый Мнишко, получа свободу, нарушилъ данную клятву, и вмѣстѣ съ Послами присоединился къ Тушинскому самозванцу*; распут-

* Это — третій уже самозванецъ, извѣстный подъ именемъ вора Тушинскаго, но до него былъ еще Петрушка въ Ту-

ная Маринка даже не устыдилась признать въ немъ прежняго своего мужа.

Вѣроломный Сигизмундъ самъ вскорѣ нарушилъ мирный договоръ съ Шуйскимъ и осадилъ Смоленскъ, который однакожъ съ отличнымъ мужествомъ защищалъ Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ. Большая часть городовъ Россiйскихъ были или преданы Самозванцу, или ослушны Царю; междоусобiя раздирали отечество; въ Столицѣ бунтъ, въ войскахъ смятенiе, въ боярахъ измѣна. Ужасно читать въ лѣтописяхъ этого времени описанiя всѣхъ бѣдствiй и несчастiй, бывшихъ въ это время въ Россiи. «И примѣнишася, говоритъ Аврамiй Палицынъ, тогда жилища человѣческая на звѣрская: дивiи бо, не кроткое естество, медвѣди и волки, и лисицы, и зайцы на градская и пространная мѣста пришедше, такожде и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищѣ на трупѣ человѣческомъ вселишася» и проч. (Сказанiе объ осадѣ Троицкаго монаст., соч. Аврам. Палиц. М. 1784 г.) — Въ это время Литовцы и Поляки были почти тоже для Русскихъ, что и Татары, около 200 лѣтъ

лѣ. Всѣхъ самозванцевъ было семь: Гришка Отрепьевъ, Петрушка, воръ Тушинскiй, три самозванца въ Астрахани и Сидорка во Псковѣ.

предъ тѣмъ, если только не хуже. «Крыяхуся, продолжаетъ Келарь Троицкой Лавры, тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры недовѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе, и плачущеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сусѣ: но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому же немощно бяше двигнутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ.»

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Шуйскій заключилъ новый союзъ съ Королемъ Шведскимъ Карломъ IX противъ Поляковъ, нанялъ Шведскія войска, отпущенныя въ Россію подъ предводительствомъ Графа Делагардія, котораго наши историки называютъ Яковомъ Понтусовымъ; но ничего не помогало. Пока ревностный защитникъ отечества, Князь Михаилъ Васильевичь Шуйскій-Скопинъ, родной племянникъ Царя Василія, вмѣстѣ съ другими сынами отечества* и

* Къ числу ихъ принадлежитъ особенно Стольникъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, оказавшій большія услуги отечеству въ царствованіе Шуйскаго и особенно, какъ увидимъ ниже, во времена междоцарствія. Въ первый разъ отличился онъ при Коломнѣ, куда посланъ былъ съ вой-

наемными Шведскими войсками истреблялъ враговъ Россіи, покорялъ и приводилъ въ послушаніе мятежные города, до тѣхъ поръ надежда утѣшала несчастнаго Василія. Но когда зависть и клевета вознамѣрились положить преграду геройскимъ подвигамъ побѣдоноснаго Михаила Шуйскаго, когда сей великій мужъ палъ среди побѣдъ своихъ не на полѣ ратномъ и не отъ руки враговъ, но въ Москвѣ отъ кровныхъ своихъ*, тогда Россія примѣтно начала клониться къ паденію. Главнымъ Воеводою Россійскихъ войскъ сдѣланъ братъ Царя Василія, Димитрій Ивановичъ Шуйскій. Димитрій Шуйскій съ наемными Шведскими войсками отправился на защиту Смоленска, но не имѣлъ успѣха. Тотъ же самый Делагардій сколько любилъ и уважалъ Михаила Васильевича, столько презиралъ и ненавидѣлъ Димитрія, — и на первомъ сраженіи съ Поляками, по тайному условію съ Гетманомъ Жолкевскимъ, перешелъ на его сторону и вмѣстѣ съ нимъ напалъ на изумленное Россій-

скомъ противъ Поляковъ и нашихъ мятежниковъ, и гдѣ разбилъ предводителя ихъ Хмѣлевскаго, взялъ непріятельскій обозъ и множество запасовъ. Здѣсь впервые открываются воинскіе подвиги Пожарскаго и увѣнчиваютъ его славою героя.

* Лѣтописи говорятъ, что въ Москвѣ многіе говорили, что его испортила его тетка, Княгиня Катерина, жена Князя Димитрія Шуйскаго.

ское войско. Дмитрій Шуйскій разбитъ и принужденъ былъ отступить къ Москвѣ. Послѣ этого Делагардій, оставивъ часть своего войска Жолкевскому, самъ съ остальнымъ пошелъ къ Новгороду, надѣясь завладѣть симъ нападеніемъ въ-расплохъ; но ему это не удалось. Намѣстникъ Новгородскій, извѣщенный заранѣе о его намѣреніи, не допустилъ его. Обманутый Делагардій, оставя Новгородъ, обратился къ Ладогѣ, которую взялъ и разграбилъ. Войско Царя Василія, посланное противъ него, преслѣдовало его до границъ Шведскихъ.

Между тѣмъ Сигизмундъ, узнавши, что Шуйскій послалъ войско противъ Делагардія, приказалъ Жолкевскому съ Поляками и Шведами идти къ Москвѣ, куда отправился и самозванецъ Тушинскій, стоявшій до этого въ Калугѣ; къ нимъ присоединился, то же съ войскомъ, Гетманъ Сапега, и Москва окружена была со всѣхъ сторонъ. Исторія повѣствуетъ, что Москва въ сіе время, угрожаемая сильнымъ Тушинскимъ мятежникомъ, представляла видъ ратнаго стана, и лазутчики Ружинскаго, проходя по Ходынкѣ, видѣли готовность полковъ Московскихъ,—видѣли, что стража бодрствовала и что всѣ въ доспѣхахъ бранныхъ ожидали боя. 1607 года Сентября 23 дня самозванецъ и Воеводы Литовскіе осадили обитель Троиц-

кую; но въ стѣнахъ сей Лавры обитали вѣра и вѣрность: приступъ, сдѣланный врагами къ стѣнамъ ея, остался безуспѣшенъ, и ненависть ихъ, воспламенная неудачею, обратилась на другіе города Россіи. Гетманъ Ружинскій подступилъ къ Москвѣ и захотѣлъ взять престольный городъ. Уже Столица въ осадѣ и предмѣстья сожжены; цѣлый день продолжается битва, и побѣда склоняется на сторону враговъ; но явились Князья Куракинъ и Лыковы съ полками своими, и побѣда исторгнута у мятежниковъ: они принуждены были въ безпорядкѣ отступить по Ходынкѣ за рѣку. Тогда Сигизмундъ, стремившійся присоединить Россію къ своей державѣ, видя худой успѣхъ явной брани, приступилъ къ другимъ средствамъ. Пока на престолѣ Россійскомъ былъ Царь, надежды его были невѣрны и успѣхъ сомнителенъ. Надлежало низвергнуть Шуйскаго. Жолкевскій и Сапега, по приказанію Короля своего, переписывались тайно съ Московскими Боярами, и увѣряли ихъ, что Король пришелъ къ Смоленску съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прекратить напрасное кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ и доставить миръ Россіи; а Гетмана Жолкевскаго для того послалъ къ Москвѣ, чтобы поговорить съ Боярами о настоящемъ положеніи Россіи и о слабости правленія Царя Василія, котораго они могутъ упросить сойдти съ престола. Бѣдствія прекратятся, если Россія намѣсто

Шуйскаго согласится имѣть Царемъ своимъ сына Сигизмунда, Королевича Владислава, который охотно приметъ послѣ этого и господствующую религію въ Россіи. Въ доказательство истины своего обѣщанія показалъ онъ грамоту, которую Сигизмундъ прислалъ въ Москву къ Боярамъ и ко всему народу, и въ которой самъ предлагалъ сына своего Владислава къ избранію на престолъ Россійскій на весьма выгодныхъ условіяхъ. Большая часть Бояръ и народа, положась на обѣщаніе Сигизмунда, и не желая долѣе сносить притѣсненій осаждающихъ Поляковъ, начали колебаться въ преданности къ Царю Василію, а наконецъ приняли сторону Королевича Владислава, и, составя заговоръ, пошли въ чертоги къ Царю, взяли его оттуда и отвели его въ прежній его домъ. На другой день постригли его въ монахи и помѣстили въ Чудовомъ монастырѣ; Царицу, супругу его, постригли также въ Воскресенскомъ монастырѣ. Патріархъ Гермогенъ небоязненно укорялъ мятежныхъ Бояръ, которые лишили престола Шуйскаго и дали согласіе на избраніе Владислава. Достойнѣйшій пастырь одинъ почти оставался въ это время истинно преданнымъ несчастному Царю Василію, но не могъ укротить и остановить мятежъ народный. Престолъ остался празденъ; правленіе государствомъ приняла Верховная Дума, состоящая изъ семи Бояръ: Мстиславскаго, Воротын-

скаго, Лыкова, Трубецкаго, двухъ братьевъ Голицыныхъ и Салтыкова. Въ договорѣ Бояръ съ Королемъ Сигизмундомъ между прочимъ было постановлено: всѣ Польскія войска вывести изъ Россіи; самъ Сигизмундъ долженъ оставить осаду Смоленска и возвратиться въ Польшу; для утвержденія этого договора посланы были къ Королю въ Смоленскъ Послы. Король принялъ посольство ласково, а между тѣмъ не только не выводилъ войска изъ Москвы, но послалъ къ Гетману Жолкевскому тайное повелѣніе — хитрымъ образомъ ввести новыя въ Москву и овладѣть городомъ. Соумышленники Поляковъ впустили ихъ въ Москву; Жолкевскій занялъ домъ Годунова, взялъ крѣпостные ключи, расположилъ часть полковъ своихъ по дворамъ боярскимъ, посадилъ подъ стражу верховнаго правителя Думы Мстиславскаго и нѣкоторыхъ изъ его товарищей; овладѣлъ кормиломъ правленія и перевелъ бывшаго Царя Шуйскаго изъ Чудова монастыря въ Іосифскую обитель близь Волоколамска, а супругу его изъ Вознесенскаго въ Суздальскій Покровскій; потомъ вскорѣ отправилъ Василія къ Сигизмунду, который отослалъ его въ Варшаву, какъ заложника будущихъ своихъ успѣховъ. Не возможно описать всѣхъ бѣдствій, нанесенныхъ Москвѣ Жолкевскимъ: святые храмы осквернены и разграблены, сокровища казны Царской, имущество частныхъ лю-

дей, словомъ—все досталось въ руки вѣроломныхъ и алчныхъ Поляковъ; но обладаніе Москвою не доставило еще Польшѣ дѣйствительныхъ преимуществъ и средствъ къ достиженію ихъ цѣли. Враги думали уже, въ ожиданіи Владислава, торжествовать благополучное окончаніе своего намѣренія въ стѣнахъ Кремлевскихъ, но въ другихъ городахъ Россіи готовилась имъ гибель: поборникъ истины Гермогенъ, Троицкій Келарь Палицынъ и многіе, не страшась ни неудачь, ни самой смерти, ревностно возбуждали вѣрныхъ ко спасенію отечества. Самъ Сигизмундъ, отправивъ изъ Смоленска Царя Василія съ братьями, обремененныхъ оковами, въ Польшу, приказавъ содержать въ разныхъ темницахъ подъ стражею, чему спустя нѣсколько времени подверглись и наши Послы, не отпускалъ еще сына своего на Царство; но, не отступая отъ Смоленска, по силѣ послѣдняго договора, повелѣвалъ принуждать народъ Россійскій къ присягѣ себѣ, какъ законному Государю, и въ тѣхъ городахъ, кои покорялись ему, ставилъ своихъ намѣстниковъ. Къ тому же Шведскій Король Карлъ IX, узнавши, что всѣ войска, бывшія въ области Новгородской, пошли къ Москвѣ и хотятъ подать помощь утѣсняемой отъ враговъ Столицѣ, послалъ опять Делагардія съ войскомъ къ Новгороду, подъ видомъ вспоможенія Россіянамъ противъ Поляковъ, на осно-

ваніи прежняго своего договора съ Царемъ Василіемъ, а между тѣмъ приказалъ ему предложить Боярамъ и Воеводамъ въ Новгородѣ одного изъ сыновей своихъ на престолъ Россійскій. Ему также, какъ и Сигизмунду, хотѣлось испытать въ этомъ своего счастія. Делагардій началъ переговоры въ Новгородѣ съ Бояриномъ Княземъ Одоевскимъ, Воеводою Бутурлинымъ и съ Митрополитомъ Исидоромъ; далъ имъ запись и клятвенное обѣщаніе въ томъ, что Король Шведскій согласенъ отпустить одного изъ сыновей своихъ на престолъ Россійскій; что всѣ земли, принадлежащія Новгороду, такъ какъ и другія области, которыя согласятся избрать сына Королевскаго на Царство, не будутъ принадлежать Шведской коронѣ; вѣроисповѣданіе, церкви, монастыри и всѣ имущества, общія и частныя, останутся неприкосновенными; словомъ—всѣ дѣла въ Россіи будутъ въ такомъ видѣ, въ какомъ были по кончинѣ Ѳеодора Іоанновича. Въ продолженіе этихъ переговоровъ Делагардій успѣлъ хитростію войдти въ Новгородъ съ войскомъ и занялъ оный именемъ Короля, такъ точно, какъ Гетманъ Жолкевскій занялъ Москву. Оба они какъ будто условились въ злодѣйскихъ своихъ поступкахъ, и спѣшили одинъ передъ другимъ грабить и разорять все, что ни встрѣчали. Москва отъ Литвы и Поляковъ, а Новгородъ отъ Шведовъ страдали въ одно время.

Корела, Ивангородъ, Орѣшекъ, Ладога были взяты войсками Делагардія; болѣе 70 монастырей и 1500 церквей было разграблены ими въ области Новгородской; всѣ богатыя утвари или отправляемы были въ Швецію, или оставались въ рукахъ алчныхъ грабителей.

Мы сказали, что истинные сыны отечества, сыны Россіи, видя вездѣ обманъ, убійственную хитрость, общее несчастіе и разореніе своего отечества, безпрестанную измѣну, начали помышлять о способахъ прекратить злодѣянія неистовыхъ Поляковъ, а съ ними и Шведовъ. Первый, кто къ сему подалъ поводъ, былъ Воевода Рязанскій, Думный Дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, тотъ самый, который первый же нарушилъ вѣрность къ Царю Василію вскорѣ по восшествіи его на престолъ, и отвратилъ отъ него многіе города, разсѣвая повсюду мятежническія грамоты. Нѣкоторые думаютъ, что пробудившаяся совѣсть и раскаяніе терзали сердце Ляпунова, — и онъ, желая загладить свое преступленіе, первый началъ писать грамоты въ разные города, убѣждая подать помощь страждущей Россіи. Этого не знаемъ, но знаемъ, что по гласу его скоро составились дружины воиновъ, явились начальники:—Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкій и Атаманъ Заруцкій съ Донски-

ми казаками въ Калугѣ, Князь Василій Мосальскій и Измайловъ во Владимірѣ, Просовецкій въ Суздалѣ, Князь Ѳедоръ Волконскій въ Костромѣ, Волынскій въ Ярославлѣ, Князь Ѳедоръ Козловскій въ Романовѣ, и единодушно поклялись идти къ Москвѣ и истребить ненавистныхъ Поляковъ, а между тѣмъ самъ онъ хлопоталъ въ Рязани.

Тогда незабвенные для насъ мужи, Архимандритъ Свято-Троицкаго Сергіева монастыря Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ, услыша, что вѣрные сыны Россіи готовятся на избавленіе отечества, начали посылать отъ себя грамоты во многіе города и къ нѣкоторымъ изъ упомянутыхъ начальниковъ, умоляя ихъ именемъ Бога поспѣшить на спасительный подвигъ и общими силами сокрушить силы враговъ; а между тѣмъ, не смотря на то, что сами находятся въ осадѣ отъ Поляковъ, снабжали Москву своимъ хлѣбомъ, продавая оный за самую умѣренную цѣну, отпускали большія монастырскія суммы на нужды государства и всячески старались облегчать участь жителей несчастной Столицы. Поляки и Русскіе измѣнники скоро узнали въ Москвѣ о собраніи войскъ и ихъ намѣреніи. Предатель отечества Михаилъ Салтыковъ и Польскій Воевода Гасевскій начали принуждать Патріарха Гермогена и вѣрныхъ Бояръ писать къ

Королю Сигизмунду, чтобы онъ, не медля, отпустилъ въ Москву сына своего Владислава, о чемъ также приказывали и нашимъ Посламъ, содержавшимся еще въ Смоленскѣ, чтобъ и они съ своей стороны упросили объ этомъ Короля, а къ Ляпунову и прочимъ Воеводамъ—чтобъ они не приступали къ Москвѣ, но дожидались бы окончанія дѣла, и положась на обѣщанія Сигизмунда, присягнули бы сыну его Владиславу, какъ избранному всѣмъ народомъ Царю Русскому. Многіе согласились; но великій Гермогенъ, не смотря ни на какія принужденія и угрозы Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, мужественно отвергъ и презрѣлъ ихъ повелѣніе. Тогда злодѣи начали съ большою жестокостію нападать на народъ; зажгли многія строенія въ Бѣломъ-городѣ и бросились грабить ряды. Самого Гермогена взяли изъ Патріаршаго двора и отдали подъ стражу въ Чудовъ монастырь.

1611 года Марта 17 дня, въ день Вербнаго Воскресенія враги Россіи, освободивъ Патріарха изъ темницы, требовали, чтобъ онъ совершилъ обыкновенный обрядъ праздника сего, полагая во время онаго истребить собравшіяся по сему случаю толпы народа; но злодѣйское предположеніе ихъ было неудачно: по страху ли, или, можетъ быть, извѣщенные объ этомъ умыслѣ, жители не пришли на совершеніе обряда сего,

но просидѣли дома. Двое сутокъ Поляки изнывали отъ ярости, досадуя на свою неудачу, — и 19-го, разсыпавшись съ оружіемъ по улицамъ, напали на жителей въ домахъ. «Изъ Китая, говоритъ почтенный издатель Русской Исторіи, С. Н. Глинка: убійцы стремились къ Тверскимъ воротамъ, гдѣ встрѣтя сильный отпоръ отъ Стрѣльцовъ, имѣвшихъ тамъ слободы свои, потянулись на Срѣтенскую улицу. Вѣрный, мужественный Воевода Князь Пожарскій, совокупясь съ Пушкарями, встрѣтилъ враговъ, сразился, разогналъ толпы ихъ, вогналъ въ городъ и укрѣпился на Лубянкѣ у прихода Введенія Богородицы; враги поспѣшили на Кулишки. Воевода Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ отбивалъ ихъ отъ Яузскихъ воротъ, но не могъ захватить Кулишекъ и прилежащихъ къ нимъ мѣстъ. Литовцы пошли за Москву-рѣку. Иванъ Колтовскій ополчился съ многочисленной дружиной: всѣ воины рѣшились или побѣдить, или умереть. Враги, отмщая храбрымъ сопротивникамъ, не оружіемъ, но огнемъ зажгли Бѣлый-городъ. Приверженецъ Литовцевъ Михаилъ Салтыковъ первый зажегъ свой домъ. Въ сей убійственный день неистовая злоба враговъ не пощадила ни храмовъ Божіихъ, ни одра немощной старости, ни колыбели грудныхъ младенцевъ! Груды труповъ вѣрныхъ сыновъ отечества, лежавшихъ по улицамъ, превышали ростъ человѣческій. Вмѣстѣ

сражались они, вмѣстѣ пали за вѣру и за градъ родной. Не зная о жребіи Москвы, никто не приспѣлъ на помощь—ни Прокопій Ляпуновъ, ни другіе Воеводы. Бой продолжался цѣлый день; на утренней зарѣ пришелъ отъ Ляпунова отрядъ, предводимый Плещеевымъ. Въ тоже время и Литовцы подкрѣпились войсками, поспѣшившими изъ Можайска съ Полковникомъ Струсомъ. Плещеевъ былъ отраженъ; оробѣвшіе воины, брося щиты, спасались бѣгствомъ. Въ сію несчастную битву съ Литовцами, въ стѣнахъ Московскихъ ни одинъ изъ Русскихъ отрядовъ не зналъ: кто главный начальникъ, куда идти, гдѣ должно соединиться. Всѣ сражались отдѣльно; отъ неизвѣстности и недоумѣнія нигдѣ не могли дѣйствовать совокупно. Многочисленная Литовская конница, выѣхавъ изъ города, распространила пожаръ въ различныхъ мѣстахъ. Пламя быстро разлилось отъ Чертольскихъ, или Пречистенскихъ воротъ, до воротъ Тверскихъ. Вскорѣ запылало и Замоскворѣчье; дружины воиновъ и жители разсѣялись. Среди общаго смятенія, подъ густымъ дымомъ, несшимся отъ пожара, Пожарскій сражался неутомимо; цѣлый день отстаивалъ онъ отъ зажигательства Срѣтенскую часть. Наконецъ, изнемогши отъ множества ранъ, въ безпамятствѣ упалъ. Ревностные воины подхватили его и повезли въ Троицкую оби-

тель. Вслѣдъ за героемъ бѣжали жители Московскіе, надѣясь, что онъ будетъ мстителемъ за пострадавшую Москву. Сильная стужа, внезапно наступившая, удержала Литовцевъ въ стѣнахъ Москвы. Кремль, Китай и Бѣлый-городъ обагрились кровію несчастныхъ жертвъ, неуспѣвшихъ укрыться отъ ненасытной злобы враговъ. Кровь страдальцевъ смѣшалась съ пожарнымъ пепломъ. Весь Бѣлый-городъ выгорѣлъ; всѣ деревянныя укрѣпленія обратились въ прахъ; уцѣлѣли только слободы за Яузою. Враги начали укрѣпляться въ стѣнахъ осиротѣвшей и дымящейся Москвы. Они тогда прекратили убійства, когда не кого было истреблять. Послѣдніе остатки Московскихъ дружинъ заперлись въ оградѣ Симоновской обители, ожидая помощи отъ Бога и иногородныхъ братій! Съ приходомъ подъ Москву иногороднаго ополченія, послѣдовали новыя бѣдствія. Вожди дружинъ, возмутясь завистію и несогласіемъ, спорили о первенствѣ, забывъ, что первенство защитниковъ отечества заключается въ усердіи и въ пожертвованіи личностію своею. Послѣ долговременныхъ преній избраны были три главные начальника: Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, Прокофій Ляпуновъ и Иванъ Заруцкій. Съ сего времени начались ежедневныя сшибки съ Литовцами.

Пришедъ къ Москвѣ, Трубецкой сразился съ Поляками, одержалъ надъ ними побѣду, занялъ Бѣлый-городъ, а оставшихся непріятелей осадилъ въ Китаѣ-городѣ. Гетманъ Сапега принужденъ былъ отступить съ своими войсками къ Переславлю-Залѣсскому. Новыя войска, пришедшія изъ Казани и Низовыхъ городовъ, наносили Полякамъ великій уронъ и тѣснили осажденныхъ. Поляки думали нанести ударъ отечеству нашему уничтоженіемъ власти Гермогена, заключивъ снова его въ Чудовъ монастырь и поставивъ уже на мѣсто его единомысленника своего, любимца Лжедимитрія, Игнатія; но и это осталось безъ успѣха: враги совершенно стѣснены были въ стѣнахъ Кремлевскихъ, и Россія, кажется, была уже въ силахъ сокрушить гордость ихъ; но вражда вождей, защитниковъ земли Русской, особенно же своевольство и распутство казаковъ, прекратили всѣ успѣхи противъ непріятеля. Заруцкій измѣнилъ. Казаки его грабили города и селенія, чрезъ которые проходили, и одни обогащались, между тѣмъ какъ прочія войска терпѣли нужду и недостатокъ. Ляпуновъ несносною гордостью навлекъ на себя негодованіе всего войска, а строгими поступками съ безпокойными казаками вооружилъ ихъ еще болѣе противъ себя. Они сочинили подложную грамоту, будто отъ Ляпунова, въ которой было сказано, что Ляпуновъ предписываетъ

побивать во всѣхъ мѣстахъ казаковъ за ихъ наглости, потомъ потребовали его къ себѣ, и облича во всѣхъ явныхъ и скрытныхъ противъ нихъ неудовольствіяхъ, убили по приказанію своихъ начальниковъ, и все имущество его разграбили. Видя это, прочіе начальники дружинъ, изъ опасенія наглости казаковъ, отступили отъ Москвы, оставивъ одного Князя Трубецкаго. Поляки, вскорѣ послѣ этого, получили значительную помощь отъ Гетмана Сапеги, который, разоривъ и разграбивъ Переяславль и другіе города, пришелъ въ Москву и принесъ непріятелямъ большое количество всякихъ запасовъ. Черкесы бунтовали въ Калужской губерніи. Гетманъ Хоткевичь пришелъ изъ Польши съ новыми войсками подкрѣпить Поляковъ, стѣсненныхъ въ Кремлѣ. Такимъ образомъ усиленные Поляки овладѣли частію Бѣлаго-города, и осадили войско Кн. Трубецкаго. Осада эта была тѣмъ ощутительнѣе, что войско Трубецкаго не имѣло съѣстныхъ припасовъ и чувствовало большую нужду въ свинцѣ и порохѣ. Уже не оставалось никакой надежды къ спасенію отечества: всѣ предположенія ума человѣческаго были безполезны. Весь народъ Русскій былъ или обезоруженъ, утомленъ голодомъ, или оцѣпенѣлъ отъ страха. Еще одна минута,— и Россія погибла бы.

Россіяне прибѣгнули къ Господу силъ: учредили всеобщій тридневный постъ,—и десница Всевышняго спасла Россію. Свято-Троицкая Сергіева Лавра прислала Трубецкому великое множество военныхъ снарядовъ и запасовъ. Архимандритъ ея Діонисій и Келарь Аврамій, по общему совѣту всего духовнаго собора, Бояръ и Дворянъ, находившихся въ монастырѣ для безопасности отъ непріятелей, послали опять грамоты въ разные города и, представляя конечную гибель Россіи, умоляли поспѣшить на избавленіе отечества отъ враговъ иноплеменныхъ. Эти грамоты подвигнули на защиту отечества многіе города. Сильнѣе всѣхъ подѣйствовали на сердца гражданъ Нижняго-Новгорода, гдѣ, по свидѣтельству Аврамія Палицына, *крѣцѣ яшася за св. писаніе.* Здѣсь показалась тихая заря спасенія, здѣсь явился безсмертный Козьма Мининъ, воспламенившій сердца согражданъ любовію къ отечеству, принесшій въ жертву ему все свое достояніе и симъ несравненнымъ подвигомъ снискавшій себѣ неувядаемый вѣнецъ благодарности позднѣйшаго потомства и титло спасителя отечества. Сей безсмертный мужъ былъ въ военной службѣ, гдѣ получилъ въ руку рану, доставившую ему прозваніе Сухорукаго. Уволенный отъ службы, онъ возвратился на родину и производилъ мясной торгъ, которымъ занимался и до службы, —

и за справедливость пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Кто можетъ повѣрить, чтобы сей простой гражданинъ, глубоко тронутый всѣми бѣдствіями Россіи, могъ такъ взывать къ своимъ гражданамъ. «Но други! вѣщалъ онъ: вѣдаете вы, что отечество гибнетъ; злодѣи наши торжествуютъ, сыны Россіи страждутъ. Царя мы болѣе не имѣемъ: онъ сверженъ съ престола и томится въ оковахъ на землѣ чуждой; клятвопреступный Сигизмундъ, врагъ нашъ, предлагаетъ сына своего на Царство; уже престольнымъ градомъ обладаютъ Поляки; великій Новгородъ въ рукахъ Шведовъ; святыня поругана; Первосвятитель Церкви нашея умученъ гладомъ; своевольство вѣроломныхъ Бояръ и наглость непріятелей выходятъ изъ предѣловъ!.... И мы будемъ взирать на сіе равнодушно?.... И мы переживемъ злоключенія отечества, не отмстивъ за стонъ и слезы, за поруганіе и кровь своихъ собратій? Нѣтъ! не попустимъ болѣе кичливымъ врагамъ превозноситься гнусными дѣяніями. Время намъ расторгнуть узы ихъ и свергнуть несносное иго!.... Поспѣшимъ, о други! поспѣшимъ на избавленіе царствующаго града, соединимся всѣ въ ратное ополченіе, изберемъ искуснаго вождя и будемъ молить всеблагое Провидѣніе о низпосланіи успѣха предпріятію

нашему! И если должно будетъ оказать пособіе ратнымъ, снабдить ихъ оружіемъ и доставить продовольствіе, словомъ—если для сихъ потребностей и другихъ нуждъ военныхъ должно будетъ пожертвовать всякому частію своего имущества, не пощадимъ ничего, все принесемъ отечеству: продадимъ домы свои, заложимъ женъ и дѣтей, только бы спасти погибающее отечество, и отмстить лютымъ врагамъ за пролитую кровь нашихъ родныхъ, друзей, ближнихъ, согражданъ».

Голосъ его скоро отозвался и пробудилъ чувство героизма въ жителяхъ Нижегородскихъ: мирные поселяне становятся въ строи воинскіе, старцы благословляютъ юношей, супруги супруговъ и дѣтей; обладающіе богатствомъ несутъ избытки; жены и дѣвы лишаютъ себя украшеній и отдаютъ драгоцѣнные перлы и камни на нужды военныя. Между тѣмъ召 Мининъ, чувствуя всю важность наступающаго подвига, затрудняется въ выборѣ военачальника. И нельзя было не затрудниться при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Въ это время не достаточно было, для вѣрнѣйшаго успѣха, чтобы вождь былъ искусный въ браняхъ, но чтобы онъ былъ и испытаннаго мужества, испытанной силы воли, испытанной вѣрности и честности. Вѣрнѣйшій успѣхъ торжества Россіи надъ врагами не задолго

предъ этимъ, проигранный отъ несогласія вождей, не могъ быть упущенъ изъ виду дальновиднымъ Мининымъ. Долго размышлялъ онъ объ этомъ, пока не вспомнилъ о Стольникѣ Князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Онъ зналъ, что Пожарскій оказалъ большія услуги отечеству въ царствованіе Шуйскаго, разбивъ близъ Коломны предводителя Поляковъ и нашихъ мятежниковъ Хмѣлевскаго, гдѣ взялъ непріятельскій обозъ и множество запасовъ, чего прежде не могли сдѣлать нѣсколько Воеводъ. Онъ слышалъ, что, когда измѣнникъ Прокопій Ляпуновъ писалъ къ Пожарскому въ Зарайскъ, гдѣ онъ находился со ввѣреннымъ ему войскомъ, чтобъ онъ отложился отъ Царя Василія и согласился съ нимъ дѣйствовать противъ него, тогда Пожарскій отвергнулъ это предложеніе и послалъ письмо Ляпунова къ Шуйскому. Когда многіе города присягнули вору Тушинскому, и когда жители Зарайска убѣждали Пожарскаго къ подобной присягѣ, тогда онъ, держась въ крѣпости съ малымъ числомъ войска, рѣшился лучше умереть, нежели измѣнить Царю своему. Мининъ зналъ, что Пожарскій не дремалъ и послѣ сведенія Шуйскаго съ престола. Имѣя въ виду одно благо отечества, поражалъ враговъ и мятежниковъ, гдѣ они ему ни попадались. Когда Черкесы осадили въ Пронскѣ Прокопія Ляпунова, тогда Пожарскій поспѣшилъ къ нему

на помощь изъ Зарайска. Черкесы, услыша объ этомъ, вскорѣ отступили отъ Пронска и пошли къ Михайлову, откуда, подступивъ къ Зарайску, взяли ночью острогъ (крѣпость); но Пожарскій, вышедъ съ небольшимъ числомъ войска изъ крѣпости, разбилъ ихъ и принудилъ оставить острогъ, и наконецъ — бѣжать въ Украйну. Мининъ, наконецъ, зналъ, что когда Салтыковъ съ Поляками началъ дѣлать притѣсненія въ Москвѣ, жечь дома, грабить и бить жителей, тогда Князь Пожарскій, вмѣстѣ съ другими Воеводами, стоявшими тогда подъ Москвою, отчаянно сражался съ мятежниками на улицахъ Московскихъ, и прогналъ ихъ въ Кремль. Пожарскій столь храбро защищалъ свое укрѣпленіе у Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ нынѣ церковь Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, что подобное сраженіе рѣдко можно видѣть въ исторіи народовъ. Но, занявшись такимъ важнымъ дѣломъ, которое требовало ума необъятнаго, онъ, можетъ быть, съ умомъ обыкновеннымъ, не могъ скоро напасть на Пожарскаго. Пожарскій въ это время, когда воззванія Троицкой обители такъ благотворно подѣйствовали на великаго Минина, жилъ въ своемъ имѣніи, находившемся во 120 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, въ уѣздѣ Балахнинскомъ, — и Мининъ полетѣлъ къ Пожарскому; здѣсь нашелъ онъ героя, лежащаго на одрѣ болѣзни и врачующаго раны, полученныя въ

битвахъ съ непріятелями; здѣсь Мининъ представляетъ ему несчастное положеніе отечества, ожесточеніе враговъ, слабость нашихъ войскъ, стоящихъ подъ Москвою, которой они не могутъ подать никакой помощи, и умоляетъ его именемъ всей земли Русской принять начальство надъ воинствомъ, собравшимся въ Нижнемъ-Новгородѣ. Пожарскій, не смотря на жестокую болѣзнь свою, изъ пламенной любви къ отечеству, забываетъ скорбь свою и раны, и съ клятвою даетъ обѣщаніе идти на избавленіе отечества. Вскорѣ послѣ отъѣзда Минина, и всѣ Нижегородцы посылаютъ къ Пожарскому Печерскаго Архимандрита Ѳеодосія и Выборныхъ своихъ съ тою же просьбою. Посланные, не зная о свиданіи Минина, умоляютъ также Пожарскаго, какъ умолялъ и Мининъ, вступиться за честь и славу Россіи. Тогда Пожарскій, съ радостію принявъ ихъ предложеніе, совѣтуетъ имъ избрать вѣрнаго человѣка, для сбора и сохраненія военной казны. Посланные, не могши по привычкѣ видѣть на подобныхъ мѣстахъ, какъ и мы, людей, не имѣющихъ титла, и не подозрѣвая еще, можетъ быть, въ Мининѣ человѣка государственнаго, отвѣчали, что у нихъ въ городѣ нельзя найдти такого человѣка. Тогда Пожарскій самъ указалъ имъ на Козьму Минича,*—

---

* Такъ называли Нижегородцы Козьму Минина.

и они согласились отдать собранное достояніе. Такимъ образомъ Мининъ, по тайному гласу сердца своего, избралъ Пожарскаго военачальникомъ, а Пожарскій убѣдилъ Нижегородцевъ ввѣрить Минину всѣ пособія, принесенныя ими въ пользу ратныхъ, и ежели Нижегородцы по собственному же движенію просили Пожарскаго быть начальникомъ воинства, не зная о просьбѣ Минина, то тѣмъ болѣе чести сему послѣднему, умѣвшему выбрать изъ многихъ вождей единаго—Пожарскаго. Словомъ—общее согласіе народа никогда столь удачно не избирало Полководца, и едва ли какой Полководецъ могъ бы столь же удачно совершить великій подвигъ спасенія отечества, какъ совершилъ это незабвенный мужъ Пожарскій.

Обрадованное посольство возвратилось въ Нижній-Новгородъ и объявило о согласіи Князя Пожарскаго быть начальникомъ собравшагося воинства. Не видя еще ничего счастливаго въ будущемъ, Нижегородцы пришли въ восторгъ отъ радости, которая выражалась на лицахъ Пословъ; начали просить Минина — принять на сохраненіе казну военную. Мининъ согласился, но только съ условіемъ, если они дадутъ письменное обѣщаніе въ томъ, что они будутъ во всемъ ему послушны и не откажутся доставлять всѣ

возможныя пособія ратнымъ людямъ, — и если въ самомъ дѣлѣ будетъ нужно, при крайности, продать женъ и дѣтей своихъ, то и тогда не изъявятъ никакого неудовольствія и не будутъ отговариваться. Жертва не маловажная! но обѣщаніе было подписано руками многихъ гражданъ. Тогда Мининъ послалъ это обѣщаніе къ Пожарскому для того, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь несогласія, они не взяли онаго отъ него обратно. Между тѣмъ изъ Арзамаса пришли въ Нижній-Новгородъ посланные отъ Смоленскихъ жителей, находившихся, по причинѣ утѣсненія отъ Поляковъ, въ области Нижегородской, и объявили имъ желаніе свое соединиться съ войсками Пожарскаго. Нижегородцы отправили ихъ къ Пожарскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказывали имъ просить Князя, чтобъ онъ поспѣшилъ прибытіемъ своимъ въ Нижній-Новгородъ, объявивъ, что уже все готово. Пожарскій, отпустя напередъ посланныхъ, немедленно и самъ отправился вслѣдъ за ними. На дорогѣ присоединились къ нему жители Дорогобужа и Вязьмы, и вмѣстѣ съ нимъ пришли въ Нижній-Новгородъ, куда въ тоже время пришли и Смоленцы. Если Нижегородцы, при одной вѣсти объ изъявленіи Княземъ Пожарскимъ желанія принять предлагаемый ими постъ Фельдмаршала дружины ихъ рады были до безконечности; то какая же была радость ихъ, когда герой, въ воин-

скихъ доспѣхахъ предсталъ ихъ взорамъ? Князь Пожарскій и вновь присоединившіеся воины встрѣчены съ невыразимымъ восторгомъ. Воинамъ начали выдавать жалованье; но Пожарскій не выступалъ еще въ походъ; онъ писалъ граматы въ разные города, прося помощи и убѣждая вѣрныхъ сыновъ отечества принять участіе въ общеполезномъ дѣлѣ. Слухъ о славномъ предпріятіи Нижегородцевъ скоро разнесся по разнымъ мѣстамъ Россіи. Начали присылать къ нимъ отвсюду денежныя пособія. Изъ Рязани, Коломны и нѣкоторыхъ Украинскихъ городовъ пришли воины, которымъ приказано также было выдавать жалованье.

Въ это время, когда въ Нижнемъ-Новгородѣ такъ ревностно ополчались противъ враговъ, пришли посланные изъ Ярославля съ извѣстіемъ, что Заруцкій прислалъ въ ихъ городъ множество казаковъ, и вмѣстѣ съ Просовецкимъ хотятъ захватить его, чтобы предупредить соединеніе войскъ Нижегородскихъ съ Ярославскими. Взоры дружины устремлены были на самаго Пожарскаго Дмитрія Михайловича; но ему еще не пришло время начать свои дѣйствія; Дмитрій Михайловичъ послалъ брата своего Князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго, который разрушилъ намѣреніе Заруцкаго и, захвативъ многихъ казаковъ,

заключилъ ихъ въ темницы. Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не смѣлъ уже идти къ Ярославлю, но направился къ Суздалю. Пожарскій и Мининъ оставались еще въ Нижнемъ-Новгородѣ и ожидали подкрѣпленія изъ другихъ городовъ; но когда увидѣли, что новые воины перестали появляться, тогда выступили въ походъ. На пути вездѣ съ радостію встрѣчали Пожарскаго и Минина; казна военная не истощалась, но безпрестанно получала новыя приращенія; защитники отечества весело шли подъ знаменемъ Пожарскаго. Уже воинство приближалось къ Костромѣ, когда явились къ Пожарскому посланные изъ Владиміра отъ Окольничаго Измайлова, который увѣдомлялъ, что въ Псковѣ показался новый самозванецъ. Въ одно время съ этимъ извѣстіемъ такое же получено изъ Москвы отъ Кн. Трубецкаго и Заруцкаго, съ тѣмъ только различіемъ, что Измайловъ говорилъ, что самозванецъ этотъ пойманъ уже и отправленъ въ Москву, а Трубецкой и Заруцкій писали, что по невѣдѣнію присягнули Псковскому самозванцу; но узнавши напослѣдокъ свое заблужденіе, вновь поклялись въ вѣрности Россійскому государству, и желаютъ общими силами содѣйствовать избавленію Москвы, куда воинство Пожарскаго можетъ теперь идти безъ всякаго опасенія. Пожарскій и Мининъ отвѣчали начальникамъ войскъ, стоявшимъ подъ Москвою, что

они готовы единодушно стараться съ войсками объ избавленіи престольнаго города и поспѣшаютъ подать имъ помощь.

Намѣреніе Заруцкаго не дать дружинѣ Нижегородской соединиться съ дружиною Ярославскою разрушено Лопатою-Пожарскимъ; но злодѣйскій умыселъ его вновь явился въ Костромѣ. Костромскій Воевода Иванъ Шереметевъ и нѣкоторые изъ гражданъ согласились не пускать въ городъ воинства Пожарскаго; но онъ, не смотря на мятежъ, рѣшился идти къ Костромѣ, и прибывши туда, занялъ близъ-лежавшій посадъ. Жители Костромы раздѣлены были въ это время на двѣ парти: одни вмѣстѣ съ Воеводою не хотѣли принять въ городъ войска Пожарскаго, а другіе охотно желали съ нимъ соединиться и оказать пособіе ратникамъ. Когда Пожарскій явился въ Костромѣ, тогда послѣдняя партія превозмогла первую; многіе изъ гражданъ, укоряя Шереметева въ недоброжелательствѣ Пожарскому, не хотѣли болѣе ему повиноваться и отказали ему въ воеводствѣ, причемъ едва не лишили его жизни; но великодушный Пожарскій, зная, что не время толковать о личностяхъ, когда дѣло идетъ объ общемъ благѣ, защитилъ его отъ свирѣпости народа и, по просьбѣ Костромскихъ жителей, далъ имъ Воеводу Князя Романа Гагарина.

Когда такъ распоряжалъ Пожарскій въ Костромѣ, тогда пришли въ Кострому посланные изъ Суздаля, и просили Пожарскаго, чтобы и къ нимъ также отпустилъ Воеводу съ частію войска для защиты города отъ покушеній Просовецкаго. Пожарскій назначилъ туда Воеводою брата своего, Князя Романа Петровича Пожарскаго, съ которымъ отрядилъ нѣсколько стрѣльцовъ. По прибытіи въ Суздаль брата Пожарскаго, казаки Просовецкаго убѣжали къ Москвѣ. Вскорѣ послѣ сего Пожарскій выступилъ съ воинствомъ изъ Костромы къ Ярославлю: жители Костромскіе оказали большое пособіе защитникамъ отечества; тоже сдѣлано и въ Ярославлѣ. Здѣсь узналъ Пожарскій о всѣхъ безпорядкахъ войскъ, которыя стояли подъ Москвою, о всѣхъ гнусныхъ поступкахъ Заруцкаго и разбояхъ его казаковъ, скитавшихся по разнымъ городамъ, гдѣ они поступали какъ въ землѣ непріятельской, и началъ остерегаться. Особенно участь Ляпунова, желавшаго удержать казаковъ строгостью отъ наглостей и неповиновенія, заставляла Поражскаго прибѣгнуть къ этому. Онъ видѣлъ усердіе и ревностное стремленіе воиновъ своихъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ сразиться съ врагами, но опасался тѣхъ, которые, испытавъ силы свои въ сраженіяхъ съ непріятелями и будучи побѣждены не столько превосходствомъ ихъ, сколько несогласіями и собственною оплош-

ностью, рѣшились отказаться отъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ, — и, скрывая тайную зависть и злобу, смотрѣли на усилія Пожарскаго и Минина.

Между тѣмъ какъ Князь Пожарскій, усиливая полки свои толпами ратниковъ, стекавшихся отвсюду подъ стягъ извѣстнаго уже своею доблестію Воеводы, и поражая на пути своемъ непріятелей, двигался понемногу къ столицѣ, враги опять напали на Гермогена. Зная по опыту, какъ дѣйствительно вліяніе Первосвятителя Русскаго на Русскій народъ, они принуждали заключеннаго Патріарха остановить дѣйствія Пожарскаго; но достойный пастырь рѣшительно отказался исполнить ихъ волю. Тогда Поляки уморили его голодомъ. Страдалецъ скончался 17 Февраля 1612 года. Оставаясь въ Ярославлѣ, Пожарскій еще не дѣйствовалъ рѣшительно; но писалъ въ разные города граматы, въ которыхъ описывалъ безпорядки войскъ, подъ Москвою находившихся, измѣннические поступки Заруцкаго, и просилъ вѣрныхъ сыновъ Россіи подать скорую помощь отечеству и быть непоколебимыми, не смотря ни на какіе соблазны и искушенія. Въ числѣ такихъ граматъ были посланы граматы и въ Новгородъ къ Митрополиту Исидору и Боярину Князю Одоевскому, чтобы жители были въ единодушіи съ прочими областями Россій-

скими, а къ Делагардію — если Король Шведскій хочетъ отпустить сына своего на Царство, и Королевичъ соглашается принять Греко-Россійскую вѣру, то Пожарскій и войско въ этомъ согласны съ ними, но съ тѣмъ, чтобы Шведы не начинали съ своей стороны враждебныхъ дѣйствій въ то время, когда войска Нижегородскія начнутъ дѣйствовать противъ Поляковъ.

Едва только Пожарскій вступилъ въ Ярославль, Князь Трубецкой писалъ къ Архимандриту и Келарю Троицкаго монастыря, чтобъ они просили Пожарскаго поспѣшить къ Москвѣ, потому-что Гетманъ Хоткевичъ опять приближается съ войскомъ; но мудрый вождь лучше Трубецкаго зналъ, когда можно спасти Москву. По просьбѣ Трубецкаго, немедленно было отправлено изъ Троицкаго монастыря къ Пожарскому извѣстіе Трубецкаго, и Діонисій и Аврамій просили его скорѣе идти къ Москвѣ и соединиться съ войсками, тамъ находившимися; но Пожарскій, сомнѣваясь еще въ преданности означенныхъ, дожидался средствъ надежнѣйшихъ, высылалъ разные отряды войскъ противъ казаковъ Заруцкаго, въ Пошехоньѣ, Угличѣ и Переславлѣ-Залѣсскомъ находившихся, которые во многихъ мѣстахъ одерживали побѣды надъ казаками, а самъ все еще медлилъ. Страшный злодѣйскій умыселъ противъ него невольно уже

заставлялъ его оставаться въ Ярославлѣ. Злодѣй Заруцкій, питая къ нему скрытную злобу и ненависть, рѣшился на гнусный поступокъ и послалъ въ Ярославль двухъ казаковъ, которымъ приказалъ умертвить Пожарскаго. Пришедши въ Ярославль, они долго искали удобнаго случая совершить злодѣйство, пока наконецъ неожиданно оный не представился. Пожарскій, посовѣтовавшись съ другими начальниками дружинъ о наступающемъ походѣ, вышелъ осмотрѣть артиллерію, назначенную къ Москвѣ; сопутствующіе ему начальники и войны окружали его со всѣхъ сторонъ. Осмотрѣвши орудія, Пожарскій возвращался домой; въ самыхъ дверяхъ дома, когда одинъ изъ его тѣлохранителей, видя тѣсноту народа, хотѣлъ распространить для него дорогу, и видя его слабость отъ ранъ, взялъ его подъ руку, тогда одинъ изъ казаковъ Заруцкаго бросился между Пожарскимъ и тѣмъ тѣлохранителемъ, который велъ Пожарскаго подъ руку, растолкнулъ ихъ въ разныя стороны и изо всѣхъ силъ ударилъ ножемъ. Къ счастію, ножъ не попалъ въ грудь Пожарскаго, а въ ногу его тѣлохранителя, который упалъ на землю и застоналъ отъ раны. Пожарскій, не подозрѣвая противъ себя такого злодѣйскаго умысла, думалъ, что по тѣснотѣ неосторожно поранилъ кто-нибудь несчастнаго; но тѣ изъ воиновъ, которые видѣ-

ли неизбѣжную смерть, предстоявшую ихъ Полководцу, кричали: тебя, Князь, тебя хотѣлъ умертвить злодѣй! Въ минуту нашли ножъ окровавленный и схватили казака Заруцкаго; онъ во всемъ признался и объявилъ о другихъ своихъ товарищахъ, которыхъ всѣхъ также отыскали и разослали въ разные города по темницамъ, а нѣкоторыхъ отправили въ Москву для обличенія злодѣйства Заруцкаго и въ укоризну всему воинству, въ которомъ нашлись изверги, дерзнувшіе покуситься на жизнь Пожарскаго тогда, когда она такъ дорогà, такъ нужна была для отечества. Великодушный Пожарскій не приказалъ ни одного изъ этихъ злодѣевъ лишать жизни.

Между тѣмъ Князь Трубецкой опять писалъ въ Троицкій монастырь къ Архимандриту и Келарю, чтобъ они, какъ можно, постарались убѣдить Пожарскаго скорѣе идти къ Москвѣ. Тогда Аврамій самъ отправился въ Ярославль, умолялъ Пожáрскаго и Минина, именемъ Бога и отечества, выступить немедленно въ походъ, не взирая на всѣ распри Воеводъ и безпорядки войска, стоявшаго подъ Москвою, — и слова старца подѣйствовали на вождей и на предводимыхъ: всѣ начали готовиться въ походъ. Прежде себя отправилъ Пожарскій къ Москвѣ Воеводъ Дмитріева и Левашева съ многочисленнымъ воинствомъ, которымъ, по прибытіи въ Москву, велѣлъ сдѣлать укрѣпленіе

у Петровскихъ воротъ и тутъ дожидаться, а не ходить въ станъ Трубецкаго; за этимъ войскомъ онъ послалъ другой отрядъ, подъ предводительствомъ брата своего, Князя Дмитрія Петровича Пожарскаго, и Дьяка Самсонова, которымъ приказано было стать у Тверскихъ воротъ. Злодѣй Заруцкій, услыша о приходѣ брата Пожарскаго въ Москву, подсылалъ тайно своихъ козаковъ убить его; но всѣ его покушенія остались тщетны.

Отправивъ Дмитріева, Левашева, Самсонова и брата своего Дмитрія Петровича Пожарскаго, Князь Пожарскій и самъ выступилъ изъ Ярославля съ остальнымъ войскомъ, принявъ предварительно благословеніе отъ Кирилла, Митрополита Ростовскаго. Но отошедши нѣсколько, онъ поручилъ, вмѣсто себя, начальство надъ войскомъ Князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьмѣ Минину, а самъ съ небольшимъ отрядомъ отправился въ Суздаль. Здѣсь въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, герой, преклонивъ колѣна передъ гробами родителей своихъ, молилъ Бога, да укрѣпитъ руку его на враговъ и осѣнитъ его своимъ святымъ покровомъ въ день брани. Отправясь изъ Суздаля, онъ нашелъ войска свои въ Ростовѣ, откуда вскорѣ пришли они къ Троицкому монастырю. Здѣсь въ войскѣ произошло маленькое несогласіе:

одни охотно желали идти къ Москвѣ, а другіе отговаривались тѣмъ, что Пожарскаго приглашаютъ туда съ умысломъ, и что казаки, вѣроятно, хотятъ убить его такъ же, какъ и Ляпунова. Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій увѣщаніями своими прекратили ропотъ,—и воинство, положивъ упованіе на Бога, готово было выступить изъ Троицкаго монастыря; но Пожарскій, опасаясь не за свою жизнь, которою онъ уже жертвовалъ нѣсколько разъ для блага отечества, но за участь цѣлаго государства, которая зависѣла тогда отъ его жизни, для большей безопасности, отправилъ впередъ еще отрядъ войска съ Княземъ Туренинымъ, приказавъ Князю, для отраженія Хоткевича, занять Пречистенскія ворота. Отслуживъ молебенъ Преподобному Сергію и получивъ благословеніе Діонисія, осѣнившаго его и его остальное войско знаменіемъ креста и окропившаго святою водою съ горы Волкуши, находящейся близъ монастыря, двинулся и Пожарскій за отрядомъ Туренина, взявъ съ собою Аврамія Палицына. Намъ не дано знать, что чувствовалъ въ это время, душа и жизнь воинства, единая надежда всего отечества, несравненный герой Пожарскій; мы не знаемъ, что думалъ мирный гражданинъ Нижегородскій Мининъ, шедшій тогда въ ряду воиновъ, и видѣвшій, что желанія его исполнились, видѣвшій плоды своихъ заботъ и попе-

ченій, видѣвшій тысячи войска, по его гласу принявшаго оружіе и стремившагося на защиту отечества; но Преподобный Сергій, укрѣпившій при жизни своей благовѣрнаго Князя Димитрія противъ нечестиваго Мамая, приникъ съ высоты небесной, явилъ помощь свою и крѣпкую защиту въ день лютой брани.

19 Августа 1612 года Князь Пожарскій пришелъ съ войскомъ своимъ къ Москвѣ и сталъ у рѣки Яузы. Кн. Трубецкой немедленно послалъ къ нему съ приглашеніемъ въ свой станъ; но все войско его отказалось отъ этого приглашенія и рѣшилось остаться на прежнемъ мѣстѣ. На другой день Пожарскій расположился у Арбатскихъ воротъ, приказалъ сдѣлать укрѣпленіе и вокругъ окопаться рвомъ. Заруцкій еще до прибытія Пожарскаго въ Москву убѣжалъ ночью въ Коломну, откуда, взявши Маринку, въ угодность и для достиженія цѣли которой онъ и дѣйствовалъ противъ Россіи, и сыня ея, котораго онъ называлъ Царевичемъ, отправился въ городъ Михайловъ. По дорогѣ, гдѣ только возможно было, онъ дѣлалъ всякія притѣсненія и грабилъ жителей; но Пожарскій не преслѣдовалъ его, какъ не могшаго уже вредить великому дѣлу спасенія отечества, но предпочелъ сосредоточить силы свои въ Москвѣ, разославъ небольшіе отряды по разнымъ дорогамъ для

развѣдыванія о войскахъ Гетмана Хоткевича. 22, 23 и 24-го Августа того же года были сильныя битвы, слѣдствіемъ которыхъ было освобожденіе Москвы и цѣлость государства. Почтенный С. Н. Глинка описываетъ эти битвы слѣдующимъ образомъ:

«Отправленная стража для развѣдыванія о непріятелѣ, извѣстила Пожарскаго, что Хоткевичъ спѣшитъ къ Москвѣ. Войско его устроилось; враги остановились на Поклонной горѣ, 22-го Августа Хоткевичъ переправился черезъ Москву-рѣку у Дѣвичьяго монастыря и устремился къ Пречистенскимъ воротамъ. Пожарскій пошелъ ему навстрѣчу. Трубецкой, стоявшій за рѣкою у Крымскаго двора (нынѣ Крымскій бродъ), просилъ у Пожарскаго нѣсколько сотенъ для пораженія враговъ въ тылъ. Не предполагая никакого обмана, Пожарскій отрядилъ отборныя пять сотенъ. Конница сражалась съ Гетманомъ съ перваго до осьмаго часу. По непріязни къ Пожарскому Трубецкой не помогалъ ему, а казаки, завидуя вновь пришедшимъ воинамъ, говорили: *они богаты, пусть сами отстаиваются.* Хоткевичъ направилъ всѣми силами; конница изнемогала. Пожарскій спѣшился, всѣ послѣдовали его примѣру. Начался новый бой; сопротивники почти схватывались руками: столь они сблизились! Между тѣмъ начальники пяти сотенъ,

отправленныхъ къ Трубецкому, видя его бездѣйствіе, презрѣли угрозы и поспѣшили на помощь полкамъ Пожарскаго. Воспылавъ рвеніемъ къ вѣрѣ и любовію къ отечеству, казацкіе Атаманы: Филатъ Межековъ, Аѳанасій Коломнинъ, Дружина Романовъ и Марко Козловъ воскликнули: *Князь Трубецкой! ненависть твоя къ Пожарскому губитъ Москву и войско. Мы идемъ на помощь братьямъ нашимъ!* Сказали и устремились въ путь славы. Подкрѣпясь помощію казацкихъ Атамановъ, Пожарскій отразилъ Хоткевича. Поляки опять отступили къ Поклонной горѣ, а на другой день, т. е. 23-го Августа, перешли къ Донской обители. Гетманъ двинулся со всѣмъ обозомъ. Князь Трубецкой сталъ въ Лужникахъ, Пожарскій расположился на берегу у Иліи Обыденнаго. Пришедшихъ Воеводъ изъ Ярославля отрядилъ онъ туда, гдѣ былъ сперва деревянный городъ; многія сотни высланы были противъ Гетмана. Бой продолжался съ утра до 6 часу вечера. Хоткевичъ наступалъ всѣми силами; при семъ отважномъ нападеніи и полкъ Пожарскаго едва могъ устоять. Трубецкой и казаки видѣли погибель братій и удалились въ станъ свой. Раздраженное самолюбіе и зависть заглушили въ сердцахъ ихъ любовь къ отечеству. Хоткевичъ сталъ у храма Екатерины Мученицы, за Москвою-

рѣкою и занялъ укрѣпленіе у церкви Климента, Папы Римскаго. Дружины Пожарскаго, изнемогшія отъ сильнаго и продолжительнаго бою, со слезами вопіяли: «мы не защитимъ престольнаго града; Богъ оставилъ «насъ!» Пожарскій призываетъ Аврамія Палицына вмѣстѣ съ другими духовными, совершавшими молебствіе у Иліи Обыденнаго. Палицынъ спѣшитъ къ полкамъ Пожарскаго, видитъ общее уныніе, слышитъ рыданіе и вопли утомленныхъ воиновъ: «мы не устоимъ безъ казаковъ!» Забывъ старость свою, презирая опасность, помня только Бога и отечество, Палицынъ стремится къ казакамъ, стоявшимъ при укрѣпленіи предъ храмомъ Климента Святаго. «Отъ васъ, вѣщаетъ онъ казакамъ: — отъ васъ началось доброе дѣло, вы неусыпно стояли за вѣру православную; вы претерпѣвали раны; вы переносили голодъ и нужду; о мужествѣ вашемъ гремитъ молва въ дальнихъ государствахъ: вы не погубите славы и заслугъ вашихъ!» — Казаки восклицаютъ: *умремъ за вѣру, не погубимъ славы нашей; иди къ товарищамъ нашимъ, зови ихъ къ намъ!* Палицынъ прибавилъ: *ополчась на враговъ, возглашайте имя Сергія! вы узрите славу Божію.* Спѣша къ полкамъ казацкимъ, Палицынъ встрѣчаетъ многія дружины ихъ у церкви Никиты Мученика: они уже удалялись въ станъ свой; но за-

медлились при переправѣ чрезъ рѣку. Палицынъ повторяетъ имъ тоже, что вѣщалъ товарищамъ ихъ. Сердца ихъ воскипѣли жалостью и усердіемъ къ вѣрѣ. *Умремъ*, воскликнули они: *или отразимъ враговъ! пострадаемъ за вѣру*. Съ быстротою молніи полетѣли они на мѣсто битвы. Отряды казацкіе, бывшіе уже за рѣкою, видя, что братья ихъ воротились, немедленно пустились вбродъ и вплавь. Загремѣло въ полкахъ казацкихъ имя Сергія! укрѣпленіе Климентовское было взято грудью и единодушною ревностію: пало множество Литовцевъ и въ томъ числѣ семь сотъ Венгровъ. Они оставили родную сторону для добычи, и стали жертвою смерти. Казаки заняли укрѣпленіе, пѣшія дружины залегли въ лѣсахъ и высокой крапивѣ, чтобы поразить враговъ внезапностію. При кликахъ побѣдоносныхъ, оживотворясь новымъ мужествомъ, Русскіе воины еще болѣе воспылали благодарностью къ Богу, подателю славы и побѣдъ. Единодушно положили они соорудить три храма: первый во имя Срѣтенія Пресвятыя Богородицы; второй во имя Іоанна Богослова; третій во имя Московскаго Святителя Петра Чудотворца. Уже день 23 Августа, проведенный въ упорномъ бою, страхѣ и надеждѣ, склонялся къ вечеру; Мининъ, блюститель общественной казны, убѣждалъ Кн. Пожарскаго дать ему нѣсколько дружинъ къ отраженію вра-

говъ*; Пожарскій отвѣчалъ: *выбирай кого хочешь!* изъявляя симъ словомъ полную къ нему довѣренность. Выбравъ Ротмистра Хмѣлевскаго и три дворянскія сотни, Мининъ переправился чрезъ рѣку, пошелъ къ Крымскому двору; быстро и отважно устремился на конные и пѣшіе непріятельскіе отряды. Обманутые мужественнымъ напоромъ Минина, враги думали, что все войско противъ нихъ дѣйствуетъ, и обратились въ бѣгство; Мининъ преслѣдовалъ ихъ, тѣснилъ и поражалъ. Между тѣмъ Русская пѣхота, залегшая въ ямахъ, пустилась тихомолкомъ въ обходъ и приближалась къ стану Литовскому. Вся конница ударила. Хоткевичъ бросилъ станъ. Овладѣвъ станомъ и обозомъ непріятельскимъ, Воеводы и войско расположились во рву Деревяннаго города. Кипя ревностью и отважностью, полки желали продолжать бой; но начальники отвѣчали: *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ.* А чтобы тревожить и утомлять враговъ, Пожарскій приказалъ стрѣлять до самаго разсвѣта. Дымъ и огонь, сливаясь густымъ облакомъ, казались пожарнымъ пламенемъ. Непріятели, отступая къ Донской обители, во всю ночь не смѣли спѣшиться,

---

* Мининъ, должно быть, замѣтилъ, что все дѣлалось не такъ еще, какъ было надобно, или, какъ ему хотѣлось.

возмущаясь страхомъ; 24 Августа бѣжали они возвѣстить стыдъ свой и мужество защитниковъ престольнаго града.»

«По удаленіи Хоткевича, Литовскія войска занимали еще различныя части города, и Кремль былъ въ ихъ рукахъ. Хотя внѣшніе враги сильно были поражены, но внутренняя вражда не прекращалась. Князь Трубецкой требовалъ, чтобы Начальники Нижегородскаго ополченія явились къ нему въ станъ. Пожарскій и Мининъ не соглашались. Наконецъ для совѣщанія условились съѣхаться на Неглинной.» Въ это время пронесся слухъ, что Гетманъ Хоткевичъ, желая вознаградить свою неудачу, намѣревался сдѣлать тайное нападеніе на Москву. «Услыша», продолжаетъ далѣе Историкъ, «что Хоткевичъ намѣренъ подъ сильнымъ прикрытіемъ проводить запасы къ Полякамъ, изнемогавшимъ отъ голода въ стѣнахъ Кремля, они сдѣлали отъ рѣки укрѣпленіе и выкопали ровъ. Главные Начальники попеременно сами находились на непрестанной стражѣ днемъ и ночью. Гетманъ, узнавъ о дѣятельности Русскихъ Вождей, отмѣнилъ намѣреніе свое. Осторожность не рѣдко дѣйствуетъ сильнѣе оружія; голодъ въ Кремлѣ часъ отъ часу умножался. Вожди Литовскіе приказали Боярамъ и прочимъ Русскимъ людямъ, находившимся въ стѣнахъ Кремлев-

скихъ, отпустить женъ и дочерей. Бояре, огорченные симъ приказомъ, просили Пожарскаго, Минина и войско принять семейства ихъ подъ защиту свою. Князь Пожарскій самъ пошелъ навстрѣчу имъ и съ должнымъ уваженіемъ развелъ по домамъ родственниковъ и знакомыхъ. Казаки, озлобясь на Пожарскаго за то, что не позволилъ грабить злополучныя семейства, хотѣли его убить. 22-го Октября загладили они преступленіе свое, взявъ приступомъ Китай. Князь Трубецкой подступалъ къ Ильинскимъ и Никольскимъ воротамъ, а Пожарскій отъ Каменнаго мосту».

Изнеможеные Поляки начали помышлять о сдачѣ Кремля. Полковникъ Струсъ съ прочими начальниками составилъ совѣтъ, на которомъ единодушно положено сдаться военнопленными Пожарскому и просить его о пощадѣ, а въ станъ къ Трубецкому не ходить. Казаки, узнавъ, что Поляки хотятъ сдаться, и уже выпустили напередъ изъ Кремля Бояръ, Дворянъ и всѣхъ Русскихъ, сбѣжались на Каменный мостъ съ оружіемъ и хотѣли напасть на полки Пожарскаго; но Пожарскій укротилъ ихъ неистовство, и они возвратились въ свой лагерь. На другой день поутру Поляки сдали Кремль, и Струсъ вышелъ съ остальнымъ своимъ войскомъ. Его взяли въ станъ Трубецкаго, гдѣ буйные казаки побили почти всѣхъ

сдавшихся плѣнныхъ; напротивъ плѣнные, взятые Пожарскимъ, были отправлены по разнымъ городамъ, съ приказаніемъ никого изъ нихъ не грабить и не лишать жизни. Великодушный герой, исторгнувъ Москву, мать городовъ Русскихъ, изъ рукъ вражескихъ, возвысилъ славу свою человѣколюбіемъ.

Прискорбно было побѣдителямъ смотрѣть на царствующій градъ, опустошенный огнемъ и мечемъ, замирало сердце при видѣ храмовъ разрушенныхъ и оскверненныхъ, — при видѣ дымящихся развалинъ, всеобщаго унынія и запустѣнія. Кремль обезображенъ, его храмы наполнены нечистотою, святыя иконы лишены украшеній, или разрублены на части, престолы низпровергнуты. Вшедшіе въ Кремль ужаснулись, что вся святыня, съ древнихъ временъ благоговѣйно почитаемая, была или совершенно истреблена, или злодѣйски поругана. Но какой ужасъ объялъ ихъ, нельзя и сказать, когда они увидѣли множество труповъ человѣческихъ, лежащихъ безъ погребенія и служившихъ пищею осажденнымъ. Упорное сопротивленіе и тщетная надежда на помощь Короля своего Сигизмунда, которую онъ обѣщалъ подать новыми войсками, довели въ Кремлѣ Поляковъ до того, что они не только питались нечистыми животными, но и въ изступленіи ума пожирали другъ друга.

Впрочемъ, вскорѣ по совершенномъ очищенiи Москвы отъ непрiятелей, дѣйствительно пойманы были посланные Сигизмундомъ изъ Вязьмы съ письмами къ осажденнымъ въ Москвѣ Полякамъ, изъ которыхъ было видно, что Сигизмундъ хочетъ идти на помощь осажденнымъ. Онъ предполагалъ, что Москва еще занята ими, перешелъ изъ Вязьмы къ Горѣлому-Городищу и хотѣлъ взять его приступомъ; но бывшiй тамъ Воевода Князь Шаховской, который зналъ уже о всѣхъ происшествiяхъ въ Москвѣ, предложилъ ему лучше идти подъ Москву и покорить столицу, а онъ всегда въ его рукахъ. Пущенныя такимъ образомъ наудачу слова Шаховскаго ударили прямо въ самолюбивое сердце Сигизмунда. Король, послушавъ совѣта Князя Шаховскаго, отступилъ отъ Горѣлаго-Городища и приступилъ съ войсками къ Волоколамску. Отсюда послалъ съ частiю войска въ Москву сына Гетмана Жолкевскаго и находящагося въ плѣну съ Митрополитомъ Филаретомъ Посла Московскаго Князя Мезецкаго, которымъ приказалъ уговаривать жителей принять на царство сына его Владислава; но посольство это не имѣло никакого успѣха. Между тѣмъ какъ Сигизмундъ такъ усердно дѣйствовалъ для достиженiя своихъ замысловъ присоединить обширное государство Русское къ скипетру Польскому, Начальники нашего воинства, видя новыя опасности, ра-

зослали граматы въ разные города, которыми извѣщали о новой опасности отечества; находящіяся въ Москвѣ войска твердо рѣшились стать противъ непріятеля, и выступили изъ Москвы противъ пришедшихъ Поляковъ. Началось кровопролитное сраженіе, жертвою котораго было болѣе тысячи человѣкъ съ одной стороны непріятельской, — и Русскіе возторжествовали надъ Поляками. Остальные Поляки, возвратясь въ Волоколамскъ, объявили Королю, что Русскіе не хотятъ принять на престолъ свой сына его. Раздраженный этимъ извѣстіемъ Сигизмундъ хотѣлъ излить ярость свою надъ Волоколамскомъ и прикаказалъ осадить его; но осажденные защищались съ неимовѣрнымъ мужествомъ, и на вылазкахъ побили множество непріятелей. Жестокость наступающей зимы и недостатокъ въ продовольствіи заставили Сигизмунда не только снять осаду съ города, но и съ малымъ остаткомъ изнуреннаго войска поспѣшно удалиться въ Польшу. Отъ однихъ враговъ Россія избавилась; но другіе еще оставались. Вскорѣ послѣ того, какъ Сигизмундъ бѣжалъ, пришли для поданія помощи Россіи къ Архангельску Англичаніе. Помощь Англичанъ была уже не нужна; но усердіе ихъ принято было съ благодарностію. Тогда же получено извѣстіе отъ Делагардія, что Королевичъ Шведскій Филиппъ идетъ къ Новгороду, а между тѣмъ Заруц-

кій, оставя Михайловъ, явился подъ Переславлемъ-Залѣсскимъ съ намѣреніемъ завладѣть имъ. Делагардію отвѣчали изъ Москвы, что у нихъ никогда не было намѣренія и желанія избрать иностранца на престолъ Россійскій, а если и писано было объ этомъ изъ Ярославля, то это сдѣлано только для того, чтобы Шведскія войска нападеніемъ своимъ не препятствовали нашимъ войскамъ совершить предназначенное освобожденіе Москвы отъ Поляковъ; но теперь, когда все благополучно кончилось, Русскіе готовы отразить Шведовъ, если они вздумаютъ начать непріятельскія дѣйствія. Заруцкаго разбилъ на голову храбрый Воевода Переславль-Залѣсскій Бутурлинъ. Извергъ Заруцкій, взявши съ собою гнусную Маринку, вездѣ съ нимъ скитавшуюся, убѣжалъ съ остальною частію своихъ бродягъ въ Украйну.

Такъ избавилась Россія отъ тягостнаго ига враговъ, терзавшихъ столько лѣтъ явно и скрытно ея сердце.* Вѣрные сыны отечества исполнили свой долгъ и сдѣлали то, что въ силахъ были сдѣлать; но много

* Память важнаго сего событія ознаменована учрежденіемъ торжественнаго крестнаго хода. 22-го Октября ежегодно бываетъ доселѣ Крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ соборъ Казанскія Пресвятыя Богородицы.

еще оставалось, чего нельзя было произвести безъ Власти Высочайшей. Надлежало поставить Россію на твердомъ основаніи, устроить дѣла не только внѣшнія, но и внутреннія: надлежало собрать разхищенное, возвратить отнятое, удовлетворить и успокоить двухъ искателей престола Россійскаго, — словомъ: надлежало доставить прочный миръ отечеству и водворить всюду спокойствіе. Несчастное царствованіе Шуйскаго и бѣдственное время междуцарствія находились еще въ свѣжей памяти. Все это заставляло подумать Бояръ и народъ объ избраніи Царя. Корону Мономахову предлагали Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, какъ спасителю отечества; но онъ отказался, сказавъ, что кровь царственная еще не изсякла совершенно; вы забыли, что еще есть въ нашемъ отечествѣ такіе, кому принадлежитъ честь, предлагаемыя мнѣ, надобно только, чтобъ въ указаніи было общее согласіе.

Тогда немедленно разосланы были граматы по всему государству, коими приглашались уважаемыя обществомъ и имѣющія неукоризненное довѣріе знатныя особы изъ духовенства и бояръ для совѣщанія объ избраніи Царя. Приглашенные скоро явились въ Москву; но ужасныя слѣдствія безначалія вразумили и самыхъ дерзновенныхъ, — и общій голосъ избралъ

на царство юнаго Михаила, сына знаменитаго Боярина Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева (бывшаго уже Митрополитомъ подъ именемъ Филарета). Будучи роднымъ племянникомъ по матери Царю Ѳеодору Іоанновичу, юный Михаилъ имѣлъ конечно полное право на престолъ Россійскій; но онъ и не думалъ объ этомъ. Волѣ Всевышняго угодно было, для будущаго величія Россіи, назначить его къ ношенію вѣнца Царскаго. Достопамятное это избраніе происходило 21-го числа Февраля 1613 года. Восхищенные подданные новаго Царя тогда же торжественно присягнули ему въ престольномъ градѣ, благословляя Всевышняго, *избравшаго Царя по сердцу Своему судити людемъ въ правду.* — Михаилъ Ѳедоровичъ находился въ это время съ матерью своею, инокинею Марѳою Іоанновною, въ мирной Ипатіевской обители, и ничего не зналъ о происходившемъ въ Москвѣ, пока не явилось къ нему изъ Москвы посольство съ предложеніемъ о вступленіи на сиротѣвшій престолъ Россійскій. Нѣжная мать его, не желая разстаться съ любезнѣйшимъ сыномъ своимъ, составлявшимъ единое утѣшеніе и отраду въ скорбные дни ея одиночества, и, можетъ быть, и опасаясь того, чтобъ не подвергнуть сына той же участи, какую не за долго предъ симъ испытывали Цари Русскіе, долго колебалась; но наконецъ преклонилась на усиль-

ныя просьбы посольства, благословила младаго Михаила на Царство, поручила Божію смотрѣнію судьбу единственнаго своего сына, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, 19-го числа Апрѣля, прибылъ изъ Костромы въ престольный градъ Царства своего. 1-го Іюля Москва видѣла Царское вѣнчаніе Государя своего. Обрядъ совершенъ Казанскимъ Митрополитомъ Ефремомъ, въ Успенскомъ соборѣ. Освободитель Москвы, Князь Пожарскій, былъ въ церемоніалѣ на-ряду съ первенствующими Боярами. Въ ознаменованіе всеобщей радости, новый Царь давалъ пиры вельможамъ и народу; но прежде всего Монархъ обратилъ особенное вниманіе на защитниковъ отечества. Козьма Мининъ, имѣвшій долго единственное титло: «*выборный человѣкъ отъ всего Московскаго государства*», пожалованъ чиномъ Думнаго Дворянина и принятъ въ Царскую Думу, Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій возведенъ въ Боярское достоинство, и всѣ другіе получили награду по мѣрѣ заслугъ своихъ. И *отселѣ* снова *есть пошла земля Русская.*

Проживя безъ 11 лѣтъ тысячу лѣтъ историческимъ бытіемъ своимъ, не говоря о томъ времени, которое она пробыла во чревѣ исторіи, и которое, если свидѣтельство Плинія о Скиѳскихъ послахъ, говорив-

шихъ занимательную рѣчь Александру Македонскому, простирается еще за тысячу лѣтъ, — Россія, какъ богатая невѣста, убѣленная, украшенная, съ наполненными неисчислимымъ богатствомъ сундуками, любуется Женихомъ своимъ.

Россія спаслась вѣрою, восторжествовала надъ врагами твердостію духа сыновъ своихъ и вѣрностью ихъ къ престолу Царей своихъ. Непрерывный рядъ Фамиліи нынѣ Царствующаго Дома Романовыхъ есть непрерывный рядъ величія и славы нашего отечества. Правда, Россія испытуема была и въ этотъ періодъ мятежами, моровыми язвами, нашествіями враговъ; но все это было мимолетно. Благодѣтельное сѣмя Небеснаго Сѣятеля: *Бога бойтесь, Царя чтите*, павшее на добрую землю Русскую, пустило корни свои въ неизмѣримую глубину, неслыханно разрослось, покрывая вѣтвями своими большую часть свѣта, и принесло плодъ, питающій народы отъ восхода солнца до запада. И мы теперь сидимъ, каждый подъ многоплодною своею смоковницею, препокойно,—сидимъ и удивляемся, какимъ образомъ народы, кажется, образованные, гоняясь за призраками какого-то воображаемаго золотаго вѣка, не могутъ понять, что истинно золотой вѣкъ есть единодержавіе.

Доселѣ описанныя нами происшествія, со временъ Москвы — столицы, или происходили на Красной площади, или увѣнчивались концемъ на ней; но этимъ еще не кончается исторія Красной площади.

Почему эта площадь носитъ названіе Красной, достовѣрно неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, я нигдѣ не встрѣчалъ удовлетворительнаго отвѣта. Нѣкоторые думаютъ, что такое названіе дано ей по древнему значенію этого слова — *хорошее*, или *красивое*, такъ напр. красное крыльцо, красное село. — Къ крыльцу такое объясненіе можетъ быть приложено; краснымъ крыльцомъ обыкновенно зовется главное крыльцо зданія, для отличія отъ всѣхъ другихъ, — парадное, и, разумѣется, лучшее, хотя и не всегда красивое. Что же касается до Красной площади, и именно Московской, то оно сюда совершенно не годится. Мы знаемъ, что прежде Красная площадь была вовсе некрасива; тутъ были и ямы и рвы. Красная площадь извѣстна давно, но въ древности она не была такъ обширна. Здѣсь было множество деревянныхъ домовъ частныхъ людей и, сколько можно видѣть изъ словъ находящейся внутри Покровскаго собора по стѣнѣ надписи: «да у той же церкви (Покровскаго собора) повелѣніемъ Благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Великія и Малыя и

Бѣлыя Россіи Самодержца и по благословенію Святѣйшаго Патріарха лѣта 7188 (1680) вновь сдѣланныхъ каменныхъ восемь церквей, вмѣсто тѣхъ, которыя были деревянныя на Красной площади, — было нѣсколько церквей. Еще въ прошедшемъ вѣкѣ Красная площадь заставлена была лавками, лавочками и разнообразными шалашами, въ которыхъ торговали шапками, рукавицами, рыбою и другими мелочными товарами и съѣстными припасами.

Настоящимъ своимъ положеніемъ Красная площадь обязана нашему времени. Были и прежде попытки распространить ее; такъ въ царствованіе Іоанна III приказано было очистить мѣсто около Кремлевской стѣны. 16 Апрѣля 1493 года былъ сильный пожаръ въ Москвѣ, истребившій внутренность Кремля и даже казну Чудова монастыря. 18 Іюля загорѣлось близъ церкви Св. Николая, что на Пескахъ. Ужасный вѣтеръ распространилъ пламень за Москву рѣку, на Кулишки, отсюда на Дмитровку. Сгорѣли посадъ за Неглинною, Петровская слобода, Арбатъ, Срѣтенка по Васильевъ лугъ, Стрѣльница или башня Боровицкая, рынокъ и посадъ подлѣ Москвы-рѣки. Лѣтописи того времени повѣствуютъ, что такого пожара отъ начала Москвы не было. Тогда Іоаннъ приказалъ снести всѣ дома, около Кремля находящіеся,

за Неглинную и Москву-рѣку, и впередъ, ближе 109 саженъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ, запретилъ жителямъ строиться. Но, вѣрно, за исполненіемъ этого не строго наблюдалось; въ послѣдствіи снова явились строенія на Красной площади. Изъ слѣдующаго описанія пожаровъ, бывшихъ въ 1547 году, можно между прочимъ видѣть, что здѣсь опять было множество домовъ: 1547 года, говоритъ достопочтенный Исторіографъ нашъ, 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами, гостинные, казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники; а 21 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, въ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Деревянныя зданія изчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ дру-

гихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, орудіе, иконы, древнія хартіи, книги истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ Тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, разшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Богоматери, писанный Святымъ Петромъ Митрополитомъ, *и Правила церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя; славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровли и паперти, не проникъ во внутренность церкви. Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи затихло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца великой улицы Варварской, Петровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди, съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили, какъ тѣни, среди ужасовъ обширнаго попелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили и выли какъ

дикіе звѣри. *Счастливъ*, говоритъ лѣтописецъ, — *кто, умилясь душею, могъ плакать и смотрѣть на небо.* Утѣшителей не было. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій Дворецъ; богатые также спѣшили строиться.» Послѣ такого несчастія нельзя было думать о порядкѣ постройки и мѣстѣ приличія,—и Красная площадь снова была застроена. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было вновь подтверждено обывателямъ не строиться близко къ Кремлевской стѣнѣ. Въ достославное царствованіе Екатерины II, по Высочайше конфирмованному плану, когда назначено, для свободнаго проѣзда, разчистить и разширить улицы—Ильинку, Варварку и пространство около Лобнаго мѣста, большая часть лавокъ, находящихся тутъ, снесены, а владѣльцамъ ихъ отведены, въ замѣну, мѣста на Красной площади, подлѣ Кремлевской стѣны. Такимъ образомъ они, въ 1784 году, и построили рядъ лавокъ каменныхъ, въ два этажа, лицомъ на площадь. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ торговали мелочными товарами; всѣ другія были пусты; никто не нанималъ ихъ, потому что зимой онѣ были заносимы снѣгомъ, а весною, лѣтомъ и осенью, въ сырую погоду, къ нимъ трудно было подойдти отъ грязи:

площадь не была еще вымощена. Лѣтъ 10 спустя здѣсь устроена была деревянная мостовая, но только на плацъ-парадѣ, а не на всей площади. Когда Управа Благочинія принуждала владѣльцевъ этихъ лавокъ построить тутъ мостовую; тогда они просили дозволенія перенести всю прежде-бывшую на Красной площади торговлю съ Ильинки опять на Красную площадь. Просьба ихъ не была уважена, а повелѣно имъ принять участіе въ постройкѣ Гостинаго Двора. Но въ Гостиномъ Дворѣ мѣста продавались; значитъ имъ нельзя было получить вознагражденіе за крѣпостныя ихъ мѣста, отъ нихъ отшедшія. Тогда они просили позволенія перевести свои лавки на другую сторону Красной площади, къ старымъ питейнымъ рядамъ; провести линію* ихъ до самыхъ заворотовъ и лавки построить по обѣ ея стороны, что имъ и позволено было въ 1804 году.

Окончательное очищеніе Красной площади послѣдовало послѣ незабвеннаго 1812 года. Тогда сломаны ряды, которые были подлѣ Кремля между Спасскими и Никольскими воротами, разобраны лавки, находившіяся на Спасскомъ мосту, который былъ перекинутъ черезъ Кремлевскій ровъ, и уничтожены

* Нынѣ Ножевая линія.

строенія около Покровскаго собора. До 1824 года, на всемъ протяженіи Красной площади, около Кремлевской стѣны, гдѣ теперь липовая алея, располагались на все лѣто наши садовники съ цвѣтами и деревьями; но послѣ и имъ дано другое мѣсто. Въ настоящее время они устроиваются на Большомъ Трубномъ бульварѣ, при входѣ съ Трубной площади; но до сего они помѣщались у стѣны Китая-Города, на Театральной площади, и надобно сказать, что это былъ не просто цвѣточный рынокъ, то есть наставленные горшки съ цвѣтами въ безпорядкѣ, или безобразные балаганы, наполненные вырытыми деревцами, кустами и банками, но огороженный перильцами, искусно планированный садикъ, гдѣ можно было гулять между куртинами по прекраснымъ, убитымъ щебнемъ и усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, сидѣть на устроенныхъ скамейкахъ и любоваться Театральной площадью и огромнымъ и великолѣпнымъ портикомъ театра. Здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ разставлены были стеклянные домики, въ которыхъ были чистота и порядокъ удивительные: банки цвѣтовъ и плодовитыхъ деревьевъ разставлены въ порядкѣ, какъ бы въ лучшей оранжереѣ; вокругъ этихъ домиковъ были куртины различныхъ формъ, изъ цвѣтовъ въ грунтѣ и во множествѣ банокъ. По всѣмъ излучинамъ дорожекъ разставлены банки съ померанцами, лимо-

нами и различными растеніями,—и все это такъ прилично и симметрически. Пріятно было провести въ этомъ цвѣточномъ садикѣ лѣтній вечеръ и полюбоваться съѣздомъ къ театру, когда, со всѣхъ сторонъ, то мчится на прекрасномъ кабріолетѣ щеголь, то проѣзжаетъ модное ландо, то четверня удалыхъ сѣрыхъ лошадей мчитъ, подобно вихрю, на лежачихъ ресорахъ коляску; хорошо было посидѣть здѣсь и зимою; едва только смеркнется, — и взорамъ вашимъ представится совершенно нарочно устроенная иллюминація: тысячи огней въ окнахъ окружающихъ васъ зданій, на самой площади яркіе фонари освѣщаютъ всякое мѣсто и придаютъ всему прелестный и обворожительный видъ; вдали на площади вы видите нѣчто дымящееся; вокругъ него народъ махаетъ руками, хохочетъ, иногда крупно разговариваетъ, а между тѣмъ это не мѣшаетъ вамъ спокойно предаваться философскимъ размышленіямъ объ отысканіи какого-нибудь философскаго камня и объ искусствѣ наживать деньги. Но, мнѣ кажется, на Трубномъ бульварѣ будетъ гораздо пріятнѣй. Конечно, на Трубномъ бульварѣ нѣтъ такого виду, но за то просторъ, чистый воздухъ. Можно думать, что современемъ Тверской бульваръ уступитъ свое гулянье Трубному. Тополевая алея можетъ ручаться за это. И теперь уже по вечерамъ можно видѣть множество здѣсь на-

роду и экипажи около бассейна, въ которыхъ пріѣхали погулять по цвѣтнику, когда цвѣтникъ еще не приведенъ въ порядокъ, когда на Трубномъ бульварѣ нѣтъ ни кофейной, гдѣ можно получать чай, кофе и прохладительные напитки, ни музыки; но что же сказать тогда, когда все это устроится и цвѣтникъ приметъ настоящій видъ. Цвѣтникъ этотъ завѣдывается не иностранными главными садовниками, но Русскими. Каждый изъ нихъ есть ученикъ природы, а между тѣмъ не уступитъ въ познаніи садоводства любому иностранцу. Спросите его,—и онъ вамъ скажетъ названіе каждаго растенія — латинское и русское — и разскажетъ правила ихъ разсадки.

Теперь только Красная площадь граничитъ съ правой стороны, отъ Воскресенскихъ воротъ, Кремлевскою стѣною, опушенною, какъ мы сей часъ сказали, липовою алеей, а съ лѣвой—во всю ея длину тянутся ряды, обнесенные, въ 1815 г., великолѣпною колоннадой подъ одну крышу,—ряды, которые, представляя сами по себѣ какъ бы особенный городокъ, освѣщенный сверху слабымъ сіяніемъ солнца, съ улицами, переулками, разнообразными строеніями, придаютъ площади живописный видъ. До 1786 года, когда лавкамъ дана первая нынѣшняя правильность и однообразіе, торговые эти ряды представляли еще болѣе фан-

тастическаго разнообразія, бывъ составлены изъ лавокъ съ противоположными товарами, одна подлѣ другой выстроенныхъ, по вкусу и способамъ владѣльца.

Торговые ряды, какъ мы знаемъ, не въ одномъ только этомъ мѣстѣ; есть отдѣленіе между улицами Ильинской и Варварской и между Москворѣцкой и переулкомъ Хрустальнымъ или Гостинымъ Дворомъ; есть еще отдѣленіе между улицею Варваркой и переулкомъ Зарядья, лицевая сторона котораго лежитъ на улицу Москворѣцкую, а задняя въ линію съ Хрустальнымъ рядомъ: но какъ собственно торговыми рядами должно называться только отдѣленіе рядовъ и лавокъ, находящееся противъ Красной площади; то мы сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣкоторое понятіе только объ этомъ отдѣленіи. Отдѣленіе противъ Красной площади, занимая пространство отъ Никольской улицы до Ильинки, заключаетъ въ себѣ 8 дольныхъ линій, имѣющихъ свои названія по роду торговли. Такъ линіи: Ножевая (лицевая къ площади), далѣе Овощная, Шапочная, Суконная большая, Суконная малая, Скорняжная (Мѣховая), Серебряная большая, Ветошная или Покромная. Каждая изъ этихъ линій имѣетъ еще свои ряды: линія Ножевая—Табачный, собственно Ножевый и Сапожный; линія Овощная—Новый Овощный и Сѣдельный; линія Шапочная — Колокольный,

Холщевый, Кафтанный и Шапочный; Суконная большая—Желѣзный, Лапотный, Золотокружевный малый и Смоленскій суконный; Суконная малая—Сундучный, Нитяный или малый Крашенинный, большой Золотокружевный, Затрапезный, Московскій суконный и поперегъ линій Крашенинный большой; Скорняжная—Бумажный, Епанечный, собственно Скорняжный и Шелковый; Серебряная—Иконный, Женскій кружевной, малый Ветошный и собственно Серебряный, линія Большая Ветошная—Перяный, Большой Ветошный, Сальный и Панскій, лицевой на Ильинку. Лобное мѣсто замыкаетъ Красную площадь.

Что касается до имени Красной площади и именно Московской, то я охотнѣе согласился бы, если бы кто сказалъ, что Красная площадь такъ называется потому, что на ней издавна существуютъ ряды, которые во многихъ мѣстахъ нашего отечества именуются красными. Здѣсь говорятъ, когда идущаго въ торговые ряды спрашиваютъ, куда идешь, — иду въ городъ, вѣроятно, по тому, что они находятся въ Китаѣ-Городѣ; но въ Тулѣ на подобный вопросъ отвѣчаютъ: иду въ красные ряды. Красные ряды, значитъ и площадь, на которой они находятся, Красная. Такъ у насъ и есть. Напр. Арбатъ—Арбатская площадь, Театръ — Театральная площадь; площадь, гдѣ тор-

гуютъ дровами, зовется Дровяною площадью, а гдѣ торгуютъ сѣномъ, — Сѣнною. Можно бы было сказать, что такое названіе Красной площади дано по Краснымъ селамъ Боярина Стефана Кучки, еслибы свѣдѣніе о началѣ Москвы, что Москва основана Княземъ Андреемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго, который, будто бы отмщая смерть брата своего Даніила, убитаго Кучкою съ 5000 воиновъ, пришелъ на то мѣсто, гдѣ были Красныя села Кучки, построилъ Москву и деревянную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и остался княжить здѣсь, было справедливо. Но какъ свѣдѣніе это подлежитъ сомнѣнію, то оставимъ изслѣдывать объ имени Красной площади археологамъ.

Что мы сказали объ имени Красной площади, тоже точно можемъ сказать и о ея началѣ, то есть, когда первоначально образовалась Красная площадь, неизвѣстно. Начало образованія Красной площади, — площади, какъ существенной принадлежности всякаго города, покрыто мракомъ неизвѣстности, точно также, какъ и начало Москвы. Одни говорятъ, что Москва получила бытіе свое при мудромъ Правителѣ Руси, опекунѣ Князя Игоря, Олегѣ, который будто бы, отправляясь 882 года изъ Новгорода въ Кіевъ, для присоединенія областей Кіевскихъ къ Новгород-

скимъ, на пути своемъ, положилъ основаніе ея. Другіе относятъ начало Москвы къ 1158. Когда Георгій Владиміровичъ Долгорукій, говорятъ они, на пути своемъ изъ Кіева въ землю Суздальскую, гдѣ княжилъ любимый сынъ его Андрей, проѣзжая черезъ то мѣсто, гдѣ были села Кучки, былъ дурно принятъ этимъ Бояриномъ, тогда онъ приказалъ умертвить Кучку и, женивъ сына своего Андрея на прекрасной его дочери, основалъ городъ и назвалъ его, по имени протекающей тутъ рѣки, Москвою. Третьи полагаютъ, что Москва основана Княземъ Андреемъ Александровичемъ, какъ мы выше сего сказали. Но всѣ эти свѣдѣнія не только не доказываются историческими изслѣдованіями, но еще явно противорѣчатъ хронологическому повѣствованію достовѣрныхъ и доказанныхъ происшествій.

Олегъ ходилъ въ Кіевъ по Днѣпру. Вступивъ въ права Великаго Князя, Олегъ съ завистію смотрѣлъ на господство своихъ единоземцевъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ, гдѣ было болѣе удобствъ жизни, чѣмъ въ Новгородѣ—странѣ суровой, необильной дарами природы, и откуда такъ легко было ходить въ Грецію, давно извѣстную на сѣверѣ своимъ богатствомъ. Онъ рѣшился переселиться на югъ. Первымъ дѣломъ его было овладѣть теченіемъ Днѣпра, служившаго путемъ

въ богатую Грецію. Смоленскъ, главный городъ независимыхъ Кривичей, котораго не могли взять Аскольдъ и Диръ, покорился Олегу; тоже сдѣлалъ Любечъ. Но зналъ ли Олегъ объ Окѣ и Волгѣ, объ этомъ Исторія молчитъ. Утвердясь въ Кіевѣ, Олегъ безъ труда покорилъ, повѣствуетъ Исторія, Славянскія поколѣнія по Днѣпру и по впадающимъ въ него рѣкамъ: по Деснѣ Сѣверянъ, по Сожѣ Радимичей, по Горыни и Припети Древлянъ; кромѣ того, Лутичей и Тиверцевъ по Днѣстру и Бугу; Хорватовъ по восточнымъ отраслямъ горъ Карпатскихъ. Въ страну Московскую Олегу не было и слѣду. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Исторіографъ нашъ Карамзинъ: «Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія, привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей,

Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ. Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать одноплеменники ихъ, служившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣверянъ и взялъ Любечъ, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ и проч.»

Георгія Долгорукаго въ 1158 году уже не было. Мы знаемъ, что въ 1157 году рушилась установленная Мономахомъ система соединенія Русскихъ княжествъ въ одно цѣлое властію Великаго Князя Кіевскаго. До этого времени, въ продолженіи 100 лѣтъ, не взирая

на явное стремленіе Удѣльныхъ Князей къ самостоятельности, не могла изчезнуть мысль о первенствѣ Князя Кіевскаго, о зависимости отъ него удѣльныхъ. На престолъ его смотрѣли, какъ на опору верховной власти, и каждый Князь, утвердившійся въ Кіевѣ, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ силою и держалъ ихъ въ повиновеніи: такъ Княжили Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Мстиславичъ, самъ Юрій Долгорукій. Онъ былъ послѣднимъ. Онъ сидѣлъ на развалинахъ. Всеобщее междоусобіе готово было вспыхнуть; но смерть его предупредила разрывъ союза частей и раздробленіе Руси въ родѣ Владиміра Святаго на множество княжествъ независимыхъ.

Что же касается до того, что Москва основана сыномъ Невскаго Андреемъ, то несправедливость этого можно видѣть изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: Андрей Александровичъ княжилъ съ 1294 года по 1304; а между тѣмъ имя Москвы было уже извѣстно во время Великаго Князя Изяслава Мстиславича, княжившаго отъ 1146 по 1154 годъ, во время самое бурное, ознаменованное злодѣйствами и междоусобіями Удѣльныхъ Князей. Въ это время Москва находилась въ области Суздальской, управляемой Георгіемъ Владиміровичемъ, и первое объ ней извѣстіе относится къ 8 числу Марта 1147 года. Георгій, говоритъ Ис-

торія, въ сей день пышно угощалъ въ Москвѣ Святослава Ольговича и другихъ Князей, бывшихъ союзниками его противъ Великаго Князя и помогавшихъ ему разорять области братьевъ Изяславовыхъ. 1176 года Москва видѣла уже враговъ,—и Глѣбомъ, Княземъ Рязанскимъ, воевавшимъ противъ Великаго Князя, была со всѣми окрестными слободами своими обращена въ пепелъ. Конечно, во второе нашествіе Батыя на Россію, 1237 года, Москва была сожжена Татарами до основанія; Воевода ея Филиппъ Нянька со всѣми оставшимися въ городѣ жителями были умерщвлены, а второй сынъ Великаго Князя Георгія, при семъ несчастномъ для Москвы и Россіи событіи, взятъ былъ въ плѣнъ; но спутя 11 лѣтъ послѣ этого мы опять видимъ въ Исторіи не только имя Москвы, но и имя Князя Михаила Храбраго, меньшаго брата Александра Невскаго, названнаго въ первый разъ: Московскій. Значитъ, Москва возникла опять изъ пепла, и все-таки до 1294 года.

О началѣ Москвы есть еще извѣстіе слѣдующаго содержанія: Князь Даніилъ, владѣтель Суздаля, поѣхалъ съ какимъ-то Грекомъ Василіемъ, предсказателемъ будущаго, отыскивать мѣсто для престольнаго города; заѣхавъ въ густой и непроходимый лѣсъ, увидѣлъ онъ красиваго и великаго троеглаваго змія;

на мѣстѣ семъ, сказалъ тогда Князю прорицатель, созиждется градъ великъ и распространится царствіе троеугольное. Продолжая далѣе путь, Князь нашелъ посреди болота на маленькомъ островѣ хижину и въ ней пустынника Букала, а далѣе на горахъ хижину Римлянина Подона, который, спасаясь въ отшельничествѣ и будучи исполненъ духа пророческаго, убѣждалъ Князя обратить вниманіе на это мѣсто. Князь исполнилъ просьбу его, и черезъ 6 лѣтъ на мѣстѣ Букаловой хижины заложилъ городъ Москву, а въ седьмый годъ на горѣ Подонской церковь Спаса, которая черезъ два года, пришедшимъ изъ Греціи къ Великому Князю Даніилу Епископомъ Варлаамомъ, получившимъ область Крутицкую съ титуломъ Владыки Сарскаго и Подонскаго, была освящена. Но это повѣствованіе совершенно баснословно. Что же касается до Владыки Сарскаго и Подонскаго, то объ этомъ вотъ какъ расказывается въ «Русской Старинѣ въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества»: По преданію, внесенному въ отечественныя лѣтописи, Греческій Епископъ Варлаамъ, въ XIII вѣкѣ, былъ первымъ основателемъ Крутицкой каѳедры, гдѣ Благовѣрный Князь Даніилъ Александровичъ соорудилъ храмъ во имя Первопрестольныхъ Апостолъ Петра и Павла, донынѣ тамъ существующій, только уже въ возобновленномъ видѣ.

Но кажется достовѣрнѣе свидѣтельство Исторіи, что Всероссійскій Митрополитъ Кириллъ, въ 1261 году, учредилъ для христіанъ, жившихъ въ Волжскомъ городѣ Сараѣ, столицѣ Ханской, особенную епархію подъ именемъ Сарайской и поставилъ для нея Епископа Митрофана. Съ нею была соединена потомъ епископія южнаго Переяславля. Ея Владыки, пребывавшіе въ Ханской столицѣ, именовались Сарскими или Сарайскими. Какъ въ послѣдствіи Епископы сіи имѣли въ вѣдомствѣ своемъ церкви, лежавшія по Дону, то посему и стали называться Сарскими и Подонскими. При ослабленіи Ханскаго могущества, въ XV вѣкѣ, Епископъ Вассіанъ перенесъ каѳедру свою на Московскія Крутицы, гдѣ образовалась особенная епархія.

Мы будемъ исчислять событія Красной площади съ того времени, когда подлѣ Москвы, заключавшейся первоначально въ Кремлѣ, образовался другой городъ, и когда обыватели Кремля, по умножившемуся числу жителей, начали строиться внѣ Кремля. Но прежде нежели приступимъ къ такому повѣствованію, мы скажемъ, что Красная площадь есть древній форумъ первопрестольной Столицы Русской. Издревле, почти съ самаго основанія Москвы, Красная площадь была мѣстомъ народнаго собранія: и въ ра-

дости и въ печали жители Москвы стекались на Красную площадь потолковать, послушать новостей, узнать, что положено въ Думѣ Царской. Мы не знаемъ подробностей такихъ собраній, не можемъ ничего сказать и о тѣхъ разговорахъ, которыми ежедневно наполнялась Красная площадь; но знаемъ, что нѣкогда толпы народа стремились на Красную площадь со всѣхъ сторонъ. Невнятный шумъ его заглушалъ самый звонъ колоколовъ, и что же, вы думаете, это было такое? Народъ подтаскивалъ къ Спасскимъ воротамъ Царь-Пушку, уставлялъ грозное жерло ея противъ оныхъ и требовалъ выдачи Бѣльскаго, который былъ въ Кремлѣ. Іоаннъ IV незадолго до смерти своей учредилъ Верховную Думу изъ пяти знатнѣйшихъ того времени вельможъ, какъ мы уже сказали. Дума эта, принявъ правленіе, выслала изъ Столицы многихъ прислужниковъ умершаго Царя, собрала великую Думу Земскую, т. е. депутатовъ всѣхъ городовъ и областей, и выдумывала новыя учрежденія для облегченія народной тягости. Учрежденія, по видимому, благовидныя; но народъ произвелъ бунтъ, подозрѣвая Бѣльскаго, какъ главнаго двигателя этихъ учрежденій, въ недоброжелательствѣ Государю и Россіи. Мятежъ этотъ кончился тѣмъ, что Ѳеодоръ приказалъ удалиться Бѣльскому отъ Двора и выѣхать изъ Столицы. Въ 1445

году, когда гнѣвъ Божій посѣтилъ землю Русскую: и нашествія Татаръ Казанскихъ, и плѣнъ Великаго Князя Московскаго Василья Васильевича Темнаго, и сильный пожаръ, совокупясь почти въ одно время, поселяли трепетъ въ сердца и самыхъ мужественныхъ, и когда семейство Великаго Князя и первостепенные Бояре уѣхали въ Ростовъ, оставивъ Москву на произволъ судьбы ея, тогда отчаянная чернь собралась на Красной площади, составила вече и избрала правителей. Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти, говоритъ Карамзинъ: — Дворъ и народъ вопили. Москва видала своихъ Государей въ злосчастіи, но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ Кремлевскихъ: ибо ежечасно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу Москвитянъ и пришельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячъ человѣкъ и множество всякаго имѣнія. Мать и супруга Великаго Князя съ Боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ въ жертву от-

чаянія. Не было ни Государя, ни правленія, ни Столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найдти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ совѣтѣ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ—народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія, и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя.

Народъ, по словамъ Свиньина, любилъ собираться на Красной площади и потому, что здѣсь только, не исключая и храмовъ Божіихъ, какъ бы терялись различія въ степеняхъ и званіяхъ людей, и однѣ заслуги добродѣтели и незазорная старость давали право на отличіе и всеобщее уваженіе. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича народъ собирался на Красную площадь для присутствія на судилищахъ. На Красной площади въ это время происходили семейныя судилища: это благоучрежденіе напоминаетъ времена патріархальныя и похоже на тѣ суды народные, которыми нѣкогда славились Спарта и Новгородъ, съ тѣмъ только различіемъ, что судилища на Красной площади освящалась верховною властію. Самъ Царь силою своей власти поддерживалъ ихъ. Когда граж-

данинъ велъ жизнь неправильную, забывалъ свои обязанности, тогда пожилые люди, предварительно увѣщевавшіе его въ кругу семейства, призывали его на Красную площадь, гдѣ передъ всѣмъ народомъ уличали его въ дурномъ его поведеніи, снова увѣщевали и давали время на исправленіе. Но если и эта мѣра была недѣйствительна, тогда старцы-судьи дѣлались обвинителями преступника предъ закономъ, — и виновный ни въ какомъ случаѣ не смѣлъ оправдываться.

Нѣкогда на Красной площади собирались Бояре, купцы и другія должностныя лица для разсмотрѣнія дѣла, отъ чего въ Москвѣ хлѣбъ дѣлается дорогъ: отъ закупщиковъ ли, или отъ умножившагося винокуренія, и не будетъ ли лучше, если правительство замѣнитъ вино пивомъ. Гости и лучшее купечество отвѣчали, что причина дороговизны на съѣстное лежитъ частью въ недородѣ, частью въ сдѣлкахъ закупщиковъ и хлѣбныхъ торговцевъ, а частію въ распространеніи винокуренія. Хлѣбъ вздорожалъ, вопервыхъ, отъ умноженія числа покупщиковъ, потребителей, напр., до сихъ поръ стрѣльцы получали хлѣбное жалованье, и хлѣбъ не покупали, и цѣны на хлѣбъ не поднимали; вовторыхъ, отъ скупщиковъ, которымъ должно воспретить являться на хлѣбные рынки въ

Москвѣ раньше 6 часу дня; втретьихъ, что до винокуренія, — оно умножаетъ потребленіе хлѣба, и, по уничтоженіи винокуренія, народъ станетъ пить пива больше. Люди черныхъ сотенъ и посадскихъ полагали причиною дороговизны моровыя повѣтрія и частыя войны, отнимающія руки у земледѣлія; сверхъ того—скупщиковъ, у которыхъ должно купить хлѣбъ казнѣ и продать бѣднымъ. Что до винокуренія, — не знаютъ они, какъ о томъ положить, — пусть будетъ, какъ Великому Государю Богъ извѣститъ. Во всякомъ случаѣ они думаютъ, что для больныхъ и роженицъ нужно было бы держать немного вина въ кабакахъ. Въ этомъ пунктѣ высшее купечество не соглашалось съ остальными горожанами, говоря, что если будетъ въ кабакахъ мало вина, будетъ его и много.

По повѣрью или обряду, освященному обычаемъ, жители Московскіе приходили на Красную площадь, особенно въ Великій четвертокъ, стричь себѣ волосы. Тогда, по словамъ Олеарія, земля у Посольскаго Двора устилалась волосами, какъ мягкими тюфяками. До учрежденія новыхъ площадей по роду торговли и промышленности, на Красной площади сосредоточивалась торговля не только всей Москвы, но и всего государства. Здѣсь можно было получить понятіе не только

о духѣ Русскаго народа, но и о вліяніи Столицы на всю Имперію. И нынѣ Красная площадь не менѣе многолюдна и шумна. Конечно, не исполненіе грознаго приговора Царскаго, не бесѣда Вѣнценосца съ своимъ народомъ, не совѣщанія граждань созываютъ на Красную площадь тысячи: нынѣ не сторожатъ Лобное мѣсто Царь-Пушкою, съ подобными ей исполинами, обращенными для защиты Кремля — одна промышленность, одна торговля оживляютъ здѣсь безпрестанно дѣятельность: но за всѣмъ тѣмъ и нынѣ съ утра до вечера волнуются вокругъ Лобнаго мѣста пестрыя, разнородныя толпы народа, стучатъ и гремятъ разнаго рода повозки, скачутъ со всѣхъ сторонъ всадники, тянутся безконечные обозы, воздухъ оглашается разными кликами и звонкими голосами. Попавши на Красную площадь, далеко ходить уже не зачѣмъ: около нея найдете вы и гостиный дворъ, и торговые ряды, биржи, разные оптовые магазины, Присутственныя мѣста, множество маклерскихъ конторъ, и множество подворьевъ для пріѣзжающихъ. Хотите ли вы видѣть кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ? — подите на Красную площадь, и вы непремѣнно съ нимъ увидитесь. Можно смѣло быть увѣрену, что здѣсь видятся между собою такіе люди, которые живутъ на двухъ противоположныхъ концахъ города и которые безъ надобности быть въ Го-

родѣ или въ Кремлѣ, видѣлись бы только разъ или два въ годъ. Хотите ли купить или продать что-нибудь на значительную сумму?—подите на Красную площадь, и недалеко отъ нея въ полчаса ваше дѣло кончено. Имѣете ли нужду занять денегъ, перевести векселя, отправить товары, и словомъ, все то сдѣлать, что вамъ угодно?—все можете, сошедши только нѣсколько съ Красной площади. Не такъ давно на Красной площади, подлѣ Казанскаго собора, собирались дѣловые, такъ называемые, люди, которые могли написать для васъ любую апелляцію, и которые предлагали услуги ходатаевъ по дѣламъ, стряпчихъ и адвокатовъ, и брались исполнить, какія вамъ угодно, порученія. А прежде, между Лобнымъ мѣстомъ и Покровскимъ соборомъ, около такъ называемаго гриба, можно было найдти и всякаго рода прислугъ, которые собираются теперь на такъ называемомъ Вольномъ мѣстѣ.

Изрѣдка Красная площадь еще бываетъ свидѣтельницею Крестныхъ ходовъ. Такъ 21-го Мая, въ день Владимірскія иконы Божіей Матери, Крестный ходъ проходитъ по Красной площади изъ Успенскаго собора къ церкви Владимірской, что у Владимірскихъ воротъ Китайской стѣны, въ жертву благодаренія за спасеніе Москвы 1521 года отъ нашествія Крым-

скихъ Татаръ подъ предводительствомъ Хана ихъ Магметъ-Гирея. Крымскій Ханъ Магметъ-Гирей, Нагайцы, Атаманъ Литовскихъ казаковъ Дашковичъ и Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, открыли непріятельскія дѣйствія съ Россіею. Въ 1521 году, внезапно вторгнувшись въ оную, соединились подъ Коломною, и съ свирѣпствомъ, напоминавшимъ времена Батыя и Тахтамыша, двинулись къ Москвѣ. Уже Татары 29 Іюля въ Государевомъ селѣ Воробьевѣ пили медъ изъ погребовъ Великокняжескихъ, и самъ Ханъ стоялъ уже за нѣсколько верстъ отъ Москвы; въ ужасѣ стекались жители въ Кремль, оставленный подъ защитою Хабара Симскаго, извѣстнаго мужествомъ и спасеніемъ Нижняго. Великій Князь изъ Волока принужденъ былъ послать къ Хану скрѣпленную грамоту, въ коей просилъ мира и соглашался на его условія, невыгодныя для Россіи. Съ помощію сей хартіи Магметъ-Гирей хотѣлъ безъ кровопролитія взять Москву: онъ послалъ эту хартію къ храброму защитнику Москвы Хабару, въ знакъ того, что Василій призналъ себя данникомъ Крыма, и смѣло приближался къ стѣнамъ Кремлевскимъ. Между тѣмъ Воевода, имѣя у себѣ Княжескую грамоту, не думалъ ни о сдачѣ города, ни о возвращеніи сей важной для отечества бумаги; но, встрѣтивъ толпы враговъ выстрѣломъ изъ пушки, столь удачнымъ, что обратилъ всѣхъ въ бѣгство, изумилъ Хана и уничто-

жилъ хитрый планъ его. Тогда Магметъ-Гирей, получивъ извѣстіе объ угрожающей опасности собственнымъ его землямъ, поспѣшно удалился, удовлетворивъ себя однѣми угрозами. Это нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаемъ царствованія Василія. Предавъ огню селенія, отъ Нижняго-Новгорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили множество жителей, будто бы 800,000 человѣкъ (но самъ Герберштейнъ этому не вѣрилъ), въ числѣ ихъ и Князя Ѳедора Лопату, выкупленнаго въ Рязани, многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ; дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое сверхъ-естественное спасеніе. Разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ: когда Татары хотѣли выжечь Московскіе посады, то увидѣли вокругъ города безчисленное войско Россійское и съ ужасомъ прискакали къ Хану, который, не вѣря имъ, послалъ другихъ. «И видѣша того сугубѣйшее воинство Русское, говорится въ Степен. Кн. И сказаша ему.... И третіе посла нѣкоего отъ ближнихъ увѣдати истину. — И трепеща прибѣже и вопія: *о Царю! что коснѣши? побѣгнемъ.... Грядутъ на насъ безмѣрное множество войска отъ*

Москвы.... И побѣгоша.» Это было видѣніе,—и уставили особенный Крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Бога.

Черезъ Красную площадь ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь 23 Іюня, въ день празднества Срѣтенію Чудотворныя иконы Владимірскія Пресвятыя Богородицы, учрежденный въ княженіе Великаго Князя Іоанна Васильевича, при Митрополитѣ Геронтіѣ, 1480 года, въ воспоминаніе того, что войска Іоанновы сошлись при рѣкѣ Угрѣ съ войсками царя большія Орды Ахмета, и одержали побѣду. Хотя въ могущественной душѣ Іоанна уже было намѣреніе свергнуть иго Татарское; однако, до 1480 года, это хранилось еще втайнѣ и прикрывалось разными благовидными причинами. 1480 года Ахметъ отправилъ въ Москву пословъ требовать дани. Тогда Іоаннъ, по прежнему обыкновенію Князей, вышелъ встрѣтить пословъ, но вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, на соболяхъ прочесть грамоту и съ честію принять басму, взялъ оную просто, изломалъ, бросилъ на землю, растопталъ ногами и велѣлъ убить пословъ, оставя только одного для извѣщенія Ахмета о пріемѣ посольства. Обиженный Ахметъ, заключивъ союзъ съ Казимиромъ, Королемъ Польскимъ, двинулся на Россію. Менгли-

Гирей, другъ и союзникъ Іоанновъ, напалъ въ это время на Подолію, и тѣмъ отвлекъ Короля отъ содѣйствія Ахмету. Уже собрались въ Столицѣ воины Русскіе и выступили къ Коломнѣ. Іюня 23 прибылъ къ войску Великій Князь и принялъ начальство надъ войскомъ. Оба воинства сошлись на Угрѣ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ рѣка начала покрываться льдомъ, и Іоаннъ приказалъ своему войску отступить къ Кременцу, дабы заманить врага на поля Боровскія и тутъ поразить его. Но Ахметъ 7-го Ноября обратилъ тыломъ полки свои и убѣжалъ въ свои улусы, разграбивъ только 12 городовъ Польскихъ. Это обстоятельство дѣлаетъ честь уму Іоанна: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмета отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но лѣтописцы славятъ единственно милость Божію, и говорятъ: Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію! Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость государства. Народъ веселился; а Митрополитъ установилъ особенный ежегодный Праздникъ Богоматери и Крест-

ный ходъ Іюня 23, въ память освобожденія отъ ига Монгольскаго. Это было концемъ нашей зависимости отъ Татаръ.

Въ Срѣтенскій же монастырь бываетъ Крестный ходъ изъ Успенскаго собора 26-го Августа, установленный въ воспоминаніе Срѣтенія святаго образа Богоматери, принесеннаго изъ Владиміра по повелѣнію Великаго Князя Василія Димитріевича въ 1395 году и спасенія Княжества Московскаго отъ нашествія Тамерлана. Побѣдоносный Тамерланъ, гоняясь за Тахтамышемъ, вступилъ въ Россію юго-восточную, взялъ Елецъ и шелъ берегами Дона къ верховью этой рѣки. Вѣсть объ этомъ страшномъ завоевателѣ скоро пробѣжала по всей Россіи и повергла ее въ ужасъ; но достойный сынъ Димитрія не устрашился ни угрозъ Тамерлана, ни многочисленности его воиновъ: приказалъ собрать ополченіе и пошелъ встрѣтить врага грознаго. «Ожидали такого же общаго разрушенія, говоритъ знаменитый Исторіографъ нашъ, какое за 160 лѣтъ предъ тѣмъ было жребіемъ государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но Великій Князь бодрствовалъ въ совѣтѣ Бояръ мудрыхъ,

и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія: не устрашась ни славы Тамерлана, ни 400,000 Монголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами, велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенные дни, когда герой Донской ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донской противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.»

«Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверсты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ алтарями и постился. Митрополитъ училъ его и вельможъ христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему Столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобъ онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы

Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаръ. Сіе достопамятное перенесеніе славнаго въ Россіи образа изъ древней въ новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! спаси землю Рускую!* Жители Владимірскіе провожали икону съ горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, Епископы и все духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами, за ними Владиміръ Андреевичъ Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на Кучковѣ полѣ, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій; увидѣвъ оную вдали, пали ницъ и въ радостномъ предчувствіи уже *благодарили* Небо. Поставили образъ въ Соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя.»

«Тамерланъ, плѣнивъ владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефединнъ, любя хвалить добродѣтели своего героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами

поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ идти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ югу и вышелъ изъ Россійскихъ владѣній. Безъ сомнѣнія, не одно смѣлое, великодушное ополченіе Князя Московскаго произвело сіе удивительное для современноковъ дѣйствіе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагатайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею, и навьючили верблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами, драгоцѣнными кусками тонкаго полотна Антіохійскаго и Русскаго; однакожъ вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворили ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію, лѣсистой, скудной паствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступила дождливая осень: съ людьми, обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ, благоразумно ли было идти далѣе къ сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ, довольно

многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ природою и торговлею, славныхъ въ исторіи міра, плѣнило воображеніе Тамерлана. Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.»

«Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный Государь могъ бы приписать спасеніе отечества валикодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъ-естественной, и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковѣ полѣ*: ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимірскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26-го Августа въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.»

8-го Іюля въ день явленія образа Пресвятыя Богородицы во городѣ Казани — въ Казанскій соборъ. Крестный ходъ этотъ учрежденъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича при Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ въ честь явленія образа Богородицы въ городѣ Казани, бывшаго въ 1579 г., и въ возблагодареніе Бога силъ за благополучное вступленіе Михаила Ѳеодоровича на престолъ Россійскій. Въ Казанскій соборъ бываетъ крестный ходъ еще 22-го Октября въ память избавленія Москвы и Россіи отъ плѣненія Литвы и Поляковъ, въ 1612 году, помощію и заступленіемъ Богоматери. Эта Святая икона была при рати Князя Пожарскаго, во время освобожденія имъ Москвы, и поставлена сперва въ приходскую его церковь Введенія на Лубянкѣ, а потомъ въ устроенную имъ же церковь во имя ея, то есть въ Казанскій соборъ, въ которомъ находится и донынѣ.

20-го Іюля, въ день Иліи Пророка, Красная площадь бываетъ свидѣтельницею малаго крестнаго хода изъ Успенскаго собора къ церкви Иліи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ. Ходъ этотъ установленъ по слѣдующему случаю: въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, въ бывшую въ Москвѣ двухъ-лѣтнюю засуху, учрежденъ былъ крестный ходъ изъ собора къ церкви Иліи Пророка, что на Новгородскомъ

подворьѣ; но когда церковь эта сгорѣла, то въ память избавленія отъ вышеупомянутой засухи положено производить его къ церкви Иліи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ.

Въ ближайшее къ 11-му числу Октября Воскресенье, Красная площадь видитъ большой крестный ходъ вокругъ Кремля, въ память очищенія Москвы отъ Французовъ. Бѣдствія Европы отъ безмѣрнаго властолюбія властителя Франціи возбудили вниманіе Отца отечества. Благословенный Александръ явился покровомъ и защитою человѣчества. 1809 года 9-го Декабря Москва увидѣла въ стѣнахъ своихъ Миротворца на Эрфуртскомъ конгрессѣ и наслаждалась лицезрѣніемъ Покорителя непреодолимой крѣпости Измаила; 10-го Декабря — Онъ изволилъ осматривать Московскій Университетъ, учрежденный Прабабкою Его Императрицею Елисаветою Петровною и имъ облагодѣтельствованный: но 12-го Іюня 1812 года враги вторгнулись въ области Россійскія; властолюбивый Наполеонъ, давно уже замышлявшій гибель отечеству нашему, съ полумилліоннымъ войскомъ двадесяти языкъ, ознаменовавъ путь свой, подобно Батыю, Тамерлану и другимъ древнимъ врагамъ Россіи, кровію и пепломъ, шелъ пря-

мо къ сердцу Россіи—Москвѣ. Событія Москвы, къ сему времени относящіяся, останутся вѣчнымъ памятникомъ милосердія Божія, любви народа къ отечеству и престолу, приверженности къ вѣрѣ. Съ мыслію о великомъ завоевателѣ Европы—Наполеонѣ, является мысль о мудрости великаго Вождя Михаила Иларіоновича Кутузова Голенищева Смоленскаго, а между тѣмъ щемитъ сердце при памяти, какъ тщетны замыслы человѣческой гордости. Сколько пролито крови человѣческой, сколько сдѣлано пороковъ и преступленій отъ начала міра, — невозможно, нѣтъ средствъ и исчислить, и все это для одной минуты самолюбія. Почтеннѣйшей издатель Русской Исторіи С. Н. Глинка, какъ очевиденъ и какъ человѣкъ, имѣвшій связи съ дѣятелями въ спасеніи отечества, подробно описываетъ намъ вступленіе Французовъ въ столицу, бѣдствія ея и наконецъ оставленіе ея врагами.

Не знаю, какъ кому нравится это описаніе; но мнѣ кажется, что нельзя достойнѣе изобразить картины вступленія Наполеона въ Москву и ея бѣдствія, какъ онъ изображаетъ:

«11-го Іюля (1812) получено въ Москвѣ воззваніе Государя къ первопрестольной столицѣ, отправлен-

ное отъ 6-го числа изъ Полоцка. Въ тотъ же самый день повѣщено, что Государь прибытіемъ своимъ осчастливитъ древнюю столицу».

«Сильно были поражены Московскіе жители вѣстію о предстоявшей опасности всему отечеству; но мысль, что чрезъ нѣсколько часовъ увидятъ Государя, сія сладостная мысль успокоила и наполнила восторгомъ души и сердца. Не во дни благоденствія познаются любовь и приверженность сердечная; гдѣ во дни злополучные горятъ души любовію и усердіемъ, тамъ непреоборимо владычествуетъ сердце и любовь. Государь Александръ Первый во дни ужаснѣйшихъ бѣдствій узрѣлъ торжественно, что онъ *Царь отечества*, *Царь душъ и сердецъ*».

«Съ утра уже множество народа спѣшило за *Дорогомиловскую заставу* на Смоленскую дорогу. Внутри города Священники, въ облаченіи и со крестами стояли у своихъ приходовъ, въ Успенскомъ соборѣ собралось первостепенное духовенство и знатнѣйшіе чиновники. Градоначальникъ Московскій поѣхалъ на встрѣчу Государя. Въ сіи часы радостнаго ожиданія едва ли кто помнилъ, что врагъ строптиво губитъ землю Русскую; всѣ пылали однимъ желаніемъ: — узрѣть скорѣе Помазанника Божія. Гдѣ всѣ

единодушны къ Богу и Царю, тамъ не торжество, но гибель врагамъ.»

«На Поклонной горѣ, по Смоленской дорогѣ, откуда древняя столица является во всемъ великолѣпіи, откуда Наполеонъ въ первый разъ увидѣлъ златоглавые верхи храмовъ Божіихъ, —увидѣлъ, чтобъ никогда уже не видѣть ни славы, ни торжествъ: на Поклонной горѣ сидѣло множество отдыхающаго народа. Иные, уклонясь съ дороги, расположились подъ тѣнью деревъ и перечитывали другъ другу воззваніе къ первопрестольной столицѣ. Между тѣмъ, какъ каждый отъ сего отеческаго воззванія кипѣлъ гнѣвомъ противъ врага лютаго и ревновалъ вѣрною грудью стать за градъ первопрестольный, вдругъ пронеслась отъ заставы вѣсть, что *усердные Московскіе обыватели хотятъ изъ коляски Государевой выпрячь лошадей и несть на плечахъ до самаго Кремля.* Безъ всякаго посторонняго внушенія, жители, отдыхавшіе на Поклонной горѣ и въ рощѣ, единодушно воскликнули: *не уступимъ: мы впереди, мы прежде поспѣшимъ; мы на себѣ понесемъ коляску Государеву. Ура! впередъ!* Съ симъ словомъ двинулось нѣсколько сотъ впередъ. Веселясь, что они скорѣе другихъ изъявятъ свое усердіе, при появленіи вдали кареты или коляски, радостно возглашали: ура! и не шли, но

летѣли. Начинало уже смеркаться; на тринадцатой верстѣ отъ заставы узнали отъ проѣзжихъ изъ села Перхушкова, гдѣ Государь изволилъ отдыхать, что Его Величество на другой день осчастливитъ Москву своимъ присутствіемъ... Одиннадцатаго Іюля одно только горестное чувствіе посѣтило сердце Московскихъ жителей, то, что они нѣсколькими часами позже увидятъ Царя милосердаго.»

«Все то, что относится къ изъявленію народнаго духа, все то достойно вниманія: Крестьяне деревни *Филей* или села *Покровскаго*, находящагося въ трехъ верстахъ отъ заставы, по коренному Русскому обычаю, желая встрѣтить Государя съ *хлѣбомъ* и *солью*, послали двухъ гонцевъ верхами въ Перхушково. Гонцы свое дѣло исполнили, поспѣли увѣдомить, что Государь выѣхалъ; и хотя уже былъ двѣнадцатый часъ ночи, но Священникъ Покровскаго села Григорій Гавриловъ имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на Поклонной горѣ. Священникъ былъ въ облаченіи, со крестомъ на блюдѣ; престарѣлый Діаконъ держалъ свѣчу, разливавшую блескъ среди ночи. Государь, ѣхавъ въ открытой коляскѣ, при семъ благоговѣйномъ зрѣлищѣ, тотчасъ приказалъ остановиться, изъ рукъ Священника принялъ блюдо со крестомъ и приложился съ глубокимъ вздохомъ. Царь Русской скорбѣлъ о на-

родѣ своемъ; Царь Небесный услышалъ воздыханіе Своего Помазанника и спасъ Царя и царство.»

«При встрѣчѣ Государя читаны стихеры Пасхи: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.* По ангельской и своей скромности, Государь уклонился *одиннадцатаго Іюля* отъ торжественныхъ народныхъ кликовъ, въѣхалъ подъ мракомъ ночи въ столицу предковъ и остановился въ Кремлевскомъ Дворцѣ».

«12 Іюля—день знаменитой появившейся на опытѣ любви народной къ Монарху—описывается такъ:—12 Іюля съ восходомъ солнечнымъ жители Московскіе начали стекаться въ Кремль. Тысячи народа шли за тысячами, на площади не оставалось и ступня земли. Старцы воздвиглись съ одровъ желеніемъ узрѣть своего Царя, и матери съ младенцами безбоязненно тѣснились между безчисленными сонмами. Въ сей день каждый страшился только того, чтобы не опоздать къ тому мгновенію, когда выдетъ изъ древнихъ Царскихъ чертоговъ Царь православный, прибывшій съ полей битвъ къ отрадѣ общенародной. Казалось, будтобы и природа согласовалась съ движеніемъ радостныхъ сердецъ: солнце въ полномъ блескѣ сіяло; но въ сей день, въ сіи часы, очи и души всѣхъ

обращены были къ другому свѣтилу: къ Царю-отцу, который подъ мракомъ грозныхъ тучъ озарялъ свое царство надеждою на Бога и довѣренностію къ отечеству. Вышелъ Царь Русской изъ палатъ предковъ своихъ; какъ Ангелъ Божій явился народу на Красномъ крыльцѣ. Раздался звонъ колокольный; воскликнули сотни тысячъ голосовъ: *да здраствуетъ Царь Государь!* полетѣли шапки на воздухъ.... Съ радостными возглашеніями—ура! мѣшались слезы и рыданія. Восторгъ, жалость, любовь къ Царю кроткому, гнѣвъ къ врагу лютому, волновали души и сердца. Тысячи людей Русскихъ, въ слезахъ и рыдая, кричали отъ избытка душевнаго: веди насъ Царь, Государь! умремъ, или истребимъ злодѣя!.... Съ того времени, когда Божіи Помазанники воцарились надъ народами, съ того самаго времени никто изъ Царей, нигдѣ и никогда не былъ такъ встрѣченъ и привѣтствуемъ, какъ встрѣченъ былъ нашъ Царь, отецъ подданныхъ и Царь сердецъ.

Что ощущало тогда сердце Царя Русскаго! Ему и Богу только извѣстно. Привѣтствуемый торжественными кликами, Государь остановился на Красномъ крыльцѣ; нѣсколько мгновеній очи и сердце его обтекали сонмы народа вѣрнаго; потомъ шествовалъ къ Успенскому собору, и неоднократно останавливаемъ

былъ порывами ревности и усердія. Иные припадали къ стопамъ Государя, другіе хватались за одѣяніе, и всѣ близъ-стоявшіе со слезами восклицали: *Отецъ нашъ, Ангелъ нашъ! да сохранитъ тебя Богъ!*»

«Звонъ колокольный продолжался; клики народные гремѣли неумолкно....»

«Преосвященный Августинъ, знаменитый витія, Викарій Московскій, во внутренности храма Божія повторилъ Государю въ разительныхъ изрѣченіяхъ то, что происходило въ сердцахъ народа при встрѣчѣ Царя-отца. *Тамъ*, вѣщалъ духовный ораторъ:—*тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, ты мещешь перуны на дерзкаго врага, — здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ тебѣ и отечеству; тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной Россіи; тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь.* Въ сей день совершалось молебствіе о замиреніи съ Турціею. Государь самъ былъ благовѣстителемъ мира. . . .

«Выходъ Государя изъ Успенскаго собора новыми сопровождался кликами. Всѣмъ казалось, всѣ были убѣждены, что Царь Богобоязненный, поклонившійся

гробамъ предковъ своихъ, приложившійся къ Святымъ мощамъ, изъ стѣнъ храма Божія выводитъ съ собою спасеніе отечества.... зрѣлище неописанное, зрѣлище, какимъ въ одной землѣ Русской можетъ наслаждаться Царь Благовѣрный; но и въ Русской землѣ едвали когда было подобное зрѣлище: единодушное только избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова можетъ сравниться съ сими восхитительными часами. Сколь судьбы Божіи неисповѣдимы! За 200 лѣтъ предъ симъ, сынъ Митрополита Филарета, Михаилъ I-й, возставилъ отечество, врагами разоренное; чрезъ 200 лѣтъ потомокъ Михаила, Александръ Первый, удержалъ упадающее отечество и спасъ народъ, которому коварный и лукавый врагъ несъ вѣчныя цѣпи, вѣчный позоръ.»

«Всѣ часы, всѣ мгновенія двѣнадцатаго Іюля ознаменовались усердіемъ и любовію народной.»

«Обыватели Московскіе всякаго званія, лѣтъ и пола, взошедъ на *Красное крыльцо*, обступили всѣ окна, и пока продолжался столъ, не спускали глазъ съ Государя. Они радовались, они восхищались, видя Русскаго Царя вкушавшаго *хлѣбъ-соль* въ палатахъ предковъ и въ первопрестольной столицѣ. Когда хо-

тѣли отдалять народъ, Государь говорилъ: *не троньте! не троньте!* По сему случаю одинъ почтенный любитель отечества сказалъ: *въ одной только Москвѣ можно насладиться столь восхитительнымъ сближеніемъ народа съ Государемъ. Добрые Русскіе Цари такимъ образомъ строили свои палаты, чтобы они могли всѣхъ видѣть и чтобы и люди Русскіе ихъ видѣли и къ нимъ приближались, какъ дѣти къ отцамъ.*

«Въ двѣнадцатый день Іюля 1812 года на Красной площади, въ виду древнихъ чертоговъ, предъ лицемъ Божественныхъ храмовъ, гдѣ почіетъ прахъ Русскихъ Царей, въ стѣнахъ Кремля, воспріялъ новое пораженіе *Наполеонъ кровожадный.* На *Красной площади*, предъ лицемъ Царя благочестиваго, предъ лицемъ священныхъ соборовъ изрекъ народъ православный клятву: *или умереть, или истребить врага нечестиваго!...*

«15-го Іюля повѣщено было дворянству и купечеству въ девять часовъ утра собраться въ Слободскомъ Дворцѣ въ двухъ различныхъ комнатахъ. Стеклось множество дворянъ и гражданъ, готовыхъ, въ нуждѣ отечества, не только отречься отъ своихъ выгодъ, но и нужды свои забыть.

«Блаженъ Царь, любимый народомъ! Блаженъ и народъ, управляемый Царемъ природнымъ! Народъ ввѣряетъ души свои Помазаннику Божію: «сей посредникъ между Богомъ и его людьми открываетъ всю душу, все сердце свое народу вѣрному, народу православному!... Прибывъ во дворецъ, Государь тотчасъ пошелъ въ Дворцовую церковь, гдѣ совершаемо было молебствіе для испрошенія покровительства Небеснаго. Моленія Царя-отца за народъ, подвластный ему сердцемъ и душею, — такія моленія восходятъ къ престолу Царя Царей, Заступнику правоты и Карателю насильства.

«По окончаніи молебствія, Государь посѣтилъ купеческое сословіе. При воззрѣніи на лица вѣрныхъ Московскихъ гражданъ, наполнилось жалостію отеческое сердце Александра Перваго. Государь началъ говорить, и съ произношеніемъ перваго слова слезы покатились на очахъ его. Сильною священною ревностію закипѣли сердца всѣхъ гражданъ. Слезы Царя о народѣ суть безцѣнный даръ! Градской Голова, одушевленный ревностію, воскликнулъ: Государь! мы всѣ готовы тебѣ жертвовать имуществомъ и жизнію. И въ то же мгновеніе начались пожертвованныя подписки.

«Въ Дворянскомъ и Купеческомъ собраніи, еще до прибытія Государя во Дворецъ читанъ былъ Высочайшій Манифестъ Государственнымъ Секретаремъ .... *Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ.* Когда же все купечество воспалялось соревнованіемъ въ пожертвованіяхъ, Московскій Градоначальникъ вошелъ въ Дворянское собраніе и, указывая на купеческую комнату, сказалъ: *вотъ откуда будутъ щедрые дары на содержаніе ополченія; а намъ предоставилъ Государь выставить воиновъ.* Гдѣ души готовы на пользу отечества, тамъ не нужны многорѣчивыя пренія. Посовѣтовавшись между собою, усердные Дворяне сказали: *все, что имѣемъ, принадлежитъ Государю и отечеству. Надо отдать все; предлагаемъ въ ополченіе съ 10 душъ одного.* Вскорѣ прибылъ Государь, и въ рѣчи своей изъяснилъ, что хотя онъ никогда не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но при семъ случаѣ рвеніе дворянства превзошло даже его ожиданіе, и заключилъ сими словами: *время всего дороже.* По отбытіи Государя изъ Дворца, Московскій Градоначальникъ читалъ начертаніе о составленіи и вооруженіи *ополченія.* Немедленно учредились два Комитета, одинъ для пріема новыхъ защитниковъ отечества, другой для пріема пожертвованій, приносимыхъ на алтарь отечества».

«Со взятія Смоленска (занятаго Наполеономъ 6-го Августа) началось переселеніе Русскихъ въ Россію. Съ родныхъ пепелищъ множество престарѣлыхъ отцовъ семействъ, поруча себя Божію произволу, пустились — куда глаза глядятъ. Сыны ихъ сражались съ врагами, а они въ скорби о родинѣ, въ скорби о сынахъ, скитались по обширной Россіи. Иные, *старцы Смоленскіе*, умерли въ дорогѣ, лишась послѣдняго утѣшенія — лечь на кладбищѣ праотеческомъ!

«Нельзя описать картины, представленной въ Москвѣ пріѣздомъ семействъ, изгнанныхъ врагами изъ ихъ жилищъ. Въ сіи дни всеобщаго сѣтованія еще болѣе стали сближаться сердцами. Вихрь забавы и утѣхъ увлекаетъ другъ отъ друга; скорбь и чужихъ и своихъ сближаетъ. Нѣкоторые Смоленскіе помѣщики, жившіе въ Москвѣ во время ликованій Московскихъ, по *свѣтскимъ недосугамъ* едвали когда встрѣчали одинъ другаго; тогда каждый искалъ соучастника въ горести по родинѣ. Незабвенны будутъ безкорыстныя вспомоществованія, оказанныя добрыми сердцами *братьямъ страдальцамъ!* Мы узнали все горе, всю скорбь по *родной сторонѣ;* будемъ жить для *своихъ*, и чужіе не дерзнутъ нарушать миръ и счастіе нашихъ пепелищъ.

«Каждый часъ на улицахъ отъѣзжающіе. Изъ Минска, изъ Витебска и другихъ городовъ нѣкоторые Русскіе чиновники шли пѣшкомъ съ женами и дочерьми, но они еще были счастливы: они успѣли спасти и женъ и дочерей. Другіе, въ неутѣшной скорби, выѣхали или выбѣжали, не имѣя даже времени проститься съ домашними. Одинъ изъ сихъ несчастныхъ отцевъ, оставя нечаянно въ Витебскѣ жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей, записался въ Московское ополченіе. *Если Богъ не соединитъ меня съ семействомъ*, говорилъ онъ, *пусть по крайней мѣрѣ умру за отечество!* И въ тоже самое время *Наполеонъ* о выходцахъ изъ городовъ, занятыхъ Французами, вопіялъ: *Русскіе варвары; Русскіе бѣгутъ отъ меня въ мразныя страны Сибири....*

«Москва часъ отъ часу пустѣла; начальство, неусыпное о спокойствіи жителей, часъ отъ часу усугубляло дѣятельность и осторожность; благодаря Богу, Царю и Московскому начальству, *ни одно семейство*, жившее въ Москвѣ до втораго Сентября 1812 года, то есть до входа враговъ въ древнюю Русскую столицу, ни одно семейство не было потревожено и обезпокоено внутри Москвы.

«Присутственныя мѣста отправлялись; вывозили казенныя вещи и все, что можно было вывезть изъ

монастырей и церквей. Наружное благолѣпіе храмовъ Божіихъ, то, что ежедневно было у всѣхъ въ глазахъ, оставалось въ прежнемъ видѣ. Совершеннымъ опустошеніемъ церквей опасались взволновать умы народа, а притомъ нужно было не открывать врагу того, что надлежало отъ него *таить*... Между прочимъ я слышалъ, что покойный Преосвященный Платонъ сказалъ: если рука нечестивцевъ прикоснется къ образамъ Божіимъ, они погибнутъ!

«Вмѣстѣ съ выходцами Смоленскими прибылъ въ Москву образъ Смоленской Божіей Матери. Переселеніе образовъ поражало души и сердца. 26-го Августа, въ достопамятный день битвы *Бородинской*, изъ Успенскаго собора вынесли Смоленскую Божію Матерь для препровожденія далѣе. Обыватели, стоявшіе на площади предъ соборомъ, съ слезнымъ рыданіемъ припадая къ образу, восклицали: *и Ты, наша Заступница! и Ты насъ оставляешь!*... Различные слухи носились по городу; раждалось какое-то недовѣріе другъ къ другу, даже непріязнь. Болѣе столѣтія нога иноплеменника не была на землѣ Русской: внутренняя война взволновала умы и души. . . .

«Съ приближеніемъ *Наполеона* къ Москвѣ усиливалось негодованіе Русскихъ противъ Французовъ.

Московскій Градоначальникъ, дорожа честію Русскихъ и не желая, чтобы и въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ первопрестольной столицы, народъ предался какому-нибудь излишеству, рѣшился заблаговременно удалить нѣкоторыхъ Французовъ, жившихъ въ Москвѣ.

«27-го числа, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи Московскаго Начальства погребенъ въ Донской обители Генералъ-Майоръ *Красновъ*, смертельно раненый подъ Колоцкимъ Монастыремъ.

«Послѣ Бородинской битвы слабые лучи надежды мелькали и мгновенно изчезали. Разносились радостныя вѣсти, но скорбь тяготила души. Между тѣмъ, чтобы дать время оттянуться къ Москвѣ казеннымъ и частнымъ обозамъ, чтобы спасти сколько возможно раненныхъ, Русскія войскау держивали *шесть дней* сильный напоръ враговъ, къ которымъ подоспѣли свѣжія полчища послѣ Бородинскаго дѣла.

«Какое жалостное зрѣлище представляла Москва въ послѣдніе дни Августа! Тысячи повозокъ тянулись съ раненными; воины, еще не обсохлою кровію обагренные, лишенные рукъ и ногъ, страдали, но не роптали. Московскій градоначальникъ и въ сіи слез-

ныя минуты, зная доброту Русскаго сердца, увѣщавалъ обывателей посѣщать раненныхъ, кормить, одѣвать и облегчать ихъ болѣзнь христіанскимъ соболѣзнованіемъ. Добродушные обыватели со всѣхъ рынковъ цѣлые лотки калачей и хлѣба несли раненнымъ. Московскій градоначальникъ самъ нѣсколько разъ навѣщалъ раненныхъ, къ каждому подходилъ, каждаго разспрашивалъ, и съ изобиліемъ снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ, говорилъ: на здоровье ребята! Государь вамъ жалуетъ! Послѣднее свое гостепріимство, послѣднюю свою *хлѣбъ-соль*, предложила Москва раненнымъ своимъ братьямъ, вѣрнымъ слугамъ Царя и отечества.

«Изъ стана Русскаго приходили разныя вѣсти. Между прочимъ говорили, что будетъ выжжено Смоленское предмѣстіе для построенія батарей. Въ сіе время и въ войскѣ такъ были увѣрены о сраженіи подъ стѣнами города, что нѣкоторые изъ лагеря отправляли пожитки свои въ Москву, какъ въ безопаснѣйшее мѣсто. Въ ночь 31 Августа подъ Москвою запылали огни военные, которые, соединясь съ пожарами окрестныхъ деревень, среди мрака и темноты осіявали небо обширнымъ заревомъ. Наканунѣ, 30 Августа, Московскій градоначальникъ издалъ воззваніе къ Московскимъ поселянамъ въ томъ, что имъ

надлежало дѣлать для первопрестольной столицы, для матери, питавшей и хранившей чадъ своихъ. Не успѣла составиться особенная дружина, но, по нагломъ входѣ враговъ въ Москву, сосоставились тысячи Московскихъ дружинъ. Гдѣ же были сіи дружины? Вездѣ, гдѣ только были поселяне, вѣрные Богу, Царю и отечеству. Но симъ поселянамъ надлежало внушить предварительно о возстаніи на враговъ. Для сего разосланы были нарочные по окрестнымъ деревнямъ. Во имя Бога и Царя и тогда уже множество поселянъ съ разныхъ сторонъ готовы были идти на защиту матери городовъ Русскихъ.

«Внезапное появленіе по большимъ дорогамъ множества каретъ и повозокъ волновало умы жителей селъ и деревень. Въ жалости сердечной по Москвѣ и въ досадѣ, что ее оставляютъ, *выходцовъ Московскихъ* называли *измѣнниками*. Нельзя укорять за сей упрекъ; кому не жаль было Москвы? Но изъ нашихъ слезъ, изъ нашей скорби по столицѣ первопрестольной, возникли спасеніе отечества, Европы и человѣчества!....

«Въ Воскресенье, 1 Сентября, все уже было въ смятеніи. Наканунѣ изъ Драгомиловской или Смоленской заставы часто проскакивали конные чиновники, крича народу: спасайтесь! спасайтесь! Обозы воин-

скіе шли безпрестанно: лавки запирались, улицы и домы пустѣли. Въ обширной Москвѣ, въ столицѣ *прихотливой роскоши*, не можно было найдти даже и самаго необходимаго для жизни. Какая противуположность!.... лошадей нельзя было нанять ни за какія деньги; и за двѣ уже недѣли за тройку лошадей на пятьдесятъ и шестьдесятъ верстъ платили по *полутораста* рублей. Такое обстоятельство не важно было бы въ другое время; но оно важно стало потому, что показываетъ причину, отъ чего не всѣ Московскіе жители имѣли способъ выѣхать заблаговременно. Въ достопамятный день 1-го *Сентября*, по случаю новыхъ распоряженій непріятеля, пустившаго *двѣ новыя колонны по Звенигородской и Калужской дорогамъ*, составился военный совѣтъ подъ стѣнами Москвы. Рѣшено: провести войска Русскія чрезъ Москву. Въ десять часовъ пополудни получило о томъ свѣдѣніе Московское начальство. Какъ же было повѣстить, чтобы всѣ немедленно изъ Москвы выѣзжали? Ударить ли *въ набатъ!* Но что бы произвелъ въ Россіи первый набатный Московскій колоколъ? Пусть рѣшатъ сей вопросъ тѣ, которые берутся распоряжать *прошедшимъ*. А чтобы ни по какому случаю не было *набатнаго шуму*, въ разсужденіи того, Московское начальство взяло всѣ предварительныя и всѣ нужныя мѣры. Отъ сей предварительной мѣры даже и 2 *Сен-*

тября, когда врагъ вступалъ въ Москву и когда, по словамъ простолюдиновъ, *пошла вольная попойка,* въ стѣнахъ осиротѣвшей Москвы все было тихо и покойно.

«Въ десять часовъ утра 2-го Сентября войско Русское вступило въ Москву и проходило чрезъ нее, для избавленія Россіи и для спасенія Европы отъ ига лютаго злодѣя. На челѣ великаго Русскаго Полководца, на лицахъ Русскихъ героевъ изображались скорбь и сокрушеніе: по пятамъ ихъ шелъ врагъ разрушитель! Тѣ, которые любопытствовали о переходѣ войскъ, получали въ отвѣтъ: *мы идемъ* въ обходъ. Куда же? Этого никто бы не сказалъ и сказать бы не могъ. Общее воинское распоряженіе извѣстно *одному* или *нѣкоторымъ*. Когда чрезъ Драгомиловскій мостъ и въ бродъ прошло войско, братья мои и я возвратились домой. Часовъ около трехъ пополудни услышали крикъ: Французы идутъ! Къ счастію, лошади наши были осѣдланы; *съ Благовѣщенія Бережковъ* пробрались мы переулками на Пречистенку. Тамъ встрѣтили послѣдніе Русскіе полки, въ числѣ коихъ находился и Либавскій полкъ (въ которомъ служилъ братъ мой, раненный подъ Бородинымъ); мы пристали къ сему полку.

«Наступалъ часъ вечеренъ, нигдѣ не слышно было звона колокольнаго; мрачное безмолвіе повсюду царствовало. Встрѣчая у нѣкоторыхъ домовъ старыхъ господскихъ слугъ, мы говорили имъ: *уходите изъ Москвы; непріятель взошелъ.* Они же отвѣчали: *не пойдемъ, мы должны охранять домы своихъ господъ: мы за тѣмъ и остались.* Подъѣзжая къ Кремлю набережною Москвы-рѣки, увидѣли новое поразительное зрѣлище: старики, женщины и отроки несли ружья и сабли. Мы спросили: *гдѣ они взяли оружіе и куда несутъ!* Общій отвѣтъ былъ: *мы взяли оружіе въ Арсеналѣ и несемъ по домамъ, чтобы бить Французовъ.* Въ истинѣ сихъ словъ свидѣтельствуюсь всѣми чиновниками Либавскаго полка.

«Москва не была сдана Наполеону ни на какихъ *опредѣлительныхъ условіяхъ;* онъ пущенъ въ нее для погибели буйныхъ своихъ полчищъ. Я слышалъ въ тотъ же день, когда непріятель вошелъ въ Москву, что Генералъ Милорадовичъ, остановя передовыя Французскія войска, сказалъ: *если будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, пока всѣ полки Русскіе не пройдутъ чрезъ Москву, то Русскіе станутъ драться въ улицахъ.* Перестрѣлка началась тогда, когда за Рогожскою заставою и въ другихъ мѣстахъ вытянули цѣпи для прикрытія отступленія. Вольно было

Наполеону устроенное отступленіе назвать *бѣгствомъ;* вольно ему было мечтать, будто бы входомъ въ опустѣлую Москву завоюетъ Россію, Европу и вселенную!

«Послѣдніе Русскіе полки расположились на ночлегъ въ пяти верстахъ отъ Москвы. Какая была противуположность между Русскими войсками и полчищами *Наполеона*! Въ сіи часы торжественно ознаменовалась сила устройства, порядка, повиновенія и любви Русскихъ къ Царю и отечеству. Оглядываясь съ жалостію сердечною на горящую Москву, воины горестно восклицали: «горитъ матушка Москва, горитъ!»

«При первомъ пламени Москвы воспылала въ сердцахъ воиновъ Русскихъ непреодолимая ревность отмстить за матерь Русскихъ городовъ, отмстить за вѣру и отечество!

«Изъ Москвы удалилось все начальство, кромѣ начальника Воспитательнаго Дома. Древняя столица осиротѣла!

«Долгомъ поставляю сказать почтеннымъ читателямъ, что все то, что помѣщаю о Наполеонѣ и о Францу-

захъ слышалъ отъ вѣрныхъ людей, или заимствовалъ изъ бумагъ, оставшихся въ Москвѣ послѣ враговъ.

«Передовыя войска *Наполеона* вступили въ Москву и Кремль 2-го Сентября. Въ стѣнахъ Кремля Московскіе обыватели привѣтствовали Французовъ ружейными выстрѣлами изъ *Арсенала;* неизвѣстный ратникъ Московскаго ополченія, принявъ за *Наполеона* одного богато-наряженнаго Французскаго чиновника, бросился на него и поразилъ *пикою.* Воинъ поселянинъ на мѣстѣ палъ отъ ударовъ непріятельскихъ.

«Какъ удивились Французскія шайки, видя, что въ цѣломъ городѣ ихъ никто не встрѣчаетъ! Извѣстно, что во всѣхъ Европейскихъ областяхъ (кромѣ Испаніи) изъ городовъ, изъ мѣстечекъ, изъ деревень навстрѣчу къ нимъ выходили старшины, учтиво привѣтствовали, приготовляли все, чего Французы требовали, и даже выносили къ нимъ оружіе, если они оное забывали съ просонья или въ торопяхъ!.... Избалованные такими пріемами, Французы думали, что они придутъ на все готовое, а притомъ *Наполеонъ* посулилъ имъ въ Москвѣ всѣ сладости земнаго рая. Въ темнотѣ ночной, шатаясь по улицамъ, какъ страшныя привидѣнія, бродя, куда глаза глядятъ, голод-

ные, запаленные, оборванные, изнуренные трудными переходами, Французы принуждены были стенящимъ голосомъ и униженно просить *хлѣба, водки и вина*. Тѣ же, которые успѣли дорваться до погребовъ, принялись опорожнять бутылки, пустились буйствовать и грабить. Изъ великолѣпныхъ домовъ вытаскивали стулья, столы, креслы и разставляли по улицамъ; разкладывали большіе огни и заводили пьяныя и развратныя игрища, какія едвали бываютъ у дикихъ, не знающихъ ни правъ, ни закона.

«Наполеонъ остановился у *Драгомиловскаго* моста; ждалъ ключей, ждалъ торжественной рѣчи; ждалъ покорности и поклоненія. На порабощеніи Русскаго духа основывалъ онъ успѣхъ всемірнаго обладанія. Богъ укрѣпилъ Русскихъ; съ шумомъ палъ кумиръ, боготворимый Европой, — палъ и съ нимъ пали всѣ замыслы высокомѣрія.

«Прождавъ цѣлую ночь, 3 числа, волею или неволею, мнимый обладатель вселенной на маленькой своей лошадкѣ поѣхалъ чрезъ опустѣлую Москву въ Кремль. Я слышалъ отъ очевидца, что въ сей самый день, неизвѣстно для чего, пригнали къ *Спасскимъ воротамъ* нѣсколько Русскихъ солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ.

«Раздраженный презрѣніемъ Русскихъ, и мечтая, что пламенемъ горящей Москвы вынудитъ миръ, Наполеонъ зажегъ Москву. По новому злоухищренію, домогаясь посѣять раздоръ и ненависть между Русскими, онъ учредилъ управу для *отысканія и наказанія зажигательства*.

«Какимъ образомъ Французы производили Русскихъ въ зажигатели? Вотъ примѣръ:

«Московскій *актеръ* Бобровскій, по нечаянности, по неимуществу и по болѣзни остался съ семействомъ своимъ въ Москвѣ. Отъ сосѣднихъ домовъ и тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ, обхватило пламенемъ. Въ двери нельзя уже было выдти; собравъ изнеможенныя силы отъ болѣзни, въ отчаяніи и изступленіи, Бобровскій схватываетъ беременную жену и младенца и выскакиваетъ изъ окна. Вдругъ обступили его Французы, крича: *вотъ зажигатель!* Ни рыданія жены, ни вопли младенца, ничто не могло смягчить злодѣевъ. Они повлекли злополучнаго мужа и отца къ безчеловѣчному судилищу; и Бобровскій погибъ!... О семъ плачевномъ происшествіи слышалъ я отъ вдовы невиннаго страдальца.

«Къ увѣнчанію неслыханныхъ въ мірѣ злодѣйствъ, Наполеонъ приказалъ на фонарныхъ столбахъ *Твер-*

скаго гульбища повѣсить трупы мнимыхъ зажигателей, съ надписью на челѣ: *Зажигатель Москвы.*

«*Наполеонъ* не злодѣйствъ страшился, но того только, что препятствовало ему достигнуть цѣли злодѣйства. Повторяю еще, что такими клеветами на Русскихъ, ему хотѣлось навсегда озлобить *Русскихъ* противъ *Русскихъ*. . . . Кто были членами судилища, доносчиками, свидѣтелями, судьями? Французы: *Французы* доносили, *Французы* судили, *Французы* умертвили Московскихъ страдальцевъ. Честь и слава Русскимъ! Въ нечестивое свое судилище не посмѣлъ *Наполеонъ* призвать ни одного Русскаго.

«Русскіе нигдѣ и никогда не угрожали *зажигательствами*. Екатерина Вторая за сожженіе одной Шведской деревни учинила строгій выговоръ. *Наполеонъ* вездѣ и всегда грозилъ огнемъ и мечемъ.

«Управитель Лессепсъ, не имѣя, чѣмъ *управлять*, по приказанію *Наполеона*, приступилъ къ учрежденію какого-то *муниципалитета*.

«Впрочемъ учрежденіемъ градской управы, которой члены первые голодали, не удалось ни созвать Русскихъ крестьянъ, ни добыть ни муки, ни крупъ,

ни сѣна, ни овса. Донесенія Частныхъ Наполеоновскихъ Приставовъ о томъ свидѣтельствуютъ.

«Отъ 17-го *Сентября* Частный Приставъ Шоренъ доноситъ: Новая Слобода выгорѣла до самой церкви Святаго Николая; церковь ограблена.

«Половина Воротниковъ уцѣлѣла; другая часть, изъ каменныхъ домовъ состоявшая, выгорѣла. Въ приходѣ *Пимена* остался Священникъ съ причтомъ; церковь ограблена; внутри живутъ солдаты 35-го полка.

«Все *Сущово* уцѣлѣло; церкви ограблены и заняты солдатами.

«Фабръ, Частный Приставъ Пречистенскій, отъ 18-го Сентября доносилъ: Хотя грабежъ *уменьшился* (уменьшился потому, что нечего уже было почти грабить), но все еще *продолжается*. (Грабежъ *продолжался* снятіемъ послѣдняго рубища съ Московскихъ страдальцевъ и отнятіемъ послѣднихъ крохъ).

«Хлѣбныхъ запасовъ нигдѣ не нашли.

«Жители не возвращаются.

«Отъ 18-го же Сентября, Морель, Приставъ первой Городской Части, доносилъ: вчера встрѣтилъ я тѣло убитаго обывателя. Лобъ прошибенъ и голова поранена. По недостатку людей, не могу прибрать тѣло.

«Надъ чѣмъ былъ начальникомъ сей Частный Приставъ части безлюдной? Какое кукольное Наполеоновское начальство!

«Частный Приставъ *Реми*, отъ 25-го Сентября, доносилъ: Завтрашняго числа начнется служба въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

«Во всей моей Части нѣтъ ни одного трубочиста.

«Въ обширной и многолюдной *Москвѣ*, въ той самой столицѣ, гдѣ были тысячи прислужниковъ *прихотливой роскоши*, тамъ, при Наполеонѣ, не стало даже трубочистовъ! Опасаясь лазить по чердакамъ, Французы не открывали трубъ и угорали. *Наполеонъ* угорѣлъ первый въ Москвѣ не отъ чаду печнаго, но отъ *чаду* безумнаго высокомѣрія.

«Къ увѣнчанію всѣхъ своихъ наглостей, Наполеонъ привезъ въ Москву множество *поддѣльныхъ бу-*

мажекъ; ими платилъ жалованье шайкамъ своимъ, и сими *ложными деньгами* надѣялся провести Русскихъ крестьянъ. Начальство Московское и внѣ Москвы рачительно наблюдало Москву и Наполеона; всѣ шаги, всѣ злоумышленія его были извѣстны.

«Московскій Градоначальникъ, отъѣхавъ отъ войска, когда оное переступило за границу Московскую, изъ Владиміра разослалъ по селамъ и деревнямъ посланіе къ Московскимъ крестьянамъ. Посланіе сіе не могло не подѣйствовать, ибо каждое слово заимствовано изъ сердецъ и душъ Русскихъ.

«6-го Октября одержаны двѣ побѣды, одна подъ *Тарутинымъ*, другая подъ *Полоцкомъ*. 7-го Октября въ пять часовъ утра Наполеонъ вышелъ изъ Москвы съ старою своей гвардіей. 10-го Октября Французы зажгли Винный дворъ и Кригскоммиссаріатъ. Октября 11-го въ два часа по полуночи взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Кремлевскій дворецъ зажженъ былъ уже въ 11-ть, при выходѣ Маршала Мортье, который чрезъ каменный мостъ пошелъ на Калужскую дорогу.

«Наполеонъ хотѣлъ и городъ и Кремль и на сто верстъ въ окрестностяхъ, все превратить въ пепелъ и прахъ; но священные Московскіе соборы, оставлен-

ные подъ сохраненіемъ Бога правосуднаго, устояли въ то самое время, когда по всѣмъ расчисленіямъ надлежало имъ быть грудою камней. Очевидцы разсказываютъ, что надъ соборами какъ будто бы разорвались облака и пролился необычайный дождь.

«Наполеонъ злоумышлялъ расторгнуть всѣ связи Москвы съ Россіею; истребить всѣ памятники святости и славы отечественной; ему хотѣлось, чтобы странникъ, влекомый къ древней столицѣ прежними воспоминаніями, съ содраганіемъ бѣжалъ отъ мѣстъ праха и опустошенія и съ скорбнымъ стономъ вѣщалъ бы: *нѣтъ уже матери городовъ; осиротѣла Россія!*

«*Въ Дѣвичьемъ монастырѣ* все уже было подготовлено къ подорванію. Покойный Протоіерей сей обители оставался въ Москвѣ и пересказывалъ, что при бѣгствѣ *Наполеона* одинъ французскій чиновникъ, который, вѣроятно, возгнушался злодѣйствомъ безполезнымъ, спросилъ Протоіерея: *на что онъ согласенъ: на то ли, чтобъ монастырь былъ зажженъ, или предмѣстье? Наполеонъ съ Воробьевыхъ горъ будетъ смотрѣть на пожаръ: приказа отмѣнить не могу: выбирайте*. Протоіерей сказалъ: хотя въ предмѣстьи мой домъ; защитите, пощадите только монастырь!

«Предмѣстье запылало; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близъ Дѣвичьяго зажжены были нѣсколько домовъ. Петровскій Дворецъ объятъ былъ пламенемъ.... Между тѣмъ Наполеонъ велъ полчища свои на смерть и гибель».

Вотъ вступленіе Французовъ въ столицу! Вотъ ея бѣдствія, описанныя Глинкою. Вотъ, наконецъ оставленіе Москвы врагами!

«Въ сіи дни, говоритъ С. Н. Глинка, какое ужасное зрѣлище представляла столица, не задолго до разоренія своего блиставшая роскошью и великолѣпіемъ! Въ обгорѣлыхъ чертогахъ Царей шумѣлъ вѣтръ пустынный; великолѣпіе храмовъ Божіихъ скрылось подъ чернотою пожарной; внутри являлись слѣды нечестиваго пребыванія враговъ вѣры и Россіи. Дерзновенные ругатели устроивали для коней своихъ стойла тамъ, гдѣ возносились алтари Господни! развалины осьми тысячъ домовъ тлѣли еще въ прахѣ. Гдѣ были прежде зданія великолѣпныя, тамъ представлялась пустыня, усѣянная остатками пожарными; гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ликовали на пиршествахъ, туда слетались станицы врановъ, разсѣявшихся отъ голодныхъ враговъ и появившихся послѣ ихъ бѣгства: въ обвалившихся стѣнахъ, сравнявшихся по-

чти съ землею, мелькали огни, освѣщавшіе полунагихъ страдальцевъ. Мы видѣли ничтожность всего земнаго, мы видѣли паденіе вѣковой столицы: какой урокъ!... Къ удивленію, быстро возобновились и убѣжища, гдѣ шумныя толпы народа веселились какъ будто не помня бури, недавно прошумѣвшей надъ ними. Но всего болѣе поражалъ видъ жителей, остававшихся жертвами въ плѣну враговъ. На истомленныхъ лицахъ ихъ свирѣпствовала мрачная скорбь, въ очахъ сверкалъ огнь отчаянія; ихъ можно было узнать съ перваго взгляда. Въ сіе время возродились недовѣріе и негодованіе: враговъ отечества не было въ Москвѣ, но мы сами сдѣлались врагами другъ другу. Ропотъ и укоризны невольно исторгались изъ устъ. Во всѣхъ странахъ свѣта послѣ необычайныхъ происшествій происходило необычайное расположеніе умовъ.

«Враги Россіи часъ отъ часу болѣе были гонимы отъ предѣловъ ея, но слѣды пребыванія двадцати иноплеменныхъ народовъ все еще не изгладились въ нашемъ отечествѣ. Къ разоренію городовъ и селеній присовокупились болѣзни. Въ Москвѣ многіе лишились ума во время томительнаго плѣна, другіе ощутили разслабленіе всѣхъ членовъ. Многіе старожилы Московскіе, въ домахъ которыхъ обитало гостепрі-

имство, не могли пережить прежняго своего существованія. Жилища ихъ перешли въ чужія руки, а они отошли во гробъ. Въ окрестностяхъ Москвы повальныя болѣзни свирѣпствовали повсемѣстно. Русскій врачъ *Воробьевскій*, пользовавшій сіи болѣзни, въ описаніи своемъ объ оныхъ между прочимъ говоритъ: пивши изъ одной чаши горестей, нанесенныхъ жителямъ Москвы врагами народа Русскаго, я имѣлъ несчастный случай быть свидѣтелемъ тѣхъ вредоносныхъ причинъ, которыя способствовали зарожденію болѣзней, съ немалою быстротою распространившихся въ уѣздѣ Московскомъ. Изъ таковыхъ дѣйствующихъ причинъ были: страхъ, ужасъ и отчаяніе, поселенные въ сердцахъ поселянъ со времени вторженія непріятельскаго до его бѣгства, печаль о величайшихъ всякаго рода потеряхъ, бѣдность, оттуда происшедшая, необходимость питаться сырыми огородными овощами и голодъ; вліяніе сырой и холодной осенней погоды, коей многіе изъ поселянъ подверглись, оставляя свои жилища и укрываясь по лѣсамъ и полямъ, почему оттого происшедшее остановленіе испарины, наконецъ, можетъ быть, и самый воздухъ, который, смѣшавшись съ гнилыми испареніями мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ и животныхъ труповъ, содѣлался проводникомъ злокачественнаго дѣйствія оныхъ во внутренности тѣла».

«Столь общія причины должны были необходимо учинить и самую болѣзнь общею. И въ самомъ дѣлѣ, очень немногіе могли устоять противъ вредоноснаго оныхъ вліянія; и когда уже непріятель далеко уходилъ отъ предѣловъ разоренной Москвы, новые враги, то есть болѣзни, столь сильно начали свирѣпствовать, что въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ деревняхъ значительное число обывателей отъ нихъ умерло».

Въ 1813 году, въ самый день выхода враговъ изъ Москвы, совершены Преосвященнымъ Августиномъ въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе за избавленіе матери земли Русской, древней нашей столицы отъ вторженія въ нее Галловъ, и послѣ онаго крестное хожденіе, при собраніи духовенства изъ всѣхъ Московскихъ церквей, вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, что установлено, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода совершать всегда, и на память потомству введено въ Московскій церковный кругъ.*

* Этотъ крестный ходъ сопровождаетъ и чудотворная Иверская икона Божіей Матери, которая берется изъ часовни и тутже обносится.

Крестный ходъ на Красной площади бываетъ еще 1-го Октября изъ Успенскаго собора въ соборъ Покрова Пресвятыя Богородицы (иначе къ Василію Блаженному), установленный Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1552 году въ память покоренія города Казани. Грозный, устроя благосостояніе внутреннее, не забылъ обезпечить Россію и извнѣ. Уничтоживъ частные набѣги Казанскихъ Татаръ, онъ построилъ крѣпость Свіяжскую, посадилъ снова на царство Шигъ Алея, который по просьбѣ Сеитовъ, Уланъ, Князей и Мурзъ лишенъ былъ престола Казанскаго Василіемъ и жилъ въ Россіи; потомъ, наскучивъ возмущеніемъ и коварствомъ Казанцевъ, рѣшился уничтожить мятежное царство. Іюня 16 дня 1552 г. Іоаннъ оставилъ столицу свою и отправился къ войску, посланному для покоренія Казани. Нашествіе Крымскаго Хана удержало на нѣсколько времени праведную месть Іоанна и принудило его обратиться къ Коломнѣ; разбитый Ханъ бѣжалъ въ свои улусы, и Москва увидѣла въ стѣнахъ своихъ трофеи побѣды: непріятельскія пушки, верблюдовъ и плѣнниковъ. Очистивъ нынѣшнія, Рязанскую и Тульскую губерніи отъ враговъ, Іоаннъ пошелъ къ Казани, предводительствуя самъ войскомъ, состоявшимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ 150,000.

1-го Октября, говоритъ Карамзинъ, Іоаннъ объявилъ войску, чтобъ оно готовилось *пить общую чашу крови*, то есть, къ приступу, и велѣлъ воинамъ *очистить душу* наканунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ, и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся! Тогда Государь началъ устроивать войско къ *великому дѣлу*.

«Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы, отъ Татаръ, бродящихъ по лѣсамъ, отъ Ногайскихъ Улусовъ, и чтобы отрѣзать Казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ ча-

стію большаго полка, а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жителями Горной стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ дворянами Царской дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ городищѣ. Отпустивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ казаками, Головамъ съ стрѣльцами и дворовымъ людямъ, раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ дѣтей Боярскихъ; за ними идти полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воротынскому съ Окольничимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и Поганаго озера, Князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливыя, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Муралеевы, Дмитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный, Оболенскій и Дмитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его ду-

шеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему сказать, что инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что ненадобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ заутреню въ церкви, отпустилъ дружину Царскую, молился изъ глубины сердца.... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

«Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася.... Государь вышелъ на

паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился: да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: Алла! Алла! призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ.... Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти,

ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ.... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле,—знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду.

«Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ идти и другимъ воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго

рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки, — и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы нико о изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые, а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести; ударили сильно и потѣснили ихъ!, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ.* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. Съ нимъ были, пишетъ Курбскій, великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ: они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобъ удержать бѣгущихъ. Полови-

на отборной двадцати-тысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря, нагрянуло на Татаръ; они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступили до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные, Абазы, Сеиты, Молны (Муллы) и Первосвященникъ Культерифъ встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервенѣніи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота... Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000 въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько

сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лезли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. Слушайте, сказали Казанцы: доколѣ у насъ было царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу. Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго вельможу или Карача, именемъ Заніета, и двухъ *мамичей*, или совоспитанниковъ царскихъ; начали снова стрѣлять, кричали со стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей правой руки, но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но Татаръ было еще 5,000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не стришились смерти; стиснули нашихъ героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію,

замертво на землю, — шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница не могла уже за ними гнаться, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервенѣнiемъ еще опасный для Россiянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса. Воеводы настигали и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногiе, и то раненые».

Городъ былъ взятъ. Тогда Главный военачальникъ, Князь Михаилъ Воротынскiй прислалъ сказать Государю: «Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастiемъ побѣда совершилась. Казань наша, Царь ея въ твоихъ рукахъ; народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны: что прикажешь? *Славить Всевышняго,* отвѣтствовалъ Iоаннъ; воздѣлъ руки къ небу, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвiю и, собственною рукою, водрузивъ животворящiй крестъ, назначилъ тамъ быть первой церкви Христiанской.

До 1700 года, до уничтоженiя сана Патрiаршаго Великимъ Петромъ, Красная площадь была свидѣ-

тельницею великолѣпнаго обряда церкви въ недѣлю Вайй. Первоначально этотъ обрядъ происходилъ въ Кремлѣ слѣдующимъ образомъ: Въ недѣлю, передъ обѣднею собирался народъ Московскій въ Кремль. Изъ храма Успенія Пресвятыя Богородицы выносили большое дерево, обвѣшанное разными плодами: яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками и другими, укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли ирмосы. За санями шли юноши съ зажженными восковыми свѣчами и съ большимъ фонаремъ; за ними несены были двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами шли священники въ великолѣпныхъ ризахъ; за ними Бояре и сановники, наконецъ самъ Государь и Митрополитъ; послѣдній ѣхалъ на ослѣ, верхомъ, спустя ноги на одну сторону, или на конѣ, одѣтомъ бѣлою тканью; лѣвою рукою Митрополитъ держалъ Евангеліе, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ: Государь одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь Митрополиту устилали сукнами. Далѣе шли еще Бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обойдя такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ Митрополитъ служилъ литургію, а послѣ давалъ обѣдъ Царю и вельможамъ.

Но съ XVII столѣтія эта церковная процессія въ недѣлю Вайй ходила за Спасскія ворота, къ придѣльному храму Покровскаго собора — Входа во Іерусалимъ, и исполнялась такъ:

Передъ поздней обѣдней Государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ праздничномъ нарядѣ, сопровождаемый Боярами, Окольничими и другими сановниками, гдѣ Патріархъ, при обычныхъ молитвахъ, облачался. Изъ собора ходъ шелъ такъ: «въ ходъ емлютъ двѣ хоругви, за ними чернцы и потомъ діаконы, по два вмѣстѣ, за ними священники по три вмѣстѣ, по нимъ Протопопы и запрестольный образъ, два креста хрустальные, однѣ рипиды и образы Московскихъ Чудотворцевъ, Иліи Пророка и Варлаама, иконы изъ Чудова, изъ Троицкаго подворья, изъ Архангельскаго собора и отъ Св. Николая Гостунскаго; далѣе Протопопы, Успенскій да Благовѣщенскій, и потомъ пѣвчіе и образъ Богородицы Влахернскія, въ преднесеніи поддьяками двухъ свѣчъ. За иконою идутъ соборные Ключари, потомъ Патріархъ въ маломъ облаченіи съ посохомъ. По правую сторому Патріарха несутъ діаконы Евангеліе большое въ ковчегѣ бархатномъ, а по другую—крестъ на мисѣ золотой, земчужный большой; да малое Евангеліе.» Въ ходу участвовало духовенство всей Москвы и многія изъ духовныхъ

властей иногородныхъ. Въ 1675 году, кромѣ Патріарха, въ такой церемоніи были: 3 Митрополита, 2 Архіепископа, 1 Епископъ, болѣе 10 Архимандритовъ, болѣе 10 Игуменовъ, 15 Протопоповъ, 300 Священниковъ и 200 Діаконовъ — всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи, одни въ нарядныхъ и цвѣтныхъ ризахъ, другіе въ такихъ стихаряхъ. Шествіе Государя, подобно другимъ Царскимъ выходамъ, открывалось нижними чинами, по три человѣка въ рядъ: впереди Дьяки, за ними Дворяне, Стряпчіе, Стольники, Ближніе и Думные люди и Окольничіе. Потомъ шелъ Государь, а за нимъ Бояре, нѣкоторые изъ Думныхъ и Ближнихъ людей и наконецъ Гости. По обѣ стороны для охраненія отъ тѣсноты Стрѣлецкіе Полковники.

Ходъ останавливался у Покровскаго собора, лицомъ къ востоку. Государь и Патріархъ шли въ соборный придѣлъ Входа во Іерусалимъ. Государя сопровождали въ это время одни только высшіе чины; прочіе же, начиная со Стольниковъ, оставались у Лобнаго мѣста, по обѣимъ сторонамъ. Въ соборѣ Патріархъ служилъ молебенъ и облачался. Государь также возлагалъ на себя Царскія одежды на паперти собора: надѣвалъ крестъ, діадему, Царскую шапку, Царскую порфиру и пр. Вмѣсто посоха, на который

онъ опирался во время хода, ему подавали златокованный Царскій жезлъ.

Между тѣмъ на Лобномъ мѣстѣ ставили аналой, покрытый зеленою бархатною пеленою; на него клали Евангеліе и Св. иконы Іоанна Предтечи, и Чудотворца Николая, иногда Казанской Божіей Матери. Недалеко отъ Лобнаго мѣста, со стороны Красной площади, стояло осля, то есть конь, покрытый бѣлою суконною попоною. При осляти находились Патріаршій Бояринъ и пять Дьяковъ, въ золотыхъ кафтанахъ. Тутже стояла и верба—большое дерево, украшенное искусственною зеленью, цвѣтами и плодами, на саняхъ*, украшенныхъ рѣшеткою, которая была расписана разными красками. Верба эта приготовлялась иногда въ Приказѣ Большаго Дворца, иногда въ Патріаршемъ, а на Лобное мѣсто ставили ее уже въ самый день Вербнаго Воскресенія, рано утромъ.

Соборный Ключарь украшалъ вербу еще яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, винными ягодами, орѣхами и проч.; но при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, во время пребыванія въ Москвѣ Вселенскихъ Патріарховъ—Паисія Александрійскаго и Макарія Антіо-

---

* Родъ колесницы.

хійскаго, она убрана была особенно великолѣпно. Въ запискахъ 1668 года о Цвѣтной недѣлѣ и особенно о вербѣ, вотъ какъ говорится: «верба была нынѣшняго году устроена по Государеву указу благолѣпотно, первый годъ, а не тако простно, яко же въ минувшихъ лѣтехъ, токмо зеленый овощь имѣла: яблоки, и ягоды, изюмъ и винныя, и рожцы, и орѣхи обѣшены. Нынѣ же зеленуется, яко же бы сей часъ разцвѣло; листы сучены зеленые и плоды видятся, яко бы отъ земли возрасли, и яблоки большія и среднія, и завези малыя, и птицы всякія различными виды видятся; и около вербы перила учинены; столбики писаны разными красками, и сукномъ одѣяна, и шесть впряжено коретныхъ добрыхъ лошадей.»

Тогда какъ Государь и Патріархъ выходили изъ Покровскаго собора, кресты и образа, по благословенію Патріарха, возвращались въ Успенскій соборъ. Патріархъ съ Государемъ всходилъ на Лобное мѣсто и здѣсь подносилъ Государю сначала ваію — пальмовую или финиковую вѣтвь, а потомъ вербу, которыхъ стебли были обшиты бархатомъ. Такія же ваіи и вербы Патріархъ раздавалъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ; нижнимъ Государевымъ чинамъ и народу раздавали Митрополиты одну только вербу. Въ то время, когда, по разданіи, Архидіаконъ, обра-

тясь на западъ, предъ Патріархомъ читалъ Евангеліе, и когда доходилъ до словъ: *и посла два отъ ученикъ,* соборный Протопопъ съ Ключаремъ подходили къ Патріарху, который благословлялъ ихъ подъ видомъ двухъ учениковъ, идти за ослятемъ, и произносилъ приличный Евангельскій текстъ. «Протопопъ съ Ключаремъ, принявъ благословеніе, пойдутъ по осля ко уготованному мѣсту, идѣже привязана, и пришедъ, отрѣшаютъ е; при чемъ Бояринъ Патріаршій глаголетъ: *что отрѣшаете осля сіе?* И ученицы глаголютъ: *яко Господь его требуетъ.* И поведутъ ученицы осля съ обѣ стороны подъ усцо, и приведутъ къ Патріарху къ Лобному мѣсту; а Патріарши Дьяки за ослятемъ несутъ сукно, красное, да зеленое, и коверъ.» Потомъ Протопопъ и Ключарь покрывали этими сукнами осля, а коверъ полагали на сѣдалице. По совершеніи дѣйства цвѣтоносію, Патріархъ, принявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ, благословлялъ Государя и садился на осля. Шествіе, какъ и прежде, открывалось Государевыми низшими чинами, сначала Дьяками; потомъ шли Дворяне, Стряпчіе, Стольники по три человѣка въ рядъ. Всѣ они были въ богатыхъ золотыхъ кафтанахъ, почему и назывались въ подобныхъ церемоніяхъ *золотчиками.* За ними везли нарядную вербу шесть лошадей. На саняхъ, подъ деревомъ, за перилами сто-

яли и пѣли стихеры цвѣтоносію Патріаршіе пѣвчіе поддьяки меньшихъ станицъ—мальчики лѣтъ 12, въ бѣлыхъ одеждахъ. За вербою слѣдовало духовенство съ иконами. Потомъ шли Ближніе люди, Думные Дьяки и Окольничіе въ великолѣпной одеждѣ, съ ваіями. Далѣе Государь въ большомъ Царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки Ближними людьми, велъ осля за конецъ повода. Средину повода держалъ и велъ осля за Государемъ одинъ изъ первостепенныхъ Бояръ. Кромѣ того, осля вели подъ устцо два Дьяка, Государевъ и Патріаршій, и Патріаршій конюшій Старецъ. Впереди Государя Стольники и Ближніе люди несли Царскій жезлъ, Государеву вербу, Государеву свѣчу, Царское полотенцо. По обѣ стороны Царя шли Бояре, Окольничіе и Думные Дворяне съ ваіями. Патріархъ во время шествія осѣнялъ народъ крестомъ. За ними духовныя власти въ богатѣйшемъ облаченіи; а подлѣ осляти находились, для обереганія Патріарха, его Бояринъ и Дьякъ. Шествіе заключали Гости.

По всему пути, во время шествія, дѣти Стрѣльцовъ, мальчики отъ 10 до 15 лѣтъ, постилали предъ Государемъ и Патріархомъ сукны разныхъ цвѣтовъ, преимущественно красныя и зеленыя, и такіе же однорядки и кафтаны.

Такимъ образомъ шествіе это тихо и торжественно вступало въ Спасскія ворота. Тогда начинался общій звонъ какъ въ Кремлѣ, такъ и по всѣмъ Московскимъ церквамъ, и продолжался до того времени, когда Царь и Патріархъ уходили въ Успенскій соборъ. Церемонія останавливалась у западныхъ дверей собора; нарядную вербу ставили у южныхъ. Въ соборѣ Протодіаконъ дочитывалъ Евангеліе, послѣ чего Патріархъ принималъ у Государя ваію и благословлялъ, потомъ цѣловалъ его въ десницу; Государь, принявъ благословеніе, цѣловалъ Патріарха въ мышцу. Совершивъ святое дѣйство, Царь шествовалъ во Дворецъ и слушалъ тамъ въ одной изъ церквей литургію. Между тѣмъ Патріархъ служилъ литургію въ соборѣ, и по отпускѣ шествовалъ къ вербѣ, говорилъ надъ нею обычную молитву и благословлялъ. Послѣ этого Ключари отсѣкали отъ вербы сукъ и относили его въ алтарь; потомъ отрѣзывали вѣтви и часть ихъ посылали на серебряныхъ блюдахъ въ Верхъ, то есть во Дворецъ къ Государю, а другую раздавали духовнымъ властямъ и Боярамъ. Остатки вербы и всѣ украшенія саней отдавались Стрѣльцамъ и народу.

Слѣды этого празднества сохранились до нашего времени въ народномъ гуляньѣ подлѣ Спасскихъ во-

ротъ и Лобнаго мѣста на Красной площади, которое обыкновенно бываетъ въ Лазарево Воскресенье (субботу), наканунѣ Цвѣтной недѣли, или Цвѣтоноснаго Воскресенія. Прежде и гулянье это было въ Кремлѣ, около Вознесенскаго монастыря, куда жители Московскіе толпами сходились полюбоваться, чрезъ зубчатую Кремлевскую стѣну, Замоскворѣчьемъ и помечтать о минувшемъ. Разнообразіе зданій, составляющее смѣсь величія съ милою простотою, сильно дѣйствовало на душу зрителя. Тутъ были дома, тутъ были улицы, тутъ возвышались чертоги вельможъ Русскихъ, тутъ находились погреба и подвалы, гдѣ гостепріимные предки держали крѣпкіе меда, пива и другіе напитки, и гдѣ, во время пожаровъ и нашествій непріятельскихъ, скрывали они сокровище, а нерѣдко спасали и жизнь свою. Покупали искусно сдѣланную инокинями монастыря вербу, которой продавалось въ то время на значительную сумму. Но съ прекращеніемъ обряда въ недѣлю Ваій, гулянье перешло за стѣны Кремлевскія. Настоящаго разгула здѣсь нельзя встрѣтить; главная цѣль народнаго стеченія: продажа и покупка вербы, большею частію украшенной искусственными цвѣтами, плодами и т. п.; однако подъ вечеръ бываетъ катанье, которое, какъ говорятъ, началось со временъ Анны Іоанновны.

Нѣкоторые писатели разсказываютъ, будто въ старину сами Государи вмѣстѣ съ народомъ ходили ломать вербу на берега Неглинной, покрытой ивами и вербами, дабы мысленно подстилать Русскія ваіи подъ стопы Спасителя. По словамъ Г. Сахарова, въ старину разставляли съ утра ивы и вербы по берегу Неглинной рѣчки.

Зрѣлища, когда крестный ходъ останавливается на Лобномъ мѣстѣ, для совершенія съ колѣнопреклоненіемъ торжественнаго молебствія, нельзя изобразить. Надобно непремѣнно видѣть, чтобы составить понятіе, какъ колеблющійся, подобно волнамъ морскимъ, народъ, дѣлается неподвижнымъ, и тихо, въ умиленіи сердечномъ возноситъ мольбы свои къ престолу Всевышняго, когда увидитъ развѣвающіяся на Лобномъ мѣстѣ хоругви и услышитъ пѣніе церковнослужителей.

Мы сказали, что образованіе Красной площади, по всей справедливости, относится къ тому времени, когда жители Кремля, вытѣсненные изъ него многочисленностію народа, начали строиться внѣ Кремля; но первое важное событіе, которымъ ознаменовалась Красная площадь, относится къ 1353 году, когда Тысячскій Столицы, именемъ Алексѣй Петровичъ,

важнѣйшій изъ чиновниковъ и, подобно Князю, окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ заутрени найденъ мертвымъ среди площади. Говорили явно, что онъ испыталъ участь Андрея Боголюбскаго, и что Ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его вслѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ, именовали ихъ и требовали суда; но кроткій Іоаннъ не только мало обратилъ на это вниманія, но еще, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова призвалъ къ себѣ на службу тѣхъ вельможъ Московскихъ, которые, опасаясь торжественнаго обвиненія, уѣхали съ семействами своими въ Рязань къ его врагу Олегу. Съ этого времени начинается историческое значеніе Красной площади, а послѣ этого, чего на ней не происходило—и пріятнаго и не пріятнаго, и умилительнаго и ужаснаго!

Здѣсь народъ и Бояре Московскіе явили разительный примѣръ ревности къ законному Государю, — ревности, которая впослѣдствіи прославила не только Москву, но и цѣлую Россію. Въ 1359 году скончался Іоаннъ кроткій, оставивъ Москву съ городами и селами ея двумъ малолѣтнымъ сыновьямъ своимъ Димитрію и Іоанну, а шестилѣтнему своему племяннику Владиміру Андреевичу—удѣлъ отца его. Мало-

лѣтство юныхъ сыновей Іоанновыхъ и происки въ Ордѣ доставили Димитрію Константиновичу, Князю Суздальскому, престолъ Великокняжескій. А между тѣмъ вдовствующая мать Димитрія и Іоанна, Святый Алексѣй и Бояре Московскіе старались о пользѣ юныхъ своихъ Государей. 12-лѣтній Князь Димитрій явно началъ оспоривать у Димитрія Суздальскаго право на Великокняженіе, поѣхалъ въ Орду и получилъ грамоту; но Князь Суздальскій не уважилъ оной и не хотѣлъ уступить первенства. Тогда народъ Московскій и Бояре сѣли на коней, и подъ предводительствомъ трехъ державныхъ отроковъ выступили противъ Князя Суздальскаго. Единодушная ихъ рѣшимость принудила бывшаго Великаго Князя, не обнажая меча, вездѣ уступить ополченію Московскому; онъ ушелъ въ Суздаль, и Димитрій Іоанновичъ, принявъ во Владимірѣ престолъ родителя своего, возвратился въ Москву на всегдашнее пребываніе, проживя во Владимірѣ только три недѣли.

На Красной площади знаменитый Шуйскій испыталъ ужасъ смерти. Уже голова его лежала на плахѣ, какъ онъ получилъ отъ Лжедимитрія помилованіе. Красная площадь огласилась побѣдными кликами Пожарскаго и Минина. Съ Московской Красной площади избраніе въ Цари юнаго Михаила пронеслось по всѣмъ

концамъ государства, и единодушно принято. Сюда стекались Стрѣльцы съ поникшими головами, съ веревками на шеѣ, съ плахами и топорами въ рукахъ, на собственную свою казнь, которымъ Великій Петръ, видя ихъ раскаяніе, даровалъ помилованіе. Но и этимъ еще не кончаются картины Красной площади.

Обратите ваше вниманіе на эту стѣну Кремля, смотрящую на Красную площадь. Это-то мѣсто, на которое враги, при осадахъ Москвы, болѣе всего нападали. Посмотрите на нее,—и воображенію вашему представится, какъ предки наши въ полномъ вооруженіи стояли на оной между зубцами, и съ хладнокровнымъ мужествомъ отражали нападеніе непріятелей; тучи стрѣлъ летѣли на Кремль, трупы убитыхъ валились со стѣнъ, но храбрые не ослабѣвали: они заступали мѣсто поверженныхъ, поражали враговъ, дерзавшихъ приблизиться къ стѣнамъ, и трупами ихъ устилали сію площадь. Дерзость враговъ находила всегда у стѣнъ этихъ сопротивленіе, и нерѣдко, покрытые стыдомъ, довольствовались однимъ мщеніемъ: сожженіемъ посада и окрестностей Московскихъ; такъ отступали, устлавъ площадь сію тѣлами собственныхъ воиновъ, Ольгердъ Князь Литовскій, Эдигей, Казанцы-Крымскій Ханъ Магметъ, Гирей, и самый Тахтамышъ, цѣлые три дня проливая напрасно

кровь своего войска, взялъ Кремль однимъ только обманомъ.

Подойдите поближе къ воротамъ Никольскимъ, прочтите золотую надпись подъ чудотворною иконою Святителя Николая, находящеюся на башнѣ ихъ, и вы вспомните месть безсильной уже злобы Наполеона, а сохранившееся стекло на иконѣ—напомнитъ вамъ могущество Того, въ Чьей десницѣ и самое слабое и рухлое вещество получаетъ исполинскую силу.

Подойдите къ воротамъ Спасскимъ, и воображенію вашему представится, что это тѣ ворота, въ которыя входили и въѣзжали и донынѣ въѣзжаютъ Цари Русскіе въ священный златоглавый Кремль. Это тѣ ворота, въ которыхъ храбрый Остей, защитникъ Московскій, первый былъ жертвою лютой злобы врага, измѣнившаго своему слову. Это тѣ ворота, которыя и донынѣ особенно отличаются свято соблюдаемымъ благоговѣйнымъ обычаемъ — снимать шапки и проходить сквозь нихъ съ непокрытою головою. Лѣтописцы не опредѣляютъ точно, когда установлено это обыкновеніе; но преданія и догадки относятъ начало онаго къ двумъ обстоятельствамъ: къ избавленію Кремля отъ нашествія Татаръ въ 1591 году, и къ прекращенію моровой язвы въ 1601 году. Нѣкото-

рые изъ историковъ нашихъ пишутъ, что обычай этотъ введенъ уваженіемъ къ царскому Дворцу, который былъ виденъ изъ этихъ воротъ. Можетъ быть. Но мнѣ кажется, что первое справедливѣе. Россіяне — всегда сохраняя вѣру, все относили къ Богу и запечатлѣвали благодарность свою священными обрядами. При воротахъ этихъ большой образъ Спасителя, для котораго со стороны, обращенной къ Красной площади, при входѣ, устроена часовня; на верхней части башни, подъ образомъ Спасителя, слѣдующая Латинская надпись: Ioannes Vassilii (Basilii), Dei gratia magnus dux Volodimirae, Moscoviae, Novagradiae, Tferiae, Plescoviae, Veticiae, Ongariae, Permiae, Volgariae et aliarum, totius Rossiae Dominus,[1] anno 30 imperii sui, has turres condere pissit, et statuit Petrus Antonius Mediolanensis, anno nativitatis Domini 1491, которой переводъ слѣдующій: Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и другихъ и всея Россіи Государь повелѣлъ построить эти башни въ 30 лѣто своего царствованія; а дѣлалъ Петръ Антоній Селарій Медіоланецъ въ лѣто воплощенія Господня 1491-е. Умилительно смотрѣть, какъ усердные христіане служатъ молебны въ часовнѣ Спасителя; но не менѣе пріятно видѣть, какъ люди, съ обнаженною головою,

мелькаютъ сквозь эти ворота—кто въ Кремль, кто изъ Кремля. Одинъ идетъ въ Кремль полюбоваться дивомъ-колоколомъ и чудомъ-пушкою, другой спѣшитъ походить по Грановитой палатѣ и Арсеналу и насладиться видомъ новосозданнаго Кремлевскаго Дворца, третій идетъ по дѣламъ въ Сенатъ. Иной, поклонившись святынямъ Кремлевскимъ, идетъ изъ Кремля, поспѣшая *на дѣло свое и на дѣланіе до вечера*, взглядываетъ на свои часы и повѣряетъ ихъ съ знаменитыми часами Спасскими.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, нѣкогда великодушнаго, образца Вѣнценосцевъ, славы и гордости Россіи, на Красной площади, по повелѣнію его, пылали костры, клокотала вода въ котлахъ, возвышались висѣлицы,—для казни подпавшихъ его гнѣву. Во времена Софьи здѣсь воздвигнутъ былъ каменный столбъ, съ начертаніемъ на желѣзныхъ доскахъ мнимыхъ преступленій Бояръ, умерщвленныхъ Стрѣльцами, за мнимую измѣну отечеству. Нѣкогда на Красной площади, по правую сторону Спасскихъ воротъ, стоялъ богатаго купца Таракана каменный домъ, который долго былъ предметомъ удивленія для Московскихъ жителей. Нынѣ лучшимъ и достойнѣйшимъ украшеніемъ знаменитой Красной площади служитъ великолѣпный памятникъ Гражданину Ми-

нину и Князю Пожарскому. Славному вѣку Александра предоставлена честь оцѣнить подвиги этихъ героевъ-благодѣтелей отечества, чрезъ 200 лѣтъ выражая священную дань признательности потомства нѣсколькими словами, начертанными на гранитномъ подножіи памятника: *Гражданину* Минину и Князю Пожарскому благодарная Россія.

Дѣянія этихъ мужей извѣстны. Мы нарочно старались сказать, сколько можно, полнѣе о царствованіи Шуйскаго и междоцарствіи, чтобы показать предварительно, какъ велики заслуги мужей, которымъ отечество наше обязано не только спасеніемъ, но и настоящимъ своимъ величіемъ, славою и благоденствіемъ. А потому здѣсь скажемъ только нѣсколько словъ о самомъ памятникѣ.

Почти за десять лѣтъ предъ тѣмъ, какъ поставленъ былъ этотъ памятникъ, предположено было его сооруженіе. Заданы были программы многимъ знаменитѣйшимъ художникамъ того времени, но удостоилась Высочайшаго утвержденія программа Г. Мартоса, сначала славнаго Россійскаго Скульптора, а потомъ Ректора Императорской Академіи Художествъ. Мысль его теперь извѣстна не только нашему отечеству, но и всей просвѣщенной Европѣ. Онъ избралъ

для памятника тѣ моменты, когда Мининъ пришелъ къ Князю Пожарскому, обремененному болѣзнію отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи за отечество, когда говорилъ ему о спасеніи государства и когда Пожарскій, забывая свою болѣзнь, беретъ мечъ и обѣщается спасти, или умереть.

Памятникъ этотъ поставленъ на огромномъ гранитномъ пьедесталѣ, съ одной стороны котораго, въ барельефѣ, представлены жители Нижегородскіе, приносящіе къ Минину свое имущество и богатыя украшенія для нуждъ военныхъ, а съ другой, тоже въ барельефѣ, — бѣгущіе изъ Кремля Поляки, и радость предводителей и воиновъ по полученіи совершенной побѣды надъ врагами.

Мысль Г. Мартоса выражена очень удачно и заслуживаетъ одобреніе во всѣхъ отношеніяхъ, равно какъ и смѣлая отливка столь огромныхъ фигуръ приноситъ честь нашему же художнику, Г. Екимову. Отечеству нашему предоставлена двойная честь — поставить памятникъ этотъ и никому за него не быть обязаннымъ, а закоренѣлымъ любителямъ всего иностраннаго — урокъ, что не одни иностранные художники создаютъ прекрасное и великое.

Величина памятника соотвѣтствуетъ важности его предмета. Высота фигуръ Минина и Пожарскаго — каждая почти $6\frac{1}{2}$ аршинъ, слѣдовательно почти аршиномъ болѣе того, какъ представленъ извѣстный памятникъ Петра Великаго въ Санктпетербургѣ на Исакіевской площади. Подъ фигурами большой плинтъ; длина же и широта барельефовъ сдѣлана по надлежащей соразмѣрности съ величиною прочихъ частей. Князь Пожарскій представленъ сидящимъ; слѣды жестокой болѣзни видны на геройскомъ челѣ его; Мининъ — стоя, съ обращенными взорами къ небу, въ которыхъ такъ и хочется прочесть слова: *Боже! укрѣпи и ополчи немощную руку мою; буди намъ помощникъ и благослови начинанія наши!*

Для сооруженія памятника сего поступило 150,000 рублей добровольныхъ приношеній. Тогда Г. Мартосъ приступилъ къ работѣ и въ 1815 году открыта имъ была для Санктпетербургскихъ жителей большая алебастровая модель, а между тѣмъ приготовлялся камень для пьедестала. Камень, по данной модели, приготовлялъ купецъ Сухановъ, извѣстный уже по другимъ подобнымъ работамъ Петербургу съ очень хорошей стороны.

Что касается до отливки фигуръ, барельефовъ и прочихъ принадлежностей изъ металла, то она пору-

чена была славному по этой части художнику, какъ мы уже сказали, Г. Екимову, тому самому, который уже былъ извѣстенъ по отливкѣ памятниковъ Императрицѣ Екатеринѣ II и Герою Рымникскому, также колоссальныхъ четырехъ статуй для Казанскаго собора и многихъ другихъ.

Великая работа эта, по словамъ очевидца, происходила такъ:

«Г. Екимовъ принялъ на себя сдѣлать собственными матеріалами и рабочими, во-первыхъ восковую группу, представляющую Минина и Пожарскаго, съ принадлежностями, то есть съ стуломъ, плинтомъ, мечемъ, шлемомъ, шишакомъ и барельефами; потомъ изъ этихъ восковыхъ фигуръ сдѣлать формы и наконецъ все это отлить изъ мѣди.

Для этого въ литейной Императорской Академіи Художествъ устроилъ Г. Екимовъ особый фундаментъ, на которомъ сдѣлано было 16 печей или прогаровъ, а сверху сихъ послѣднихъ устроена желѣзная рѣшетка.

На рѣшеткѣ поставлены были отлитые изъ воску плинтъ и группа, то есть фигуры Минина и Пожар-

скаго, укрѣпленныя толстыми желѣзными полосами. Надъ группою сдѣланъ былъ восковой бассейнъ наподобіе большой круглой чаши. Отъ бассейна проведены были на всѣ стороны восковые каналы, имѣющіе около дюйма въ діаметрѣ. Отъ каналовъ сихъ проведены другіе къ восковымъ фигурамъ подъ острыми углами, такъ, чтобъ одинъ конецъ сихъ послѣднихъ каналовъ, обыкновенно нутцами называемыхъ, упирался въ тѣ каналы, которые шли отъ бассейна, а другой шелъ нѣсколько вверхъ и упирался въ восковыя фигуры и плинтъ.

За этимъ, по сдѣланіи особыхъ воздушныхъ каналовъ отъ фигуръ, приступлено къ покрытію всего, изъ воску сдѣланнаго, мастикою, состоящею изъ толченаго кирпича, жидко разведенною на пивѣ. Покрытіе это дѣлается обыкновенно кисточками. Надобно было покрывать мастикою около 45 разъ, и послѣ каждаго раза просушать, что дѣлается, для сбереженія времени, съ помощію опахалъ, изобрѣтенныхъ Г. Екимовымъ и состоящихъ изъ большихъ перьевъ.

Между тѣмъ внутренность восковыхъ фигуръ наполнена составомъ изъ алебастра и толченаго кирпичу.

Когда все это такъ было приготовлено, тогда восковыя фигуры, наполненныя внутри вышесказаннымъ

составомъ изъ алебастра и толченаго кирпича, а снаружи покрытыя вышесказанною же мастикою, были обложены кусками изъ сырой глины, что сдѣлано и съ плинтомъ, каналами, путцами и воздушниками. Все это потомъ обведено кирпичною стѣною, окование снаружи полоснымъ желѣзомъ, а внутри залито составомъ изъ алебастра и толченаго кирпича.

Послѣ этого приступлено было къ выжженію воска. Для этого цѣлый мѣсяцъ топились находящіяся на фундаментѣ подъ рѣшеткою 16 печей или прогаровъ день и ночь, до тѣхъ поръ, пока сверху надъ оболочками фигуръ показался огонь. Такимъ образомъ весь воскъ выгорѣлъ, и то мѣсто, которое занято было воскомъ между мастикою, его покрывающею, и составомъ изъ алебастра и толченаго кирпича, внутри фигуръ находящимся, стало пусто. Такимъ образомъ сдѣлана форма. Кирпичныя стѣны, около формы сей прежде сдѣланныя, разобраны; форма вновь окована желѣзомъ, и по всѣмъ сторонамъ около нея сдѣлано 16 кирпичныхъ столбовъ или быковъ. За этими быками сдѣланы стѣны въ три ряда кирпичей; пустота между ними и формою засыпана землею, которая потомъ утоптана и убита.

По приготовленіи всего этого, расплавленъ былъ металлъ. Вообще металла, то есть штыковой мѣди,

олова и шпіаутеру положено было въ печь, для отливки группы и плинта, 1350 пудовъ.

Страшно было смотрѣть, когда металлъ этотъ потекъ горящею и клокочущею рѣкою по сдѣланному для него каналу къ бассейну, который, какъ выше сказано, сдѣланъ былъ надъ фигурами, и изъ котораго, разливаясь по каналамъ, онъ долженъ былъ наполнять снизу все то пространство, какое прежде занято было воскомъ и, послѣ выжженія воскомъ, осталось пустымъ.

Прежде г–на Екимова отливки фигуръ производимы были, обыкновенно, по частямъ; онъ, можно сказать, почти первый началъ отливать колоссальныя фигуры вдругъ, и притомъ не по одной фигурѣ, но по нѣскольку фигуръ съ принадлежностями.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отливки открыта группа и оказалась, ко всеобщему удовольствію, благополучно отлитою.

Такимъ же точно образомъ отлиты принадлежности къ памятнику: барельефы, шлемъ, шишакъ, щитъ и мечъ.

Бронзы пошло на группу и принадлежности, также на угаръ, опилки и трату при отдѣлкѣ, болѣе 1200 пудовъ.»

Нельзя было лучше избрать мѣста для памятника спасителямъ отечества, какъ посрединѣ Красной площади, что есть почти тоже, что посреди Россіи! И если Россія воздвигла здѣсь, въ 1818 году, памятникъ незабвеннымъ Минину и Пожарскому; то Москва, въ 1847-мъ, праздновала семисотлѣтній юбилей свой на Красной площади. Длинныя линіи лавокъ опоясаны были широкою огненною лентою и по столпамъ обнизаны огнями. Подножіе памятника Минина и Пожарскаго было также освѣщено, а по сторонамъ его отличались двѣ высокія пирамиды съ замѣчательными надписями. Стеченіе народа было несмѣтное,—и между тѣмъ, какъ Императорскій Московскій Университетъ и многія другія зданія привлекали толпы двигавшагося народа, и длинные ряды экипажей тянулись по улицамъ подъ розовымъ заревомъ освѣщенія, граматные люди читали на стѣнѣ Кремля огненный стихъ изъ Псалма: *Велій Господь и хваленъ зѣло, во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй его. Той упасетъ насъ во вѣки.*

Этимъ пока кончаются картины Красной площади. Въ заключеніе сообщаемъ статью, помѣщенную въ

«Русскомъ Вѣстникѣ» на 1818-й годъ, № 5 и 6, подъ заглавіемъ: *Открытіе памятника Минину и Пожарскому, или торжество вѣры и отечественныхъ добродѣтелей.*

«Въ лѣто 1818, въ *двадцатый* день Февраля, въ семнадцатый годъ царствованія Государя Императора Александра Павловича, открылся въ древней Русской Столицѣ памятникъ Гражданину Минину и Князю Пожарскому.

Какое необычайное зрѣлище восхищало взоры и сердца! Воины Русскіе, бывшіе два раза въ Парижѣ подъ предводительствомъ Царя-Героя, — сіи воины вмѣстѣ съ Вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ воздавали почесть сынамъ Россіи, жившимъ до насъ за *двѣсти шесть* лѣтъ! . . .

Въ продолженіи сего времени перемѣнились Русскіе обычаи, Россія тѣсно сблизилась съ Европой; но перемѣна нравовъ и обычаевъ не отдалила насъ отъ славы предковъ. Не умираетъ слава; незабвенны подвиги вѣры и вѣрности!

По удивительному стеченію обстоятельствъ, въ то время, когда властолюбивый *Наполеонъ*, обольщая

Европу призраками мира, соединялъ грозное ополченіе: въ то самое время, то есть 1809 года, собирались приношенія сыновъ Россіи на сооруженіе памятника *Минину* и *Пожарскому*. Слава ихъ увѣковѣчилась 1612 года. Чрезъ два вѣка наступилъ и другой *двѣнадцатый* годъ, въ который, равно какъ и въ первый, враги хотѣли уничтожить бытіе Россіи.

Сила *вѣры*, сила *отечественныхъ добродѣтелей* спасла Россію въ *семнадцатомъ* столѣтіи. Подъ мракомъ грозной тучи, носившейся надъ Россіею, Троицкая *Лавра* сіяла подобно лучезарному свѣтилу, къ которому устремлялись всѣ взоры вѣрныхъ Россіянъ.

Три боговдохновенные мужа: мудрый *Іоасафъ*, ревностный Авраамій *Палицынъ* и усердный къ Богу Діонисій, три сіи мужа съ знаменіемъ вѣры ополчились къ укрощенію бури, волновавшей отечество наше*.

Отрекшись отъ самихъ себя, они помышляли только о спасеніи вѣры и отечества. «Отдадимъ все неимущимъ нашимъ братьямъ», вѣщалъ Діонисій: «от-

* Въ *канонѣ* Преподобному Діонисію сказано: *преста волненій отечества нашего буря, егда явишася вѣрніи по вѣрѣ кормчіи, мудрый Іоасафъ, ревностный Аврамій и усердный по Бозѣ Діонисій.*

дадимъ все воинамъ. Царства и властительства пали отъ неправды и междоусобія. Однимъ сердцемъ, одною душею возстанемъ къ оборонѣ Россіи!» — Возстанемъ, писалъ Авраамій Палицынъ: возстанемъ заблаговременно; если упустимъ время, мы погибнемъ, мы будемъ жертвою враговъ! —

Вѣсть о пожертвованіяхъ, принесенныхъ Троицкою Лаврою отечеству, и граматы, разсылаемыя оттуда повсемѣстно, оживили сердца Россіянъ священною ревностію. Пожарскій и Mининъ быстро потекли къ избавленію престольнаго града*. Діонисій благословилъ ихъ и отпустилъ изъ стѣнъ святой обители; Авраамій Палицынъ былъ неразлучнымъ ихъ спутникомъ.

Памятникъ, воздвигнутый Минину и Пожарскому, есть общій памятникъ всѣмъ Россіянамъ, не щадившимъ ни имуществъ, ни жизни для спасенія Россіи отъ бѣдствій, угрожавшихъ ей 1612 года. Древніе защитники вѣры и отечества! намъ не нужно клясться, что вы не забыты нами: воззрите отъ высоты небесъ,

---

* Въ *канонѣ* Преподобному Діонисію сказано: *умилишася грамотами, Пожарскій и Мининъ потекоша на избавленіе отечества.*

воззрите! вотъ памятникъ, сооруженный вамъ признательною Россіей....

Мы не забыли предковъ нашихъ, и насъ не забудутъ потомки: слава созрѣваетъ вѣками. Не вдругъ и солнце является въ полномъ сіяніи: совершивъ полдневное теченіе, оно блеститъ во всей красѣ своей. Чрезъ два столѣтія воздвигли памятникъ ревностному Гражданину и великодушному Полководцу. Можетъ быть, по истеченіи такого же времени, насупротивъ сего памятника, принадлежащаго къ безсмертнымъ происшествіямъ царствованія Императора Александра Перваго, воздвигнется памятникъ «*новымъ избавителямъ Россіи и защитникамъ Европы.*»

И наконецъ скажемъ: Вѣчная благодарность въ сердцахъ нашихъ тебѣ, побѣдоносный Скопинъ-Шуйскій, какъ первому защитнику отечества, въ цвѣтѣ лѣтъ увядшему!

Вамъ, служители Бога вышняго, Діонисій и Авраамій, писаніями своими подвигнувшимъ сыновъ отечества и воспламенившимъ храбростію унылыя сердца ихъ, не пощадившимъ достоянія церковнаго на потребности царствующаго града и воинства! — вамъ да возносится вѣчная память во храмахъ той обите-

ли, гдѣ вы проводили дни свои, — и того града, въ избавленіи котораго отъ враговъ вы принимали столь дѣятельное участіе!

Честь и хвала тебѣ, мужественный Трубецкой, за то, что ты противостоялъ всѣмъ злодѣйскимъ замысламъ и мятежнымъ поступкамъ Заруцкаго, и съ побѣдоносными сотрудниками твоими поражалъ враговъ отечества!

Миръ праху вашему, безсмертные герои Мининъ и Пожарскій! Да носятся всегда священныя тѣни ваши надъ рядами Россійскаго воинства въ часы лютыхъ битвъ со врагами! Да раждаетъ отечество наше героевъ, вамъ подобныхъ!... И хотя по прошествіи многихъ вѣковъ, всесокрушающая рука времени разрушитъ вашъ памятникъ, но слава безсмертныхъ подвиговъ вашихъ

................тогда затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 629 365 3